

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 6 (72). № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

Учредитель – КФУ имени В. И. Вернадского.

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,

КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Коротченко Ю. М.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Карабыков А. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Федорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Нагорный В. А.

Редактор электронной версии: Гаспарян М. В.

Ответственные за выпуск:

Андрющенко И. А.	к. культурологии, доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Гросфельд Е.В.	к. полит. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О.В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-016-5387 Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: u4enezapiskicfu-philosophy@yandex.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78

Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 6 (72). 2020. № 3. С. 3–16.

УДК 124.2

О ТЕМПОРАЛЬНОСТИ СМЫСЛА

Гарипова Н.М.

*Гуманитарно-педагогическая академия Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского (филиал в г. Ялта), г. Ялта, Российская Федерация*

E-mail: natamigo@rambler.ru

В статье исследуется смысл с точки зрения процессуальности: как зарождающееся в сознании человека, получающее объективацию в виде значения и благодаря этому транслирующееся. Процессуальность смысла рассматривается как его существенное свойство, производное от темпоральности. Исследование темпоральности базируется: 1) на различении смысла и значения; 2) на признании смысловой мотивированности любых видов человеческой деятельности. Они, в свою очередь, могут быть сведены к трём основным формам – материально-практической, духовно-теоретической и практически-духовной. В любой из указанных форм деятельности смысл возникает из переживания субъекта и объективируется в значении. Переживание репрезентировано как переживание потребности в предмете смысла, как переживание знания его “устройства”, как переживание предмета смысла и отношения к нему. Объективация (означивание) переживания потребности реализуется в вещи. Объективация переживания знания «как» предмета (понимание его логоса) реализуется в слове, дискурсе, и модели. Означивание переживания отношения к предмету смысла реализуется в экспрессивных симптомах эмоций, в тропах, в художественных образах, в интонациях речи, метафорах, аллегориях и в целом художественного произведения. Значение, в котором объективирован смысл адресантом, может по-разному с точки зрения механизма интерпретироваться адресатом. Смысл может пониматься на основе осознанного владения знаками, используемыми при его объективации, или культурным контекстом использования вещи, ритуала и пр. И в этом случае смысл окончательно остаётся значением. Но он может постигаться на основе переживания и осознания отношений субъекта и вещи, оборачивающихся отношением субъекта к самому себе, а также в различных отношениях субъекта к предмету смысла.

Ключевые слова: смысл и значение; переживаемость; процессуальность; интенциональность; означивание смысла; трансляция смысла; смысл как отношение.

Введение

Смысл - понятие, к которому обращаются в самых разных контекстах повседневности, всякий раз хорошо осознавая информацию, стоящую за его вербальным коррелятом. Часто этот термин употребляется в научных текстах, а в художественной сфере воплощение и поиск смыслов являются главными задачами. Однако, несмотря на столь активное обращение к этому понятию, оно остаётся недостаточно проанализированным, целостная теория смысла отсутствует и это в какой-то мере тормозит развитие тех областей знания, в которых решение проблемы

смысла имеет концептуальное значение: таковы, например, теории искусственного интеллекта, герменевтика, феноменология, семиотика и др. Отчасти такое положение объясняется тем, что пылливость человеческого ума обращена, прежде всего, не к самому феномену смысла, а к его предмету, в качестве которого выступают как общезначимые и понятные для большинства людей ценности [1; 2; 3; 4; 5; 6], так и самые разные объекты, явления, процессы, представляющие интерес для учёных в аспекте их устройства (структуры) и назначения (функции).

Отметим, что попытки понять, что такое смысл, можно найти еще в трудах Аристотеля, предложившего концепцию «общего чувствилища», а также в учении римских стоиков о добродетельной жизни, согласующейся со «здравым (хорошим) смыслом». Именно понятие здравого смысла сохранилось в философской мысли вплоть до возникновения новоевропейской классической науки, а по мнению ряда учёных, нашло отражение и в учении Канта о вкусе [7]. Проблему смысла мы находим и в средневековье – в учении Отцов Церкви, истолковывающих *смысл* в качестве одного из синонимов понятия *логос*, имеющего весьма широкий спектр значений от Единого Божественного Логоса до малых логосов бытия [8; 9; 10]. В новоевропейской науке термин *смысл* обретает новое значение, связанное с индивидуальностью понимания, это послужило основанием для противопоставления смысла истине. Статус категории смысл обретает в философии позитивизма, а также в формальной логике и аналитической философии, связывающих смысл с субъективными моментами понимания, что, по сути, согласуется с пониманием смысла в Новое время. Разногласия в понимании смыслового феномена отчасти объясняется его многоликостью [11], которая усложняет выявление его существенных признаков.

В большинстве концепций смысла он представлен как явление статичное, репрезентированное в одномоментном срезе. Сам по себе такой подход не плох, он даёт возможность учёному сосредоточиться на существенных моментах изучаемого феномена, в том ракурсе его рассмотрения, который требует исследовательская позиция. Вместе с тем, нельзя не отметить, что данный подход при его абсолютизации позволяет упустить из вида существенное свойство смысла, заключающееся в переживаемом отношении субъекта к объекту. Из этого отношения рождается смысловой феномен: с одной стороны, оно предполагает некое дление, а с другой, представляет собой особое состояние. Со времён Brentano его принято определять как *интенциональность*.

Термин интенциональность в современной философии не однозначен, но многие исследователи решают проблему интенциональности в прагматическом ключе, в контексте человеческих действий, связывая её с намерением, желанием и уверенностью, что представляется весьма ограниченным [12]. Однако темпоральность смысла связана не только с интенциональностью. Самый очевидный из аспектов темпоральности проявляется в коммуникативной природе смысла, который проходит путь от адресанта (отправителя) к адресату (получателю). На процессуальность смысла указывал и У. Эко, который писал: «Отношения между символом и его значением могут меняться: они могут разрастаться, усложняться, искажаться; символ может оставаться неизменным,

тогда как значение может обогащаться или скудеть. И вот этот-то безостановочный динамический процесс и должно называть "смыслом"» [13, с. 51]. Динамическую особенность смысла подчёркивает и А. В. Смирнов, но в ином контексте: смысл - «это становящееся содержание», способность «к переплавлению себя в другое» [14, с. 24, 35, 80]. Э. Гуссерль в своих поздних работах обосновывает историко-интенциональный анализ, призванный отражать историю смылосозидания человечества, которая по ряду позиций соответствует истории человеческого знания [15; 16].

Во всех этих интерпретациях нивелируется различие между смыслом и значением. Кроме того, они не позволяют увидеть существенное свойство смыслового феномена – его переживаемость. Мы же утверждаем **движение смысла** от явления индивидуального сознания, предполагающего интерсубъективность, к различным формам означивания, обладающих потенциями вызывать переживание некоего содержания (информации), к интерпретациям этого переживания в качестве постижения смысла, а не только в качестве усвоения значения. Данный подход позволяет по-новому взглянуть на смысловой феномен и увидеть в нём особую роль переживающего субъекта, с которого не только начинается трансляция смысла, но который в процессах интерпретации означенного, благодаря своим опыту, знаниям, пониманию ситуации и пр., нередко привносит в смысловой феномен нечто своё, субъективное, не включённое в смысл изначально.

Предлагаемый подход находится в контексте поисков решения проблемы соотношения сознания и времени. В философской литературе имеет место широкий пласт работ, анализирующих время в связи с человеком и человеческим существованием: с жизнью души (Плотин, св. Августин, А. Бергсон), с мышлением и процессами осознания (Р. Декарт, И. Кант, Э. Гуссерль), с чувственным восприятием временных процессов (И. Кант, Дж. Локк, М. Хайдеггер, К. Ясперс) [см. 17]. Особую ценность для нас представляют философские концепции, в которых раскрывается связь времени и смысла. Так, смысл как временной феномен получает освещение в исследованиях Э. Гуссерля, анализирующего интенциональность и конституирование смысла [18]. Темпоральность смысла обнаруживается и в постмодернистской философии, предстающей как герменевтика скрытых смыслов, опирающаяся на метод интерпретации (Ж. Деррида, Ж. Делёз) [19; 20]. Согласно Ж. Делёзу, смысл самым непосредственным образом связан со временем и находится в постоянном движении. Он может быть улавливаемым и фиксируемым в событии, но может существовать и как «бытие разума», как мгновение, постоянно делимое на прошлое и будущее [20].

Цель статьи – рассматривая смысл как темпоральное явление, показать, что эта особенность есть его существенное свойство, оно проявляется по-разному и позволяет увидеть в истоках смыслового феномена имманентность переживаемого отношения субъекта объекту смысла.

Наше исследование смыслогенеза базировалось на двух положениях, имеющих концептуальное и методологическое значение: 1) на различении смысла и значения, признании их не-тождественности; 2) на сведении всех многочисленных видов человеческой деятельности к трём основным формам - материально-практической,

духовно-теоретической и практически-духовной. С одной стороны, это даёт возможность упорядочить явления смысла в плане его многоликости; с другой, – позволяет понять истоки этой многоликости, ведь смысл всегда возникает в рамках конкретной деятельности, обеспечивающей ему смысловые контексты.

I. В качестве основного методологического подхода при рассмотрении смысла в заявленном аспекте выступает психолого-феноменологическая методологическая парадигма. Она обеспечивает исследование смыслового феномена именно как феномена, генезис которого во многом обусловлен закономерностями психики, способной по-разному обрабатывать информацию, что и позволяет **различать смысл и значение**.

Заметим, проблема смысла и значения уже давно - проблема, решение которой тормозится длительной традицией использовать термины *смысл* и *значение* как синонимы, что обнаруживается в ряде вербальных языков. Этот факт неоднократно обсуждался [21; 22; 23]. Размежевание смысла и значения связывают с именем Г. Фреге и его работой “*Sinn und Bedeutung*” (1892) [24] («О смысле и значении»). Следует заметить, что Фреге не столько разводит *смысл* и *значение*, сколько отождествляет *значение* (истинное) и *денотат*, что и приводит к разведению *смысла* и *значения* по разным вершинам его знаменитого треугольника.

Не-тождественность смысла и значения подтверждают и данные нейрпсихологии, полученные В. Гарнером, К. Прибрамом, Д. Макгиннессом. Согласно этим исследованиям, человеческий мозг обрабатывает информацию с участием различных областей и каналов. Их компетенцию учёные определяют как обратную двусмысленности и связывают с предметом смысла - *reference*, который указывается, называется, к которому отсылают и пр. Двусмысленность – это сумма «шума» и избыточности в канале передачи информации (“*the sum of noise and redundancy in an information transmission channel*” [25; 26]. Как отмечает К. Прибрам, «существует важное различие между ссылкой и смыслом» (“*...there is an important distinction to be made between reference and meaning*” [27 с. 26]). Смысл связан с этим шумом и избыточностью, обрабатывается мозгом отдельно от референциальной (семантической) информации [28; 27].

Впрочем, в настоящей работе различие смысла и значения осуществляется на иных основаниях, истоки которого восходят работам М. М. Бахтина, А. Н. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, В. В. Медушевского, В. В. Налимова, Г. Г. Шпета [29; 30; 22; 31; 32; 33]. Все указанные авторы понимали смысл как переживаемый феномен, ощущаемый человеком телесно и постигаемый при активности многих психических механизмов, а не только при опоре на мышление. Сходное понимание смысла обнаруживается и в ряде работ в англоязычной науке [34; 35; 36]. Роль тела и различных систем психики в процессах смыслообразования исследовали и феноменологи Э. Гуссерль и Мерло-Понти [18; 37]. Если Гуссерль, выявляя конститутивную деятельность сознания, стремился отстраниться от телесного (что сделать ему до конца так и не удалось), то Мерло-Понти, ратуя за целостность человека, которую он понимал как единство физического, физиологического и психического, видел в живом теле воплощение смысла [37].

Включённость многих психических систем в смысловой феномен

обуславливает его многоликость. На многоликость смысла указывают Ч. Огден и А. Ричардс в фундаментальной работе “The Meaning of Meaning...” [38]. Многоликость смысла объясняется также многоаспектностью и многозадачием человеческой деятельности, которая осуществляется не иначе, как на основе смысла.

Исследуя человеческую деятельность, М. С. Каган предложил различать в ней три основных формы: материально-практическую, духовно-теоретическую и практически-духовную [39; 40]. Для каждой формы свойственно своё особое конституирование смысла, на что указывает Н. О. Ноговицын [41]. Однако, рассматривая историю понятия *смысл* в культурологическом аспекте и выявляя изменения, происходящие с этим понятием в современной философии культуры, учёный не ставил задачу исследовать сам смысловой феномен в динамике его генезиса в каждой из упомянутых форм деятельности.

Исследование процессов конституирования смысла в рамках конкретных форм деятельности показывает, что в своих истоках он переживаем, неразрывно связан со значением, служит процессам созидания и коммуникации, неотделим не только от осмысляемого объекта, но и от мыслящего субъекта. Последний всегда отражается в смысловом феномене и на этапе его означивания, и на этапе интерпретации значения, что особо важно учитывать в сфере художественного, где в качестве субъекта выступают не только автор и перципиент, но и автор как субъект художественного мира произведения или персонаж, глазами которого мы видим этот мир. Переживание же смысла одного и того же объекта в разных формах деятельности всегда различно.

Итак, процессуальность смыслового феномена по-разному проявляется в каждой из форм человеческой деятельности.

II. 1. В сфере **материально-практической деятельности** явление *смысл* связано с утилитарной функцией предмета смысла, который предстаёт в качестве вещи.

Хотя подобную функцию могут выполнять и поведенческий акт, торжественное действие, ритуал и пр., служащие инструментами обеспечения жизнедеятельности. Смысл здесь рождается с появлением особого – интенционального – состояния. Это состояние возникает в результате контакта (реального или воображаемого) субъекта с объектом, контакта, порождающего мысль о том, чтобы удовлетворить потребность, используя данный объект и, если необходимо, преобразовать его должным образом. Археология предоставляет громадное количество артефактов, созданных из тела природы, в которой первобытный человек увидел инструменты для решения насущных проблем своей жизнедеятельности. Создание вещей – это создание материального слоя культуры, которая предстаёт как объективация смыслов.

Таким образом, в рамках материально-практической формы деятельности смысл рождается в переживании интенционального состояния при контакте с предметом смысла, приобретшим данный статус благодаря способности субъекта не только удовлетворять потребность жизнедеятельности, но и понимать это. Далее, получив объективацию, смысл существует как вещь, благодаря чему обеспечивается его трансляция. По сути, в смыслах материально-практической формы деятельности

отражается отношение субъекта к самому себе. Любая вещь, выбираемая или создаваемая человеком, как правило, говорит об этом отношении, о понимании субъектом своего места в мире, должного способа существования и пр. Смысл здесь предстаёт в качестве утилитарной ценности.

2. **Духовно-теоретическая деятельность** в своём чистом виде проявляется в науке. Темпоральность смысла здесь заключается в выявлении логоса объекта (явления, процесса и пр.), приводящем к его пониманию и означиванию этого понимания, в актах коммуникации оно становится задачей понимания для другого. Выявление же устройства предмета смысла характеризуется состоянием интенции и свойственной ему гаммой переживаний. Это состояние имплицитно включает и отношение субъекта к объекту (или к деятельности в связи с объектом), а потому оно выходит за рамки сугубо мыслительных процессов. Оно детально описано Э. Гуссерлем [18]. Однако из означенного и переживаемого понимания устройства объекта, представляющего собой не что иное, как объективацию смысла, интенциональные переживания исключаются. Содержание «картины смысла» (в той полноте, которая была присуща субъекту) меняется в процессе её означивания: субъект смысловой ситуации, репрезентируя своё понимание, использует знаки, очищенные от эмоций и субъективного отношения к предмету смысла. Смысл превращается в значение, для прочтения и постижения которого вполне достаточно активности мышления и владения соответствующим языком. Иначе говоря, достаточно интеллектуального владения семантикой знаков.

Именно эта ипостась смысла, связанная с познанием мира и трансляцией результатов этого познания, привлекала учёных на протяжении многих десятилетий. Именно она осмыслена в различных контекстах и именно здесь нередко ставится знак равенства между смыслом и значением, развести которые, не учитывая темпоральность смысловых процессов и их природу, заключающуюся в переживаемости, практически невозможно. Смысл же здесь понимается как значение, рождаемое пересечением чётко ограниченного количества контекстов, имеющих отношение лишь к предмету смысла, и складывающихся в некую целостность.

Если же обратиться к вопросу генезиса значения в филогенетическом разрезе, то можно сделать вывод о его вторичности по отношению к смыслу. Дело в том, что значение как явление информативного порядка, существующее во внутреннем плане субъекта, представляет собой фиксацию переживаемого, своеобразную «зарубку» в психике субъекта. Познавая мир, человек выделяет некоторые важные, значимые для себя объекты, явления, свойства, отношения, моменты и т.д. Всё это он переживает во внутреннем плане, но при необходимости мысленно оперировать этим содержанием или транслировать его, психика должна осуществить некое кодирование пространственно-временных гештальтов своего состояния – она должна облечь их в иную форму. Так рождается знак со значением, обратная сторона смысла.

Простейшим способом такого кодирования является двигательный акт, который, как правило, осознаётся самим индивидом и наблюдается другими. Естественность двигательной реакции как «зарубки» информации психического

плана объясняется устройством нашего мозга и психики. Любое ощущение (будь то зрительная или слуховая модальность) представляет собой деятельность мотонейронов, является особым тонким движением. И можно предположить, что в рамках смысловых процессов на основе этих тонких движений возникают более крупные движения, прежде всего движения руки. Они с лёгкостью отражаются на плоскости, фиксируя и кодируя таким образом ценную для человека информацию. Неслучайно важнейшими свидетельствами осмысления мира древним человеком считается рисунок и пиктограмма, на основе которых благодаря абстрагированию от осмысляемого объекта возникли иероглифические знаки. Однако важную роль в таком кодировании играют не только движения руки, но и движения связок, порождающие голосовые реакции, сходные по ряду параметров у людей одной общности. Возможно, именно так возникали первые слова. Если в графическом знаке изначально отражался прежде всего объект, то в праслове, надо полагать, – состояние субъекта в связи с объектом [42].

Принципиально важно отметить то, что означивание (кодирование) смыслов осуществляется на основе интерсубъективности. А. А. Пелипенко, предлагая концепцию смыслогенеза в филогенетическом ракурсе, рождение смысла связывает с переживанием общности субъекта и объекта, оформленном в знакообразе, на основе базовых кодов. Общность базовых кодов, по мнению автора, порождает социум как общность людей, понимающих друг друга. Эти базовые коды являются «проводниками» к «коллективной психической энергии и её последующей трансляции вовне» [43, с. 22].

Если вернуться к вопросу возникновения вербального языка, то следует отметить, что его развитие осуществлялось уже во многом на основе иных принципов, связанных с деятельностью мышления и памяти, а также с конвенциональностью. Но главное – оно превратилось в готовое значение со своим содержанием и контекстами употребления. В нём свернулась его история, которую не обязательно знать для того, чтобы пользоваться знаками. Всё это имеет отношение не только к словам вербального языка, но и ко всяким другим знакам, отличающимся друг от друга в этом плане лишь соотношением мотивированности (переживаемости, обусловленной деятельностью ряда психических систем) и конвенциональности (обеспечиваемой лишь деятельностью мышления). А потому любой семиозис, каким бы одномоментным он не казался, всегда скрывает в себе темпоральность, истоки которой лежат в генезисе знаков.

Если же речь вести о духовно-теоретической форме деятельности именно как о деятельности, то наличие в ней временных характеристик не вызывает сомнений. Темпоральность смыслогенеза тут связана с трансляцией смысла, который первоначально объективируется (выражается) отправителем, а затем постигается адресатом. И на этапе кодирования смысла, и на этапе его декодирования принципиально важна одноканальность семиозиса. Объективированное смысловое содержание здесь предстаёт благодаря чётко отобранному (в плане количества и содержания) смысловым контекстам, как точно выверенное во всех своих составляющих значение, раскрывающее устройство познаваемого объекта в целом или в том или ином аспекте, важном для адресанта. Поэтому знаки духовно-

теоретической формы деятельности жёстко ограничены предметом смысла в своих смысловых контекстах, а адекватное использование их требует лишь активности мышления. Смысл же здесь предстаёт в ипостаси объективной истины.

Однако всё это не означает, что процессы переживания полностью исчезают из этой формы смыслогенеза. На заключительном его этапе значение в сознании адресата может остаться значением, а может превратиться в переживание смысла, вызвав и у него активность различных систем психики. Иными словами, в рамках духовно-теоретической деятельности смысл, отсекающий переживание на этапе своего означивания, в психике адресата может вновь предстать в своей переживаемой форме. Понимание и переживание значения – это и есть постижение смысла, позволяющее говорить о его целостности. Постигать смысл всем своим существом, переживать его в самых разных аспектах (нередко домысливаемых) – это то, что отличает человеческий интеллект от искусственного. Вместе с тем, именно такое отношение к предмету познания позволяет говорить о нравственном аспекте науки.

Таким образом, в рассматриваемой форме человеческой деятельности темпоральность смысла проявляется по-разному. Во-первых, её можно увидеть во многочисленных системах знаков, имеющих свою конвенциональную историю. Во-вторых, она проявляется в этапах смыслогенеза: от размышления и понимания положения дел со стороны адресанта к означиванию этого понимания в знаке и от него к адресату, декодирующему знак. Исследование темпоральных особенностей смысла в данной форме деятельности показывает, что смысл превращается в значение, и что этот процесс принципиально необходим для трансляции знаний. Смысл обречён стать значением, воплотившись в знаках, именно ими обеспечивается абстрактное мышление индивида.

3. Темпоральность смысловых процессов в **практически-духовной форме деятельности**, представленной прежде всего в искусстве, связана с созданием художественных произведений и их восприятием. Смысл в сфере художественного, существующий как переживание предмета смысла и переживание отношения к нему, объективируется в произведении искусства. Здесь на первый план выступает само переживание, существующее как ощущения, перцепты, эмоции, двигательные акты. В переживании отражается не только отношение к предмету смысла, но и сам предмет, поэтому объективация смысла здесь осуществляется посредством полимодального кодирования, при использовании знаков различной природы. При этом, наряду с конвенциональными знаками, весьма важную роль в рассматриваемой форме деятельности играют знаки, мотивированность которых очевидна. Многие из них – это так называемые сенсорно-перцептивные и эмоциональные универсалии.

Если в овладении знаками науки важна конвенциональность и осознанность, то в овладении знаками искусства важен соответствующий опыт - не только художественный, но и жизненный. При освоении семантики знаков в опыте важную роль играют бессознательные процессы, порождающие и закрепляющие различные ассоциации, включающие самые разные продукты работы психики. Каждый вид искусства, независимо от специфики своего материала, располагает знаками, базирующимися на полимодальных ассоциациях, благодаря чему смысл получает

объективацию в художественном образе, в художественном произведении. Творец-художник в широком смысле, переживая предмет смысла или представляя подобные переживания, облекает результаты своей психической деятельности в материал искусства. Смысл как состояние переживания (реальное или воображаемое) в связи с предметом смысла находит воплощение в материальной форме - на живописном полотне, в музыкальном произведении, в скульптуре, танце и пр. Специфика материальной формы состоит здесь в том, что она непосредственно должна активизировать деятельность сенсорно-перцептивной, эмоциональной и регуляционной сфер перципиента. Это имеет место и в тех искусствах, где большую долю знаков составляют конвенциональные. Такова, например, художественная проза. Создавая литературный текст, писатель тщательно отбирает слова, с помощью которых художественный текст не только указывает на предмет смысла, но и вызывает различные эмоциогенные перцепты. Иными словами, предмет смысла в искусстве репрезентируется, в том числе, и посредством ощущений. То, что необязательно в научных текстах, здесь принципиально неустранимо. Это и позволяет, как заметил В.В. Бычков, быть искусству *со-бытием* [44, с. 20].

Смысл, заложенный художником в его творении с помощью многочисленных полимодальных знаков, декодируется зрителем, читателем, слушателем, постигается им благодаря тому, что художественное произведение вызывает различные переживания - ощущения, эмоции, двигательные акты и пр. Если художник движется от осмысления реального или виртуального мира, от своего состояния-отношения к этому миру, к художественной форме как объективации постигнутого им смысла, то перципиент проходит путь в обратном порядке – от художественной формы к переживанию предмета смысла, к осмыслению мира и/или самого художественного творения, в конце концов, к осмыслению своих переживаний и самого себя в этом мире. И в этом заключается понимание произведения и постижение его смысла. Нет оснований считать, что эти два разнонаправленных пути одинаковы по своему содержанию, но сходство в плане содержательных элементов наблюдается. Оно во многом зависит от того, насколько перципиент владеет языком конкретного искусства, каков его жизненный опыт и насколько развиты его сенсорные системы, позволяющие адекватно отразить на экране психики каждую деталь художественной формы.

Таким образом, темпоральность смысла в практически-духовной форме деятельности, проявляющейся в искусстве, обнаруживает себя не только в чередовании этапов (от смысла, переживаемого субъектом-творцом, – к превращённой форме этого переживания в произведении и от неё – к смыслу перципиента), но и в самой процессуальности переживания, которое является неустранимым элементом смыслогенеза на всех его этапах. Более того, именно переживаемость получает здесь наиболее полную и детальную объективацию. Смысл здесь проявляет себя в ипостаси духовной ценности и субъективной истины.

Заметим, смысл как отражение отношения к предмету смысла, присущий рассматриваемой форме деятельности, может иметь место в любом виде человеческой деятельности. Мы встречаемся с ним везде, где проявляет себя

переживаемое отношение субъекта к объекту, в качестве которого может выступать любой предмет, явление, процесс, событие, другой человек и т.п., наконец, мир в целом. В своей повседневной жизни мы наблюдаем эти смыслы-отношения не только в тропах, сравнениях и пр., но и в жестах, позах, в интонациях речи и в других экспрессивных симптомах эмоций.

Заключение

Итак, смысл темпорален по своей природе. Исследование темпоральности смысла в материально-практической, духовно-теоретической и практически-духовной формах деятельности, являющихся обобщёнными моделями всего многообразия человеческих практик, позволило увидеть, что истоки смысла лежат в переживании, в активности сенсорно-перцептивной и эмоциональной сфер психики, связанной с предметом смысла. Переживание субъекта обусловлено значимостью предмета смысла и имеет интерсубъективный характер. Реконструкция процессов смыслообразования в привязке к человеческим практикам позволяет увидеть «ахиллесову пяту» философии, исследующей смысл прежде всего в рамках духовно-теоретической формы деятельности. Рассмотрение темпоральности смысла в широком контексте его генезиса, выявление сходства смыслогенеза во всех видах деятельности, демонстрирует наличие переживаемого отношения субъекта к предмету смысла.

В каждой из указанных форм человеческой деятельности предметно-смысловая информация получает своё означивание: она превращается в вещь, в научный или художественный тексты, смысл которых в своей переживаемой составляющей лишь потенциален. Этот означенный смысл может так и остаться значением, для интерпретации которого достаточно лишь активности мышления, но может и ощущаться адресатом, вновь превратившись в смысл во всей полноте человеческого переживания. Всё это свидетельствует о том, что смысл представляет собой явление, связанное с обработкой информации, на которую спроецирован сам субъект, переживающий состояние интенции. А потому такая обработка информации недоступна искусственному интеллекту в силу её переживаемости – и это несмотря на то, что результаты смысловых и вычислительных операций с символами могут быть идентичными. В повседневной жизни людей все изложенные механизмы смыслогенеза неотделимы друг от друга и переплетаются.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
2. Соловьёв В. С. Смысл любви / В. С. Соловьёв // Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 493–547.
3. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
4. Федоров Н. Ф. Искусство, его смысл и значение / Н. Ф. Федоров // Фёдоров Н. Ф. Собр соч. в 4-х т. – М.: Изд. Группа «Прогресс», 1995. – Том 2. – 544 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
7. Бареев К. В. Смысл как критическое истолкование понятия сущности: автореф. дисс. ... канд. философских наук: 09.00.01./ К.В. Бареев. – Санкт-Петербург, 2000. – 21 с.

8. Архимандрит Киприан, (Керн). Антропология Свт. Григория Паламы. Часть вторая. Систематическая / Архимандрит Киприан. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 300 с.
9. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви / В. Н. Лосский. URL: <http://www.vehi.net/vlossky/05.html> (дата обращения 15.11.2014)
10. Bogoslovie. Ч. 4. URL : [http://www.staropomog.ru/Bogoslovie\(4\)/chapter4.pdf](http://www.staropomog.ru/Bogoslovie(4)/chapter4.pdf) (дата обращения 18.11.2014)
11. Гарипова Н. М. О смыслах смысла и его ипостасях / Н. М. Гарипова // Социология. – 2020. – № 1. – С. 210–221.
12. Kieran Setiya. "Intention", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/intention/>.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.
14. Смирнов А. В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А. В. Смирнов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 504 с.
15. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 101–116.
16. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 136–176.
17. Пилипенко Е. А. Постнеклассическая онтология времени. Дисс. ... док. филос. наук: 09.00.01./ Е. А. Пилипенко. – Саратов, 2016. – 310 с.
18. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М.: Академический проект, 2009. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000074/index.shtml>
19. Гурко Е., Деррида Ж. Деконструкция: тексты и интерпретация /Е. Гурко, Ж. Деррида // Презентация времени. – Минск, 2001. – С. 139–154.
20. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делёз; пер. с фр. Я.И. Свирского. – М., 1998. 480 с.
21. Гаспарян Д. Э. Тайнство естественной семантики: трансцендентальное измерение смысла и проблема искусственного интеллекта / Д. Э. Гаспарян // Вопросы философии. – 2017. – № 4. – С. 81–94.
22. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
23. Рыскельдиева Л. Т. О грамматике и метафизике смысла / Л. Т. Рыскельдиева // Вопросы философии. – 2018. – № 7. – С. 70–80.
24. Frege, G. Sinn und Bedeutung, Frege G. Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen. – 1962. – S. 38–63.
25. Pribram K. H. & McGuinness, D (1975) Arousal, activation and effort in the control of attention. Psych. Rev. 82 (2). Pp. 116–149.
26. Pribram K. H. (1976) Language in a sociobiological frame. In S. R. Harnad, H.D. Steclis & J. Lancaster (Ed.), Origins and Evolution of Language and Speech. New York: Academy of Science. Pp. 798–809.
27. Pribram K. H. (1982) Brain Mechanism in Music: Prolegomena for a Theory of the Meaning of Meaning. In H. Clynes (Ed.), Music, Mind, and Brain. New York: Plenum, p. 21–36.
28. Garner W. R. (1962) Uncertainty and Structure as Psychological Concepts. New York: John Wiley. 369 p.
29. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
30. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
31. Медушевский В. В. Интонационная форма музыки / В. В. Медушевский. – М.: Композитор, 1993. – 263 с.
32. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.
33. Шпет Г. Г. Явление и смысл: феноменология как основная наука и её проблемы (1914) / Г. Г. Шпет. – Томск: Водолей, 1996. – 192 с.
34. Gendlin E. Experiencing and the creation of meaning: a philosophical and psychological approach to the subjective (1962). New York: The Free Press of Glencoe. XVIII, 302 pp.

35. Johnson, M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason* (1987). Chicago: Chicago University Press, XXXVIII, 233 p.
36. Lakoff, G. *Women, fire and dangerous things* (1987). Chicago: University of Chicago Press, 614 p.
37. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: «Ювента» «Наука», 1999. – 605 с.
38. Ogden C.K. & Richards I.A. *The Meaning of Meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism* (1923). New York: Harcourt, Brace & World, Inc. 363 p.
39. Каган М. С. *Философия культуры* / М. С. Каган. – СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1996. – 414 с.
40. Каган М.С. *Общее представление о культуре* / М. С. Каган // *Введение культурологии: курс лекций*. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. – С. 6–14.
41. Ноговицын Н.О. *Конституирование понятия смысла в философии культуры: автореф. дисс. ... канд. философских наук: 09.00.01* / Н.О. Ноговицын – Санкт-Петербург, 2005. – 18 с.
42. Гарипова Н. М. *Смысл слова и слово смысла* / Н. М. Гарипова // *Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Материалы Всероссийской конференции с международным участием*. – Уфа: БГПУ, 2008. – С.137–141.
43. Пелипенко А. А. *Рождение смысла* / А. А. Пелипенко // *Мир психологии*. – 2001. – № 2. – С. 20–26.
44. Бычков В.В. и др. *Что такое искусство? Круглый стол* / В. В. Бычков // *Философский журнал*. – 2016. – Т. 9. – № 4. – С. 18–47.

Garipova N. M. On the Temporality of Meaning // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 3–16.

The article explores meaning as a process phenomenon. It originates in the consciousness (psyche) of a person; receives objectification (signification) and due to this is transmitted – becomes a phenomenon of the consciousness of another person, either as sense or as meaning. The processuality of meaning is considered as its essential property - the property of temporality. Two methodological provisions underlie the study of the temporality of meaning: 1) meaning and sense are different phenomena; 2) any human activity has meaning motivation, and numerous types of activity can be reduced to three main forms - material-practical, spiritual-theoretical and practical-spiritual. In any of these forms of activity, meaning arises from the experience of the subject and is objectified in sense. An experience is represented as an experience of the need for an object of meaning, as an experience of knowledge of its “device”, as a sensory-perceptual experience of an object of meaning and an experience of attitude towards it. The objectification of experiencing a need is realized in a thing, a ritual, a purposeful action, etc. The objectification of experiencing some knowledge about the structure of an object (objectification of understanding of an object) is realized in a word, discourse, model (in a term, sentence, scientific text, diagram, etc.). The objectification of experiencing the relation to the object of meaning is realized in expressive symptoms of emotions, in the intonations of speech, in tropes, in artistic images (in metaphors, allegories, in art discourse, in a work of art, etc.). The sense (signification) in which the sender objectified the meaning can be interpreted differently by the recipient (in aspect of the mechanisms of this interpretation). The sense can be understood thanks to the knowledge of signs (used in its objectification) or the cultural context of the use of things, rituals, etc. And in this case, the sense finally remains sense. But sense can be comprehended on the basis of experience and awareness of relations: the subject to the thing (this relation implicitly keeps in itself the relation of the subject to himself); on the basis of experience and awareness of various relations of elements of the object of meaning, or experience the relation of subject to the object of meaning.

Keywords: meaning and sense (signification); experience (bodily) of meaning; the processuality of meaning; intentional state; objectification (signification) of meaning; transmitting of meaning; meaning as a reflection of relationships.

References

1. Berdyaev H. A. Smysl istorii [The Meaning of History]. Moscow: Mysl', 1990, 176 p.
2. Solov'yov V. S. Smysl lyubvi [Meaning of love]. Solov'yov V. S. Sochineniya v 2-h t, Moscow: Mysl', 1988, vol. 2, p. 493–547.
3. Trubetskoi E. N. Smysl zhizni [Meaning of Life]. Moscow: Respublika, 1994, 432 p.
4. Fedorov N. F. Iskusstvo, ego smysl i znachenie [Art, Its Meaning and Significance]. Fedorov N. F. Sobr soch. v 4-kh t. Moscow: Izd. Gruppy «ProgresS», 1995, vol. 2, 544 p.
5. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in Search of Meaning]. Moscow: Progress, 1990, 367 p.
6. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Purpose of History]. Moscow: Respublika, 1994. 527 p.
7. Barezhev K. V. Smysl kak kriticheskoe istolkovanie ponyatiya sushchnosti [Sense as a Critical Interpretation of the Concept of Essence]. Extended abstract of candidate's thesis, St.Petersburg, 2000, 21 p.
8. Arkhimandrit Kiprian, (Kern). Antropologiya Svt. Grigoriya Palamy [Anthropology Gregory Palamas]. Chast' vtoraya. Sistematicheskaya. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaam. Monastyrya, 1996, 300 p.
9. Losskii V. N. Ocherk misticheskogo bogosloviya vostochnoi tserkvi [Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church]. URL: <http://www.vehi.net/vlossky/05.html>
10. Bogoslovie. Ch. 4. URL: [http://www.staropomor.ru/Bogoslovie\(4\)/chapter4.pdf](http://www.staropomor.ru/Bogoslovie(4)/chapter4.pdf)
11. Garipova N. M. O smyslakh smysla i ego ipostasyakh [On the Meanings of Meaning and Its Hypostases]. *Sotsiologiya*, 2020. № 1, p. 210 – 221.
12. Kieran Setiya. "Intention", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/intention/>.
13. Ehko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Absent Structure. Introduction to Semiology]. St.Petersburg: Petropolis, 1998, 432 p.
14. Smirnov A. V. Logika smysla. Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoi arabskoi filosofii i kul'tury [The Logic of Meaning. Theory and Its Application to the Analysis of Classical Arab Philosophy and Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001, 504 p.
15. Gusserl' E. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofiya [The crisis of European humanity and philosophy]. *Voprosy filosofii [Philosophy Issues]*, 1986, № 3, p. 101–116.
16. Gusserl' E. Krizis evropeiskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. *Voprosy filosofii [Philosophy Issues]*, 1992, № 7, p. 136–176.
17. Pilipenko E. A. Postneklassicheskaya ontologiya vremeni [Post-nonclassical ontology of time]. Doctoral's thesis, Saratov, 2016, 310 p.
18. Gusserl' E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2009. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000074/index.shtml>
19. Gurko E., Derrida Zh. Dekonstruksiya: teksty i interpretaciya [Deconstruction: texts and interpretation]. Prezentaciya vremeni [Time presentation]. Minsk, 2001, p. 139–154.
20. Delez Zh. Logika smysla [The logic of meaning]. Moscow, 1998. 480 c.
21. Gasparyan D. Eh. Tainstvo estestvennoi semantiki: transtsendental'noe izmerenie smysla i problema iskusstvennogo intellekta [The Sacrament of Natural Semantics: A Transcendental Dimension of Meaning and the Problem of Artificial Intelligence]. *Voprosy filosofii [Philosophy Issues]*, 2017, № 4, p. 81 – 94.
22. Leont'ev D. A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Semantic Reality]. Moscow: Smysl, 1999, 487 p.
23. Ryskel'dieva L. T. O grammatike i metafizike smysla [About Grammar and Metaphysics of Meaning]. *Voprosy filosofii [Philosophy Issues]*, 2018, № 7, p. 70 – 80.
24. Frege G. "Sinn und Bedeutung", Frege G. Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 1962, s. 38 – 63.
25. Pribram K. H. & McGuinness, D (1975) Arousal, activation and effort in the control of attention. *Psych. Rev.* 82 (2), p. 116–149.
26. Pribram K. H. (1976) Language in a sociobiological frame. In S. R. Harnad, H.D. Steclis & J. Lancaster (Ed.), *Origins and Evolution of Language and Speech*. New York: Academy of Science, p. 798–809.
27. Pribram K. H. (1982) Brain Mechanism in Music: Prolegomena for a Theory of the Meaning of Meaning. In H. Clynes (Ed.), *Music, Mind, and Brain*. New York: Plenum, p. 21–36.

28. Garner W. R. (1962) *Uncertainty and Structure as Psychological Concepts*. New York: John Wiley. 369 p.
29. Bakhtin M. M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]*. Moscow: Iskusstvo, 1979, 423 p.
30. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]*. Moscow: Politizdat, 1977, 304 p.
31. Medushevskii V. V. *Intonatsionnaya forma muzyki [Intonational Form of Music]*. Moscow: Kompozitor, 1993, 263 p.
32. Nalimov V. V. *Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti [Spontaneity of Consciousness. Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality]*. Moscow: Prometei, 1989, 287 p.
33. Shpet G. G. *Yavlenie i smysl: fenomenologiya kak osnovnaya nauka i ee problemy [Phenomenon and Meaning: Phenomenology as the Main Science and Its Problems]* (1914). Tomsk: Vodolei, 1996, 192 p.
34. Gendlin E. *Experiencing and the creation of meaning: a philosophical and psychological approach to the subjective* (1962). New York: The Free Press of Glencoe. XVIII, 302 pp.
35. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason* (1987). Chicago: Chicago University Press, XXXVIII, 233 p.
36. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things* (1987). Chicago: University of Chicago Press, 614 p.
37. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of Perception]*. Sankt-Peterburg: "Yuventa" "Nauka", 1999, 605 p.
38. Ogden C. K. & Richards, I. A. *The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. Harcourt, Brace & World, Inc. New York, 1923, 363 p.
39. Kagan M. S. *Filosofiya kul'tury [Philosophy of Culture]*. St.Petersburg: TOO TK "Petropolis", 1996, 414 p.
40. Kagan M. S. *Obshchee predstavlenie o kul'ture [General Understanding of Culture Philosophy of Culture] Vvedenie v kul'turologiyu [Introduction to Cultural Studies]*. St.Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2003, p. 6-14.
41. Nogovitsyn N. O. *Konstituirovaniye ponyatiya smysla v filosofii kul'tury [Constitution of the Concept of Meaning in the Philosophy of Culture]*. Extended abstract of candidate's thesis, St.Petersburg, 2005, 18 p.
42. Garipova N. M. *Smysl slova i slovo smysla [The Meaning of the Word and the Word Meaning]*. Aktual'nye problemy obshchego i regional'nogo yazykoznaniya [Actual Problems of General and Regional Linguistics]: Materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Ufa: BGPU, 2008, p. 137 – 141.
43. Pelipenko A. A. *Rozhdeniye smysla [The Birth of Meaning]*. *Mir psikhologii [World of Psychology]*, 2001, № 2, p. 20 – 26.
44. Bychkov V. V. i dr. *Chto takoe iskusstvo? Kruglyi stol [What is art? A Round table discussion]*. *Filosofskii zhurnal [Philosophical Journal]*, 2016, vol. 9, № 4, p. 18-47.

УДК 101

ФИЛОСОФИЯ КАК ДЕЙСТВИЕ: К МЕТАФИЗИКЕ ДИАЛОГА¹

Зарапин О.В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: Zaraoleg@yandex.ru

В статье ставится проблема особенности философского диалога как речевого действия и решается с привлечением античных образцов, сократической традиции. Обосновывается тезис о том, что в античности диалог являлся специфической коммуникативной практикой осмысления, в которой действие осмысления реализуется в качестве «рече-перемены». Такое действие выделяется из потока естественной речевой жизни грека как: 1) протекающее в автономном режиме времени (*kairos*); 2) имеющее автономную прагматическую нагрузку. Прагматика осмысления в диалоге раскрывается на примерах речевых действий, которые мы назвали «остановка», «поворот», «искупление», «переворачивание». В рамках прагматики философского диалога смысл – это не предмет, которым можно овладеть и передать другому, но действие осмысления, воспроизводимое по образцу сократической беседы и культивируемое в античной философской школе как добродетель превосходства над самим собой. Выдвигается тезис о том, что прагматика диалога релевантна его метафизике. Философский диалог есть не только способ речевой деятельности человека, но также способ бытия языка. В поисках ответа на вопрос, как в диалоге взаимосвязаны прагматика и метафизика, анализируются идеи П.А. Флоренского, высказанные в учении об антиномической природе языка.

Ключевые слова: философский диалог, речевое действие, метафизика диалога, прагматика диалога.

Диалог и философское мышление органически взаимосвязаны и об этой взаимосвязи нам напоминают, прежде всего, диалоги Платона. Взяв в руки платоновский текст, сразу попадаешь в мир, где личная беседа и мышление сплетаются в одно действие, как будто само мышление и есть общение. Это – особая философская коммуникация, в которой всякий посредник может быть лишним, в том числе, и такой посредник, как письменный текст (вспомним платоновскую «критику письма»).

Казалось бы, речь идет о классике, к которой мы уже привыкли, возможности которой испытаны и опробованы во все времена. Но в наши дни диалог как тип речевого действия скрывается под самоинтерпретацией философии в качестве поиска истины. По-особенному в этой связи выглядит «философия диалога», как бы возвращающая философию к своим истокам, к сократическому уроку,

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

усвоенному нами под руководством Платона. Её надежды известны, возникает она из ожидания «поворота», который, согласно Ф. Розенцвейгу, есть поворот к «новому мышлению» (*das neue Denken*) [25]. Розенцвейг высказывает идею о том, что мысль и речь должны быть адресными, что по-новому мыслить - это значит говорить «с кем-то» и мыслить «для кого-то». Старое же мышление ни к кому конкретному не обращается [Ibid. P. 87]. Речь идет о мышлении, адресуемом Другому, и в этом качестве оно есть коммуникативно нагруженное действие, а основу такого мышления-коммуникации образует межличностное отношение.

М. Бубер подчеркивает, что «отношение» (*der Beziehung*) возникает между Я и Ты и в этом смысле оно противоположно обладанию: «... кто говорит Ты, не обладает никаким Нечто ... он со-стоит в отношении» [4, С. 17]. Отношение, которое реализуется в мышлении, есть «диалогический принцип» мышления [3]. Особенность такого мышления М.М. Бахтин определяет как особенность «диалогической соучастной установки», в рамках которой «мое» слово ни поглощает «чужое» слово, ни растворяется в нем, но сохраняет «дистанцию смысловой связи» [1, С. 55].

Сегодня идеи М. Бубера, Ф. Розенцвейга, М.М. Бахтина становятся классикой, на её основе рождаются новые идеи и понятия: «интертекстуальность» (Ю. Кристева [5]), «логика культуры» (В.С. Библер [2]), «социальная онтология» (М. Тойниссен [31]), «механизм диалога» (Ю. Лотман [6]). Их многообразие - на стыке культуры античного философского диалога и современной философии диалога. Этот стык виден в свете идеи о том, что **философское мышление есть речевое действие**, что мышление реализуется в коммуникации как практика. Так платоновская «проблема писаной философии», никак не способной выразить непременно личностный смысл, оказывается сродни проблеме, которую можно назвать «проблемой онлайн философии».

Разработка общедоступных образовательных онлайн-ресурсов в наше время – один из культурных трендов, который заставляет серьезно задуматься о самой возможности осуществления философской коммуникации в качестве массовой и опосредованной технологиями. Не теряется ли *смысл* как основа коммуникации в философском диалоге, если он будет организован как дистанционное речевое обращение к анонимному слушателю/зрителю? По сути это тот же вопрос, который задает себе Платон, создавая философскую школу: если философии можно научить, то как при этом обойтись без посредника в виде письменного текста, комментируемого и обсуждаемого в качестве образца речевого поведения философа? Необходимый в учебе письменный философский текст в качестве общедоступного несет в себе риск того, что философская мысль, вовремя не откорректированная личным наставлением, искажается и за пределами аудитории превращается в своего двойника – штамп, который начинает жить своей жизнью. Современный философский диалог в таких условиях должен быть способен сопрягать личностное общение в качестве уникального акта и процесс обучения, который в пределе стремится к форматированию. И это сопряжение – проблема не техническая и не методическая, а, скорее метафизическая, затрагивающая саму суть, сам смысл диалога. Метафизический вопрос о смысле диалога имеет предельно

простой ответ: диалог и есть речевое **действие осмысления**, то есть установления в речевой жизни смыслового центра, сопрягающего личное общение и коммуникацию как способ бытия языка.

Метафизика диалога - определенная лакуна в рамках сложившейся «философии диалога». Это философия неоднородна, в ней можно выделить две различные рефлексивные позиции. Одну назовем ангажированной экзистенциальными истоками², в ее рамках диалог представлен в рефлексии как «встреча с Другим», как событие. Другая видит в диалоге подход, способ исследования, назовем ее ангажированной методологически³.

Действительно, диалог можно рассматривать и в качестве экзистенциального события, и в качестве методологии мышления. Однако эта двойственность сказывается на понимании его смысла. Экзистенциально нагруженная рефлексия сужает его, как бы «сжимает» и редуцирует к точке-событию, а для его определения требуется точная метафора. Рефлексия в ее методологической версии, напротив, как бы расширяет смысл диалога, стремясь генерализовать изучение личностного общения до обнаружения всеобщих структур.

Адекватную нашей задаче – обнаружить в диалоге речевое действие осмысления - метафизику *философского диалога* мы вычитаем в учении о языке П. Флоренского. Основные его идеи были высказаны Флоренским в 20-х гг. прошлого столетия⁴, именно во время зарождения европейской «философии диалога», но в

---

²Rosenzweig F. Der Stern der Erlösung, Kauffmann, Frankfurt. M.: J. Kauffman Verlag, 1921. 532 p. – в русс. пер. Розенцвейг Ф. Звезда избавления / Ред. И. Дворкин; пер. с нем. Е. Яндугановой. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2017. 544 с.; Ebner F. Das Wort und die geistigen Realitäten. Pneumatologische Fragmente. Innsbruck, 1921. 244 p.; Buber M. Ich und Du. Leipzig, Insel-Verlag, 1923. 137 p. – в русс. пер. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры: Пер. с нем./Под ред. Гуревича П.С., Левит С.Я., Лезова С.В. М.: Республика, 1995. С. 15-92.; Judaism Despite Christianity: The “Letter on Christianity and Judaism” between Eugen Rosenstock-Huussy and Franz Rosenzweig / Ed. By Eugen Rosenstock-Huussy. N.Y., 1969. 198 p.; Casper B. Das dialogische Denken. Eine Untersuchung der religionsphilosophischen Bedeutung Franz Rosenzweigs, Ferdinand Ebners und Martin Bubers. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1967. 391 p.; Махлин В.Л. Я и Другой: К истории диалогического принципа в философии XX в. М.: Лабиринт, 1997. 254 с.; Meir, E. Dialogical thought and identity: trans-different religiosity in present day societies. Berlin: de Gruyter, 2013. 231 p.

³Theunissen M. Der Andere: Studien zur Sozialontologie der Gegenwart. Berlin: de Gruyter, 1965. 538 p.; Ricoeur Paul. The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text // New Literary History. 1973 Vol. 5 № 1 What Is Literature? P. 91-117. – в русс. пер. Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. Т.7. №1. 2008. С. 28-43; Библиер От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.; Махлин В.Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. 632 с.; Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2010. 575 с.; Intercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity / Ed. By E. Demenchonok. New castle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 402 p.

⁴Речь идет о работе «Мысль и язык», которую Флоренский планировал как четвертый раздел первой части «Образ и слово», открывающей цикл «У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики)». Этот цикл не был опубликован при жизни автора, первая часть

них обнаруживается особенный подход к диалогу, который нельзя идентифицировать ни как экзистенциально нагруженную рефлексию, ни как методологическую позицию. Особенность этой рефлексии как метафизической можно раскрыть в отношении П. Флоренского к классической сократовско-платоновской традиции. К ней он апеллирует напрямую, давая понять, что философский диалог в античности - сократическая беседа - есть речевое действие, смысл которого есть смысл всей **речевой жизни человека**. Чтобы понять, каким образом воплощаемое в философском диалоге речевое действие, по Флоренскому, раскрывает метафизическую перспективу смысла жизни, необходимо сначала реконструировать основы практики сократического диалога, его, так сказать, «идеологию».

Философская практика диалога

Что значит диалог как практика? В качестве практики диалог не сводим к техническому навыку, которым можно овладеть и с успехом применять как инструментальную форму речевой жизни. Это различие - идейная основа размежевания между сократовско-платоновской традицией и традицией софистов. Софисты, действительно, мастера красноречия, владеющие его технологией, а выдает её, прежде всего, ориентация софистического образования на исполнение определенного социального заказа в виде умения говорить, востребованного в обстановке демократического поворота в общественной жизни. В платоновских текстах Сократ то и дело сталкивается с распространенным мнением о том, что философия в его изложении есть напрасная трата времени, отвлекающая человека от активной жизни, от решения вопросов общественного устройства. И такое мнение не лишено основания, его нельзя попросту списать на счет некомпетентности высказывающего его человека. Сократический образец построения философской речи следует воспринимать не с точки зрения технического мастерства, которое здесь можно обнаружить в виде риторических приемов, но с точки зрения практической целесообразности. Скажем так: если техника связана с достижением внешней цели и в этом смысле вызывается потребностью решить определенную задачу, с которой мы столкнулись, то практика, напротив, с точки зрения внешних целей выглядит явно избыточной, но это именно так потому, что практика имеет цель, видную и понятную только изнутри нее самой. Отсюда парадокс сократовского протрептика: чтобы понять зачем нужна философия человеку, этому человеку нужно быть уже в пространстве философской мысли. Так Аристотель в дошедших до нас фрагментах своего протрептика развивает мысль, что отрицание философии как бесполезного занятия есть нераспознанное говорящим (уже) присутствие в поле некоторого философствования. Итак, выражение «речевая практика» в русле сократо-платоновской традиции подразумевает, как бы мы сказали сегодня, автономную

«Образ и слово» впервые опубликована в двухтомнике сочинений: Флоренский П. У водоразделов мысли. Том 2 / Сост. Игумен Андроник, М.С. Трубачева, П.В. Флоренский. М.: Издательство «Правда», 1990. 447 с. В дальнейшем мы будем опираться на это издание.

форму речевой деятельности, явно избыточную с точки зрения вопроса о том, какой внешней цели она служит.

Пусть внутренняя, но цель у диалога все-таки есть, и Сократ указывает в этом качестве *арете*, высвобождая его из традиционного для греков контекста соперничества с Другим (*агон*) как *превосходство над собой*. Можно понять, что оно проявляется, прежде всего, в речи и обозначается как речь, в которой человек дает отчет в том, что и почему он говорит, т.е. как бы выходит из потока привычной речевой жизни в рефлексии того, что представляется в этом потоке интуитивно ясным и очевидным. То, что можно зафиксировать в соответствии с аристотелевским пониманием платоновской диалектики как теоретическое требование дать определение используемым понятиям, имеет своей основой сократическое стремление выйти из круга неосознанной речевой жизни. Независимо от того, насколько состоятельны будут наши определения, способные в результате философской беседы развернуться в теоретическую картину мира, имеет значение сам процесс речевого контакта Я-Ты как противоположное неосознанности речевой жизни и продуцируемым им формам общения коммуникативное *усилие осмысления*. Диалог как речь о речи уводит из мира вещей, к которому естественным образом отсылает язык, в область самоотчета, где теоретическую истину того, что есть вещи, предваряет практическое усилие осмысленного высказывания. Итак, особенность философского диалога, рассматриваемого в параметре практика/техника, заключается в том, что цель этой речи состоит в изменении самой речи, что и можно назвать **осмыслением**.

Различение практика/техника следует рассматривать в связи с другим, не менее важным - устная речь/письменная речь. Является ли сократовская беседа диалогом? Вопрос странный только на первый взгляд, ведь в строгом смысле само понятие «диалог» появляется как имя уже записанных Платоном бесед Сократа и подразумевает определенный жанр текста. Зачем записывать беседу во всем многообразии второстепенных деталей, если, как это часто бывает в платоновских текстах, в результате самой беседы мы не получили ясного ответа на поставленный вопрос? Вероятно, форма письменного текста все же необходима Платону. Диалог строится в совмещении устной речи (ситуация встречи кого-либо с Сократом задает композицию текста) и письменной речи, в рамках которой оказывается возможным то, что невозможно в устной речи – вернуться к уже сказанному при встрече, увидеть сказанное в целостности, что-то исправить и т.д. Диалог нельзя редуцировать ни к устной речи события личной встречи с Сократом, ни к письменной речи итоговых формулировок, очищенных от второстепенных обстоятельств и тупиковых ветвлений мысли. Встреча с Сократом – это не просто содержательный элемент текста, задающий композицию, это *текстопорождающий механизм*, условие практического значения всего текста. Ведь не всем повезло встретиться с Сократом вживую, но такая встреча как эмпирическое событие ничего не значит. Ее значение раскрывается в тексте: превращая реальную личность Сократа в своего персонажа, Платон воспроизводит единичный коммуникативный акт в виде определенного типа речевой деятельности, который посредством письменного текста может транслироваться в культуре как образец для подражания.

Для подражания со стороны кого? Этот вопрос выводит нас к особенности практики философского диалога как институциональной формы.

Институционализация диалога

Необходимость создавать письменные диалоги объяснима в рамках философской школы, где диалог оказывается основой организации образовательного процесса, построенного по традиционной модели личного наставничества, но модифицированной в текстовом пространстве таким образом, что Сократ-персонаж оказывается неким типизированным учителем, продолжающим учить и после смерти Сократа-человека.

Как можно ответить на вопрос о месте диалога в античной культуре, если видеть в нем философскую практику? Если её целью является воплощенное в речи действие по осмыслению, если речь при этом есть записанная в тексте беседа, а её формат есть трансляция речевого опыта в качестве образцового?

В виде фиксированной в платоновской школе речевой практики диалог возникает как реакция на разрыв с прошлым, симптомом которого стал закат аристократии и переход к демократическим формам общественной жизни. Платон – консерватор, его подход никак не согласуется с социальным заказом, на который первыми отреагировали софисты. Критикуя саму возможность письменной фиксации философской мысли из-за общедоступности письменного текста, отстаивая наследуемый от Сократа образец философии как устной беседы, Платон в своей школьной практике диалогового обучения воплощает отношение Я-Ты как форму речевой жизни в текущем моменте, целенаправленно и подчеркнуто обособленную от процесса развития общественной жизни. В качестве устной беседы, текстового жанра и философской школы практика диалога локализует в культуре отношение Я-Ты как место, окруженное стенами воображаемого города от возможных помех внешнего мира, в котором одна речь порождает другую. Проясняя сущность диалога, Платон использует метафору посева (*φύτεύω*), вызывающую образ некоторого огороженного участка: «... взяв подходящую душу, такой человек со знанием дела насаждает и сеет в ней речи, ... они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные сделать это семя навеки бессмертным ...» [21, С. 219]. Семя, делающее речь бессмертной в почве человеческой души – это, несомненно, красивая метафора. С её помощью можно сказать, что практика диалога создает в культуре определенное пространство самовоспроизводства речевой жизни как пространство текста, в котором отношение Я-Ты самодостаточно, оно есть неисчерпаемый ни в каком опыте его реализации акт осмысления, заранее не вмещаемый в сетку вопросов «зачем» и «почему». Конечно, шаг к осмыслению, уводящий речь от реальности к другой речи, можно трактовать в эскапистском духе, воспринимая диалог как способ ухода от решения насущных проблем- серьезный упрек в адрес Сократа и его последователей. Важно увидеть другое – появление философского диалога в культуре свидетельствует о том, что непосредственно в содержании культурной жизни обнаруживается место для слова, за которым не стоит ни традиция, ни интерес, ни потребность, ни божественная воля, но исключительно *смысл*. То, что представляется на первый взгляд бегством от реальной жизни, в действительности, есть открытие нового -

смыслового измерения этой жизни, ядром которого становится отношение Я-Ты, прочитываемое в виде сократовского вопрошания и фиксируемое как встреча с мудрецом, текстовый жанр и философская школа. Эти фиксации и дают возможность увидеть особую топологию – *философскую культуру*. Что здесь имеется в виду?

Если каждый человек - философ от природы и человеку свойственно задаваться мировоззренческими вопросами в попытках осознать себя и окружающий мир, то философия в том виде, в котором ее поняли и обозначали в своем языке греки, не исчерпывает собой философский тип мышления. Схожие идеи высказывали задолго до них египтяне (сюжет, хорошо знакомый и по диалогам самого Платона), тогда почему бы не рассматривать в качестве философских представления о мире, например, в традициях шаманизма? Если философские идеи можно обнаружить в самых разных культурах, то чем принципиально отличается греческая?

Прежде всего тем, что в этой культуре мы находим не только идеи, но и особенные формы работы с ними, позволяющие практиковать мыслительный процесс в специально предназначенном для этого формате деятельности. Само по себе наличие в культуре представлений, определяемых нами как философские, не формирует философской культуры. Важно, существуют ли в культуре такие формы работы с этими представлениями, которые способны обеспечить воспроизводство и трансляцию философской мысли как форматированный опыт, социально распознаваемый среди его профессиональных аналогов - таких, как врач, поэт, жрец, ученый и т.д. С этой точки зрения понятен известный тезис М.К. Мамардашвили: культура может жить и развиваться в той мере, в какой она способна «интегрировать и кумулятивно сохранять продукты свободных «безразмерных» творческих действий». То есть, если она способна вмещать в себя «области экспериментирования с возможным образом человека, с возможным местом его в космосе»[7, С. 36].

В чем же особенность философского «экспериментирования» в культуре, если в качестве основополагающей формы такого эксперимента рассматривать диалог? Благодаря чему диалог оказывается способным генерировать философскую культуру, в рамках которой он проявляется и как модель образовательного процесса, и как жанр философского текста, и как практика личностного философствования?

Думаю, что такая возможность диалога определяется тем, что он есть речь, которая изменяет/изменяется в отношении к другой речи. Связь между изменением речи и отношением к другой речи отражается в слове *обращение*. Обращаться – значит изменяться, что близко к слову «превращаться», этот глагол имеет значение адресности, которое подразумевается в выражениях «обратиться с просьбой», «обратиться с вопросом». Это не простая синонимия. Диалог есть *обращение как определенный тип речевого действия, в рамках которого адресность реализуется в процессе изменения речи - в речепереме*. И такая речеперемена может быть разного вида.

1. Философ беседует с не-философом и тем самым инициирует выход речи за пределы естественного языка, здесь речевое действие обособляется в потоке

естественной речевой жизни как «остановка». Речь обрывается, но диалог не прекращается, и этот обрыв есть возможность говорить иначе в сравнении с привычным. В «Пире» Алкивиад сравнивает речь Сократа с укусом змеи, жалящей в душу. В «Меноне» схожий образ ската, парализующего человека уколом. Менон обращается к Сократу с такими словами: «Я, Сократ, еще до встречи с тобой слышал, будто ты только то и делаешь, что сам путаешься и людей путаешь. И сейчас, по-моему, ты меня заколдовал и зачаровал и до того заговорил, что в голове у меня полная путаница. А еще, по-моему, если можно пошутить, ты очень похож и видом, и всем на плоского морского ската: он ведь всякого, кто к нему приблизится и прикоснется, приводит в оцепенение, а ты сейчас, мне кажется, сделал со мной то же самое – я оцепенел. У меня в самом деле и душа оцепенела, и язык отнялся: не знаю, как тебе и отвечать» [18, С. 382]. Обратим внимание на ряд глаголов, используемых Платоном и связанных с идеей речевого действия как остановки. Это глаголы «путать» (греч. ἀλорέω – быть в затруднении, в смущении, что соответствует смыслу апории как «непроходимое место»); «заколдовать» (греч. ὑοῖτεῖω: обольщать, зачаровывать в значении близком к обману; также греч. φαρμάσσω: зачаровывать, отравлять, заражать); «привести в оцепенение» (греч. ψαρκάω: коченеть, остолбенеть, онеметь).

2. Иной вид речеперемены – «искупление» – представлен в «Федре». Сократ произносит последовательно две речи, первая речь оценивается самим Сократом как ошибочная: «мне будто послышался тотчас же какой-то голос, не разрешавший мне уйти, прежде чем я не искуплю некий свой проступок перед божеством» [21, С. 176]. «Искупление» (ἀφοσίω: очищаться от, отклонять, отмаливать) есть реакция Сократа на свою же собственную речь. Речевой проступок, вмешательство божества (гений диалога) и вторая речь, переделанная в осознании искупления, – это не просто композиция «Федра», играющая вспомогательную роль художественного обрамления, в подобном трехчастном построении отражается идея перемены как реализуемое в речи вслушивание в «угодное богам», что несет в себе риск оступиться и вместе с тем возможность искупить вину в опыте речевого перерождения.

3. Еще одна разновидность речеперемены – «поворот». В «Пире» Сократ отказывается от задуманной им речи в честь Эрота и в рамках традиционного жанра хвалебной речи (*энкомий*) в противовес ожидаемому от него красноречию решается говорить иначе «в первых попавшихся, взятых наугад выражениях» [20, С. 127]. В «Протагоре» «поворотная» речеперемена представлена как переворот, описываемый самим Платоном словами «все тут перевернуто вверх дном» [19, С. 253]. Центральным здесь является слово *τάρσσω* (смешивать, волновать, взрыхлять, смущать, тревожить, расстраивать), фиксирующее эффект трансформации, так как Сократ и Протагор в ходе беседы меняются местами. Высказав изначально противоположные мнения о том, можно ли научить человека добродетели, каждый из собеседников в итоге переворачивает заявленный вначале тезис и тем самым занимает место Другого.

Разные виды речеперемены – остановка, искупление, поворот (переворот) – связываются в узел как тип речевого действия, единство которого прочитывается в

стремлении воздействовать речью на речь, его целью является непосредственно само событие речеперемены. Оно и есть **осмысление**. Осмыслить сказанное – значит сказать иначе, и здесь важно, что смысл не есть предмет, вынимаемый из речи как из «обертки», но само действие разворота. Подчеркнем – не предмет или вещь, имеющие место в любом пространстве, которые можно было бы взять, схватить, чем можно овладеть и что можно передать другому, но возникающее во времени как момент, требующий готовности. Его, действительно, можно подготовить, инициировать или спровоцировать в действии, это в культуре Древней Греции обозначалось понятием кайроса (καιρός - пора, обстоятельство, время года, мера).

Кайрос – это «подходящий момент», его понимание мы находим еще в традиции пифагорейцев, как об этом свидетельствует Ямвлих в книге «О пифагоровой жизни». Он пишет, что среди пифагорейцев был распространен определенный «способ наставления в справедливости в общении», основу которого образует кайрос как понимание того, что уместно в общении, ведь позволительное в отношениях к младшему будет неприличным в отношении к старшему. Кайрос как подходящий момент для действия можно сравнить с удачей, но он отличается от удачи тем, что не случаен. Подходящий момент выбирают, к нему готовятся, его можно подготовить. Об этом Ямвлих пишет так: «Выбор подходящего времени сложен и разнообразен. Ведь одни сердятся и гnevаются вовремя, а другие – не вовремя, и так же из тех, кто стремится к чему-либо или желает чего бы то ни было, одним выпадает удачный момент, а другим – неудачный. <...> Сама же уместность в некоторой степени может быть объектом наставления и ожидания и допускает систематическое изложение ...» [17, С. 110].

В среде пифагорейцев устоялся образ философа, который не вступает в конфликт именно потому, что в данный момент его душа охвачена гневом, и он решает ожидать подходящий момент, чтобы уже в спокойствии выразить свое возмущение. Ямвлих пишет, что о пифагорейцах рассказывают так: «никто из них никогда не наказывал слуг и не вразумлял свободных в гневе, но ждал, пока к нему вернется рассудок. Вразумление они называли "выправлением" (πεδαλτῆν), так как они пережидали [гнев] замолкая и успокаиваясь» [13, С. 495]. Мы бы назвали это «выправление» речевой сдержанностью, и такая сдержанность есть действие, преобразующее аффективную речь во вразумительную и осмысленную. Его можно понять как *прохождение* сквозь неподходящий момент. Отложить реакцию значит преобразовать речевую реактивность в активность. Такое преобразование есть способ действия философа, практикующего кайрос как философский образ жизни. Жить согласно этой идее – значит существовать во времени речевого действия, имеющего целью исключить из жизни время «потом», когда приходится сожалеть как о сказанном поспешно, так и сказанном с запозданием. Идея кайроса точно выражается метафорой стрелы и челнока, её высказывает Р. Онианс: «Челнок должен был проходить через ряд отверстий в основе, как стрела через ряд отверстий...» [12, С. 337]. В обоих случаях речь идет о специфическом действии «прохождения сквозь», в котором обыгрываются значение попадания в цель и значение плетения.

Каким образом философский диалог раскрывается с точки зрения кайроса? Из типа деятельности философский диалог разворачивается в речевую модель человеческой жизни. Ее основу образует вопросно-ответная взаимосвязь речевого акта и речевой реакции в коммуникативной полноте текущего момента. Он выражает целостность жизни вопреки угрожающему распаду на нестыкуемые фрагменты в виде оставшегося в прошлом вопроса, ответ на который приходит потом и уже некстати. Можно было бы подумать, что распад целостности - это драма жизни человека, и диалог человеку нужен, прежде всего, чтобы не потерять себя в разрывах прошлого и настоящего. Но, как замечает П. Флоренский, угроза распада, как и предотвращающий ее диалог, приходят к человеку изнутри самого языка. Каким образом и почему? В поисках ответов на эти вопросы намечаются подступы к метафизике диалога.

Метафизика диалога (П. Флоренский)

В учении Флоренского о языке, представленном в работе «Водоразделы мысли», тема диалога, на первый взгляд, не находит заметного выражения. Это можно объяснить тем, что Флоренский рассматривает диалог с точки зрения литературной формы текста, в которой речевая деятельность выражается в виде диалектического процесса. Флоренский пишет так: «Диалектика есть умение спрашивать и отвечать. Этот ритм вопросов и ответов драматически символизируется в виде диалога, причем каждая точка зрения художественно воплощается отдельным лицом. Диалог есть собственнейшая литературная форма философии...»[16, С. 145]. То есть, диалог - это жанр философского текста, соответствующий диалектике как вопросно-ответной речевой деятельности. Но что значит это соответствие? Можно ли сказать, что диалог есть вторичная текстовая «надстройка» над диалектикой как «искусством вопрошания»? По мысли Флоренского, «и философия есть язык; но она – не одно описание, а множество таковых, превращающихся одно в другое. Она - драма, ибо символы ее – символы движущиеся. ... драма есть зрительно явленная диалектика ...»[Там же, С. 130]. В этом фрагменте отметим две идеи, закладывающие основу русской метафизики диалога.

Первая идея состоит в том, что диалектика и диалог соотносятся не в отношении первичное - вторичное, но в отношении предмета и вида. Что можно сказать о предмете, не имеющем вида? Флоренский рассуждает как платоник, для которого вид предмета есть сам предмет: диалог – это «зрительно явленная диалектика». Вторая идея состоит в том, что философия есть язык, но этот язык не есть организованная система высказываний о мире, а язык, понятый с точки зрения реализуемого в языке действия, которое Флоренский называет «превращение одного в другое». Известно, что Флоренский мыслит себя наследником традиции платонизма, но Платон в его прочтении ближе не Пармениду, а скорее Гераклиту с его идеей текучести мира. Иначе нельзя понять высказываемую Флоренским мысль, что «философия имеет предметом своим не один закрепленный ракурс жизни, но ракурс переменный, подвижную плоскость мирового разреза .... Она избирает в

удел себе переменную точку зрения» [Там же, С. 130]. На чем основана такая интерпретация? Мы бы ответили так: платонизм Флоренского есть метафизика речевого действия диалога. Не созерцание идей, а речевое действие – такой разворот изменяет представление о философии как особого рода «зрении»: не зрение, а говорение, т.е. философия есть язык, реализуемый в **действии диалога-диалектики**. Философский диалог проявляет в языке его основу – этот тезис Флоренский формулирует так: «... факт существования языка есть факт существования философии; ибо язык по существу своему диалектичен» [Там же, С. 150].

В чем Флоренский усматривает диалектическое существо языка? Русский философ отталкивается от идеи В. фон Гумбольдта, согласно которой в языке различаются *ενεργεια* (деятельность) и *εργον* (вещность). Это различие для Флоренского есть *«антиномия языка»* как способ его бытия, где в противоборстве двух начал язык рождает себя в поисках «равновесия», которое принимает вид предмета. Предмет можно «схватить» и образовать понятие, в равновесии же необходимо удержаться – я не обладаю равновесием, я к нему прихожу. Поэтому диалог есть действие, не заменяемое понятием о действии, он возникает на острие столкновения языка с самим собой, а метафизика языка П. Флоренского может быть прочитана в качестве *метафизики речевого действия*. Язык уже есть, наследуется традиции, фиксируется в грамматике и лексике, но одновременно он заново создается в творческом акте высказывания, посредством которого данность языка обновляется и видоизменяется. При этом язык как данность (*εργον*) и как творческий акт (*ενεργεια*) подразумевают различных носителей языка. В случае данности речь идет о сообществе, творческий акт подразумевает отдельную личность. В отношении к носителю языка диалектика языка принимает особенный вид: «Нет индивидуального языка, который не был бы вселенским в основе своей; нет вселенского языка, который бы не был в своем явлении – индивидуальным» - пишет Флоренский [Там же, С. 164]. Трактую *ενεργεια* и *εργον* с точки зрения различия вселенского языка и индивидуального языка, он выходит за пределы представления о языке как бытии. Вселенский язык и индивидуальный язык – это уже не способы бытия языка, но способы языковой деятельности.

Становится понятной роль, какую диалог играет в языке - он подобен гироскопу, позволяющему человеку в его речевой жизни сохранять равновесие, которое требует усилия речеперемены, воплощаемого в речевом действии, его внутренняя цель – преобразование реактивности в активность и наоборот. Метафизика диалога намечает путь к обозначенной еще Платоном проблеме философской совместимости уникальной ситуации личностного общения и стандартизированной формы (все)общего образования (обучения). Как не потерять смысл в философской коммуникации, где личность адресата расплывается в анонимных персонификациях типа «всякий», «любой», «все»? Этот платоновский вопрос звучит особенно остро в эпоху информационных технологий. Следуя по пути Флоренского, можно сказать так: риск утраты смысла рождает стихия диалога, родственная философскому слову, которое именно поэтому не может отделаться от

искушения окончательно выбрать себя либо в качестве «моего слова» (поэзия), или «общего слова» (наука). Но всякий выбор есть разрушение диалога как возможности, как ситуации речеперемены. Идеи о том, что преподавателя философии может заменить онлайн-курс, что личное общение в наши дни есть либо архаика, либо слишком дорогое для системы высшего образования в эпоху массовой коммуникации удовольствие, по своей сути не новы. Их корни в сциентизме, они так же утопичны, как и противоположная (романтическая?) идея о том, что философу как Учителю следует раствориться в экзистенциальной непосредственности личного контакта с Учеником. Остановка, пауза перед возможным выбором между этими крайностями здесь необходима, в ней и рождается то мышление «на свой страх и риск», на которое указывал «грузинский Сократ» М.К. Мамардашвили. В этой паузе, «а не в элементах прямой непосредственной коммуникации и выражений осуществляется и соприкосновение с родственными мыслями и состояниями других, их взаимоузнавание и согласование, а главное – их жизнь, независимая от индивидуальных человеческих субъективностей и являющаяся великим чудом. Удивление этому чуду (в себе и в других) – начало философии...»[8,С.88] – говорил он.

Заключение. Идущая в наши реформа всей сферы образовательной деятельности и переход к онлайн-формам дистанционного обучения может привести к губительным для философского образования последствиям, если не принимать во внимание его смысл и цель. Против идеи доступности образования как набора знаний и умений нет аргументов, но под какую компетенцию можно подвести действие осмысления? Как организовать при этом оказание соответствующей «образовательной услуги»? На деле эта реформа редуцирует личное общение как архэ философской культуры к технологиям доступного образования. Такая редукция ожидаема, а в условиях массового общества нет никаких преград к осуществлению «смыслового краудсорсинга», к реализации виртуальных способов диалога в условиях «дополненной реальности» и эпохи «конца Профессора». Ставить вопрос о технологиях осуществления речеперемены, право на которую у нынешнего молодого человека, изучающего философию и приобщающегося к философской культуре, никто отнять не может. Риски на пути технологических трансформаций очевидны, и к ним надо быть готовыми.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах, Т.2 / Ред. Бочаров С.Г., Мелихова Л.С. М.: «Русские словари», 2000. С. 5-176.
2. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
3. Бубер М. К истории диалогического принципа // Проблемы бахтинологии-3 / Под ред. К.Г. Исупова (Филологические исследования), пер. с нем. Махлин В.Л., Т. 9. – Юго-Восток Донецк, 2007. – С. 281–301.
4. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры: Пер. с нем./ Под ред. Гуревича П.С., Левит С.Я., Лезова С.В. М.: Республика, 1995. С. 15-92.;
5. Кристева Ю. Текст романа // Избранные труды: разрушение поэтики / пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004. С. 395-581.

6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
7. Мамардашвили М.К. Культура и мысль // Философская и социологическая мысль. №6. 1990. С. 24-38.
8. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Издательство «Логос», 2004. 272 с.
9. Махлин В.Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. 632 с.
10. Махлин В.Л. Я и Другой: К истории диалогического принципа в философии XX в. М.: Лабиринт, 1997. 254 с.
11. Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2010. 575 с.
12. Онианс Р. На коленях богов. М.: «Прогресс-Традиция», 1999. 592 с.
13. Пифагорейская школа / Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: издательство «Наука», 1989. С. 465-504.
14. Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. Т.7. №1. 2008. С. 28-43.
15. Розенцвейг Ф. Звезда избавления / Ред. И. Дворкин; пер. с нем. Е. Яндугановой. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2017. 544 с.
16. Флоренский П. У водоразделов мысли. Том 2 / Сост. Игумен Андроник, М.С. Трубочева, П.В. Флоренский. М.: Издательство «Правда», 1990. 447 с.
17. Ямвлих О Пифагоровой жизни / Пер. с древнегреч. И.Ю. Мельниковой. М.: Алетея, 2002. 192 с.
18. Платон Менон // Сочинения в трех томах / ред. Лосев А.Ф., Асмус В.Ф. М.: «Мысль», Т.1. 1968.С. 367-412.
19. Платон Протагор // Сочинения в трех томах / ред. Лосев А.Ф., Асмус В.Ф. М.: «Мысль», Т.1. 1968.С.187-254.
20. Платон Пир // Сочинения в трех томах / ред. Лосев А.Ф., Асмус В.Ф. М.: «Мысль»,Т.2. 1970. С. 367-412.
21. Платон Федр// Сочинения в трех томах / ред. Лосев А.Ф., Асмус В.Ф. М.: «Мысль»,Т.2. 1970. С. 157-222.
22. Buber M. Ich und Du. Leipzig, Insel-Verlag, 1923. 137 p.
23. Casper B. Das dialogische Denken. Eine Untersuchung der religionsphilosophischen Bedeutung Franz Rosenzweigs, Ferdinand Ebners und Martin Bubers. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1967. 391 p.
24. Ebner F. Das Wort und die geistigen Realitäten. Pneumatologische Fragmente. Innsbruck, 1921. 244 p.
25. Franz Rosenzweig's "The new thinking" / edited and translated by Alan Udoff and Barbara E. Galli, N.Y. Syracuse, 1999. 218 p.
26. Intercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity / Ed. by E. Demenchonok. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 402 p.
27. Judaism Despite Christianity: The "Letters on Christianity and Judaism" between Eugen Rosenstock-Huussy and Franz Rosenzweig / Ed. by Eugen Rosenstock-Huussy. N.Y., 1969. 198 p.
28. Meir, E. Dialogical thought and identity: trans-different religiosity in present day societies. Berlin: de Gruyter, 2013. 231 p.
29. Ricoeur Paul. The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text // New Literary History. 1973 Vol. 5 № 1 WhatIsLiterature? P. 91-117.
30. Rosenzweig F. Der Stern der Erlösung, Kauffmann, Frankfurt a. M.: J. Kauffman Verlag, 1921. 532 p.
31. Theunissen M. Der Andere: Studien zur Sozialontologie der Gegenwart. Berlin: de Gruyter, 1965. 538 p.

Zarapin O. V. Philosophy as Action: Towards the Metaphysics of Dialogue // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 17–31.

The article raises the problem of the peculiarities of philosophical dialogue as a speech action. The originality of the dialogue is revealed in the context of the ancient tradition of philosophical dialogue in the ratio of parameters: technique / practice, oral / written speech, text / school. The thesis is proposed: in ancient times,

dialogue was a specific communicative practice of comprehension. In a philosophical dialogue, the action of comprehension is realized as the action of "changing speech", which is singled out and allocated in the stream of natural speech life as an action: 1) current in the autonomous mode of time (kairos); 2) having an autonomous pragmatic load. Dialogue pragmatics of comprehension is revealed by examples of speech actions "stop", "turn", "redemption", "coup". Within the framework of the pragmatics of philosophical dialogue, meaning is not an object that can be mastered and transferred to another, but the action of comprehension, reproduced according to the model of Socratic conversation and cultivated in the ancient philosophical school as a dignity of superiority over oneself. The thesis is put forward that the pragmatics of dialogue is related to the metaphysics of dialogue. Philosophical dialogue is not only a way of human speech activity, but also a way of being a language. To find out how pragmatics and metaphysics are interconnected in dialogue, the teaching of P.A. Florensky on the antinomy of language.

Keywords: philosophical dialogue, speech action, metaphysics of dialogue, pragmatics of dialogue.

References

1. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij v semi tomah* [Collected works in seven volumes]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., 2000, Vol. 2 *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Creativity], Pp. 5-176.
2. Bibler V. S. *Otnaukoucheniya–k logikekul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From the Science of Science to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to the 21st Century]. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1990, 413 p.
3. Buber M. *K istorii dialogicheskogo principa* [Zur Geschichte des Dialogischen Prinzips]. *Problemy bahtinologii-3* [Bakhtinology problems-3]. Yugo-Vostok Doneck, 2007, Pp. 281-301.
4. Buber M. *Dvaobraza very* [Two Ways of Faith]. *YA i Ty* [I and Thou]. Moscow, Republic Publ., 1995, Pp. 15-92.
5. Kristeva YU. *Izbrannye trudy: razrushenie poetiki* [Selected Works: The Destruction of Poetics]. *Tekstromana* [Novel text]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN) Publ., 2004, Pp. 395-581.
6. Lotman YU.M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside Minded Worlds. Man - Text - Semiosphere - History]. Moscow, Russian cultural languages, 1996, 464 p.
7. Mamardashvili M.K. *Kul'turaimysl'* [Culture and Thought]. *Filosofskaya I sociologicheskaya mysl'* [Philosophical and sociological thought], 1990, №6., Pp. 24-38.
8. Mamardashvili M.K. *Soznanie I civilizaciya. Teksty I besedy* [Consciousness and civilization. Texts and conversations]. Moscow, LogosPubl., 2004, 272 p.
9. Mahlin V.L. *Vtoroe soznanie: Podstupy k gumanitarnoj epistemologii* [Second Consciousness: Approaches to Humanitarian Epistemology]. Moscow, Znak Publ., 2009, 632 p.
10. Mahlin V.L. *YA i Drugoj: K istorii dialogicheskogo principa v filosofii XX v.* [Me and Other: Towards the History of the Dialogical Principle in the Philosophy of the 20th Century]. Moscow, Labirint Publ., 1997, 254 p.
11. Mikeshina L. A. *Dialog kognitivnyh praktik. Iz istorii epistemologii I filosofii nauki* [Dialogue of cognitive practices. From the history of epistemology and philosophy of science]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN) Publ., 2010, 575 p.
12. Onians R. *Na kolenyah bogov* [The Origin of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time and fate: new interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 1999, 592 p.
13. *Pifagorejskaya shkola* [Pythagoreanschool]. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' 1. Ot epicheskikh teocosmogonij do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmogonies to the emergence of atomism], Moscow, Nauka Publ., 1989, Pp. 465-504.
14. Riker P. *Model' teksta: osmyslennoe dejstvie kak tekst* [The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text]. *Sociologicheskoe obozrenie*. [SociologicalReview], 2008, Vol.7., №1, Pp. 28-43.

15. Rozencvejg F. Zvezda izbavleniya [Der Stern der Erlösung]. Moscow, Gesharim / Bridging Cultures, 2017, 544 p.
16. Florenskij P. U vodorazdelov mysli. Tom 2 [At the Watersheds of Thought. Vol. 2]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 447 p.
17. Yamvliih O Pifagorovoj zhizni [On the Pythagorean life]. Moscow, Aletheia Publ., 2002, 192 p.
18. Platon Sochineniya v trekh tomah [Collected Works in 3 Vol.]. Moscow, Mysl' Publ, 1968, Vol. 1., Menon [Meno]. Pp. 367-412.
19. Platon Sochineniya v trekh tomah [Collected Works in 3 Vol.]. Moscow, Mysl' Publ, 1968, Vol. 1., Protagor [Protagoras]. Pp. 187-254.
20. Platon Sochineniya v trekh tomah [Collected Works in 3 Vol.]. Moscow, Mysl' Publ, 1970, Vol. 2., Pir [Symposium]. Pp. 95-156.
21. Platon Sochineniya v trekh tomah [Collected Works in 3 Vol.]. Moscow, Mysl' Publ, 1970, Vol. 2., Fedr [Phaedrus]. Pp. 157-222.
22. Buber M. Ich und Du. Leipzig, Insel-Verlag, 1923. 137 p.
23. Casper B. Das dialogische Denken. Eine Untersuchung der religions philosophischen Bedeutung Franz Rosenzweigs, Ferdinand Ebners und Martin Bubers. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1967. 391 p.
24. Ebner F. Das Wort und die geistigen Realitäten. Pneumatologische Fragmente. Innsbruck, 1921. 244 p.
25. Franz Rosenzweig's "The new thinking" / edited and translated by Alan Udoff and Barbara E. Galli, N.Y. Syracuse, 1999. 218 p.
26. Intercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity / Ed. by E. Demenchonok. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 402 p.
27. Judaism Dispite Christianity: The "Letters on Christianity and Judaism" between Eugen Rosenstock-Huessy and Franz Rosenzweig / Ed. by Eugen Rosenstock-Huessy. N.Y., 1969. 198 p.
28. Meir, E. Dialogical thought and identity: trans-different religiosity in present day societies. Berlin: de Gruyter, 2013. 231 p.
29. Ricoeur Paul. The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text // New Literary History. 1973 Vol. 5 № 1 What's Literature? P. 91-117.
30. Rosenzweig F. Der Stern der Erlösung, Kauffmann, Frankfurt a. M.: J. Kauffman Verlag, 1921. 532 p.
31. Theunissen M. Der Andere: Studien zur Sozialontologie der Gegenwart. Berlin: de Gruyter, 1965. 538 p.

УДК: 165.21

НЕПОСТИЖИМАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МАТЕМАТИКИ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ПЛАТОНИЗМА

Сафонова Н.В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: Safonov7070@mail.ru

Зарождение в начале XX века интуиционизма в философии математики явилось первым тревожным сигналом того, что математика утратила эмпирическую базу. Это вызвало много дискуссий в вопросе формирования самой науки и, как следствие, должно привести к решению проблемы обоснования взаимодействия математики и естественных наук. Вопрос, поставленный Ю. Вигнером, о «непостижимой эффективности математики в естественных науках» получает новую остроту, так как взаимодействие естественных наук с наукой, потерявшей эмпирическую базу, может привести к аномалиям развития.

Корни ответа на вопрос о «непостижимой эффективности» автор ищет в факторах, сыгравших роль в становлении математизации естественных наук, и далее оценивает значимость каждого на современном этапе.

Было выяснено, что существенную роль сыграли следующие факторы:

- создание Ф. Виетом буквенной символики в алгебре как операционного аппарата, без которого методологическую установку Галилео Галилея на математизацию не удалось бы осуществить;
- точность языка математики – характеристика, выступившая приоритетом в сравнении с естественным языком;
- особенности герменевтической традиции, берущей начало в Средние века, когда «вещь вещала» и представлялось возможным расшифровать мир через символы;
- выход в свет переиздания «Комментариев» Прокла к «Началам» Евклида (1533) - популяризация идеи *mathesis universalis*.

Рассматривая значимость указанных факторов на современном этапе, автор приходит к выводу, что проект *mathesis universalis* сохранил свой потенциал в платоновских взглядах на природу математики. Принимая во внимание очевидность того, что математика является продуктом культуры, в настоящее время идеи платонизма (реализма) в философии математики стремительно теряют свою популярность [1], следовательно, на данном этапе не могут выступить обоснованием эффективности математики в естествознании. Точность языка математики и наличие разработанных математических моделей (как операционного аппарата) продолжают оставаться значимыми для союза математики и естествознания, но недостаточными для обоснования ее «непостижимой эффективности в естественных науках». Автор приходит к выводу, что идеи платонизма (реализма) продолжают играть в математике значительно более важную роль, чем это может показаться на первый взгляд.

Ключевые слова: методологические принципы, герменевтическая традиция средневековья, Галилео Галилей, *mathesis universalis*, платонизм (реализм) в философии математики.

Математический аппарат широко используется в естественных науках, однако взаимодействие естествознания и математики далеко не очевидно, так как различна

природа этих наук. При этом наблюдается феномен, который очень удачно назвал Нобелевский лауреат по физике Ю. Вигнер¹: «непостижимой эффективностью математики в естественных науках» [2, с. 182-198]. В указанной статье Ю. Вигнера фактическом материале показывает открытия в физике, произошедшие в результате взаимодействия математики и физики, при этом справедливо фиксирует внимание на проблеме «непостижимой эффективности». Выводом его работы служат слова: «Чудесная загадка соответствия математического языка законам физики является удивительным даром, который мы не в состоянии понять и которого мы, возможно, недостойны» [2, с. 198].

Стоит согласиться Ю. Вигнером, так как «непостижимость эффективности» вызвана различной природой объектов естественных наук и математики. Современная математика давно утратила эмпирическую базу. Эта особенность уже хорошо была осознана в начале XX века, что подтверждается возникновением в то время интуиционизма – философского направления, задачей которого было вернуть математике былую основу. Потеря математикой эмпирической базы, по утверждению основателя интуиционизма Л. Э. Я. Брауэра, вела эту науку к кризису. Опасения интуиционистов, а позднее выросших на идеях интуиционизма конструктивистов не лишены оснований: возникновение новых математических теорий и их обоснование стало зависеть исключительно от формальных соображений. «Дальнейшее развитие теории множеств всецело зависит от формальных соображений, которые оказываются единственным надежным поводом в темноте, сгустившейся вокруг множеств» [3, С. 11]. Проникновение математики (как науки, потерявшей эмпирическую базу) в физику должно было неизбежно привести к появлению несуществующих объектов и теорий *ad hoc*, зависящих от формальных соображений, необходимых для согласованности и непротиворечивости теорий (об этом подробно на фактическом материале см. в статье [4, С. 47-52]). Таким образом, мы можем наблюдать возникновение не только благотворного эффекта от введения математики в физику, но и негативного.

В настоящее время взаимодействие между науками различной природы только усиливается. В естественных науках все больше укрепляется традиция: научный результат не будет принят до тех пор, пока он не будет записан на языке математики (а также, в виде расчетов, формул, графиков, схем, таблиц – то есть с использованием специального искусственно языка или логических средств). Без этого знание будет считаться неточным, некорректным и часто несущественным.

Яркой иллюстрацией роли языка математики в естествознании может служить проблема теории струн: имея концепцию и опытное подтверждение, но не обладая математической моделью, она считается не завершенной. Лауреат Филдсовской премии Эдвард Виттен в докладе «Физика и геометрия», оценивая состояние теории струн, говорит: «Дело обстоит примерно так, как если бы удалось сформулировать общую теорию относительности в каких-нибудь искусственных терминах, не ведая ничего о римановой геометрии как математического аппарата теории гравитации.

---

¹«Непостижимая эффективность математики в естественных науках» - лекция в честь Рихарда Куранта, прочитанная 11 мая 1959 г. в Нью-Йоркском университете.

Сама мысль о формулировке общей теории относительности без римановой геометрии кажется странной, но именно такая ситуация сложилась в струнной теории» [5, С. 397]. Нужно добавить, что с течением времени ситуация в отношении отсутствия математической модели в теории струн существенным образом не изменилась. «Так как точные уравнения теории струн неизвестны, Брандербергеру и Вафе пришлось делать немало допущений и приближений в своих космологических исследованиях. Сравнительно недавно (интервью с Кумруном Вафой от 12 января 1998 г.) Вафа сказал: «...На современном уровне понимания теории струн выполнить абсолютно надежный расчет для таких экстремальных условий очень сложно, и наша работа дает лишь первое представление о струнной космологии, очень далекое от окончательного понимания» [6, С. 234]. На данном этапе ситуация сохраняется. Не исключено, что замечательная идея свести все разнообразие микрочастиц к представлению о колеблющейся струне, может очень надолго остаться спекулятивной теорией.

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью выяснить основы взаимодействия наук различной природы с целью осознания тех трудностей, которые могут возникнуть в результате «чудесного союза». Если выяснится, что основания введения математики в естествознание являются достаточными, то можно не опасаться появления аномалий в науке (в виде дополнительных искусственных теоретических надстроек), вызванных этим взаимодействием. Цель работы – выяснить, чем обоснована «непостижимая эффективность математики в естественных науках» на современном этапе. Для достижения поставленной цели обратимся к истории науки и выясним, на основании каких факторов происходила математизация естествознания, и определим, являются ли эти основания достаточными для современного понимания исследуемого феномена.

Новизна работы. Впервые вопрос о факторах, сыгравших роль в становлении математизации естественных наук, рассматривается в призме рефлексии над «эффективностью математики». Автор приходит к выводу, что платоновские взгляды на природу математических объектов (такие взгляды относят к объективному идеализму), сохраняют свой потенциал и способны на данном этапе объяснить «непостижимую эффективность математики в естественных науках».

Нужно отметить, что первым важнейшим фактором, подтолкнувшим к математизации естествознания - стало создание операционного аппарата, позволившего осуществить математизацию, а именно создание Ф. Виетом (1591) буквенной символики в алгебре, что позволило записывать в сжатой и удобной форме алгебраическое выражение, включающее в себя неизвестные величины и произвольные коэффициенты. В результате «многих поправок и изменений (Декарт, Ньютон, Лейбниц, позднее Эйлер и др.) ... возобладали новые представления функциональной зависимости – представление с помощью формулы» [7, С. 296-297].

В методологическом плане значительный шаг к математизации естествознания был сделан Галилео Галилеем (1564-1642). В чем суть его методологических новаций?

Нормы научного дискурса в те времена задавали труды Аристотеля. Согласно традиции, для выявления характеристик движения требовалось выяснить и объяснить, почему происходит движение. Вся эта процедура и сейчас выглядит вполне логичной.

Уже в работах Г. Галилея можно наблюдать введение математики в естествознание. Так, П. П. Гайдено в главе «Изгнание целевой причины как предпосылка математизации физики» поднимает вопрос о введении Галилеем математики в физику. Автор, ссылаясь на тексты Галилея, констатирует описания опытов, в которых сам Галилей обращает внимание на важность точных математических данных [8, С. 62-70].

Влияние Г. Галилея на математизацию естествознания этим не ограничивается. Гениальный мыслитель в своей работе «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки» (1638) вкладывает в уста одного из участников диалога (Сальвиати)² такие слова: «Мне думается, что сейчас неподходящее время для занятий вопросом о причинах ускорения в естественном движении... Сейчас для нашего Автора (исследователя. – Н. С.) будет достаточно, если мы рассмотрим, как он исследует и излагает свойства ускоренного движения (какова бы ни была причина ускорения)» [9, С. 243-244]. Обратим внимание: здесь мы можем наблюдать отход от традиции философского дискурса – отказ от выявления причин движения и акцентирование внимания на важности точных математических расчетов. Оценивая значимость нововведений, можно говорить о том, что Г. Галилей выводит методологическую установку: описать явления количественно, независимо от выяснения первопричин наблюдаемых явлений.

Введение математики в естествознание оказалось глубокой и плодотворной идеей в методологии науки, несмотря на то что данный подход далеко не очевиден (достаточно странно, особенно для современников Галилея, отложить в сторону исследования поиска причин и начать прилагать усилия в области оформления знания на языке математики).

В сущности, закон всемирного тяготения И. Ньютона (1643-1727) выполнен в точности в соответствии с принципом Галилео Галилея. Закон дает возможность количественно определить силу притяжения, но не объясняет причину явления.

Закон всемирного тяготения формулируется следующим образом:

$$F = G \frac{m_1 m_2}{r^2}. \text{Сила гравитационного притяжения между двумя материальными}$$

точками массы, разделёнными расстоянием, пропорциональна обеим массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Гравитационная постоянная равна $6,67408(31) \cdot 10^{-11} \text{ м}^3/(\text{кг} \cdot \text{с}^2)$.

Есть только формула, устанавливающая значение количественных данных, при вычислении силы, но ничего не говорится о причинах возникновения силы. Более того, исследователей поставило в тупик необъяснимое дальное действие: непонятно как сила притяжения передавалась через совершенно пустое пространство, причём

---

²Сальвиати, Сагрето – эти персонажи носят имена умерших друзей Галилео, персонаж Симпличио (последователь Аристотеля) – по-итальянски означает «простака».

бесконечно быстро. Можно возразить, что обоснованностью закона Ньютона выступает наш опыт и наблюдения. Однако с последними вполне согласуются теоретические убеждения Аристотеля: все тела падают, потому что стремятся к естественному месту, а Земля является центром мироздания. Вывести формулу для количественных вычислений, назвать это «законом притяжения» и ничего не сказать о причинах явления – это точное следование принципу Галилея, в какой-то степени противоречащее здравому смыслу.

Результатом методологической реформы явилось «усекновение» причин (отказ от целевой и формальной причины; в отдельных случаях формальная причина была соединена с материальной) и введение принципа математизации, до сих пор занимающего ведущее место в науке.

Выясним корни происхождения данного принципа. Важнейшим из них можно считать убеждение Галилея о том, что книга природы создана на языке математики. В сочинении «Пробирных дел мастер» (1623) он утверждает: «Философия природы написана в величайшей книге (я имею в виду Вселенную), которая постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто сначала научится постигать ее язык и толковать знаки, которыми она написана. Написана же она на языке математики, и знаки ее – треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без которых человек не смог бы понять в ней ни единого слова; без них он был бы обречен блуждать в потемках по лабиринту» [10, С. 41].

Получить совершенно точный ответ на вопрос о том, почему Г. Галилей приходит к этому убеждению, трудно. Формирование идей в ту или иную эпоху – долгий сложный и не всегда прослеживаемый процесс. Истоки автор видит в древнегреческой традиции, состоящей из идей Пифагорейской школы, философского наследия Платона, открытия дедуктивного метода в геометрии и прочего. Опора на эту традицию позволила неоплатонику Проклу в «Комментарии к первой книге “Начал” Евклида» (450 г. н. э.) написать: «От сущности математических видов мы поднимемся к единой науке о них... Поэтому она произвела от себя механику в целом, оптику, катоптрику и многие другие теории» (Глава 7 «Устройство общей математики») [11, с. 45].

По нашему мнению, следующим фактором, повлиявшим на убеждения Галилея, были онтоэпистемические воззрения средневековья, согласно которым Природа, наряду с Библией, – это великая Книга Бога, подлежащая особому рода чтению. Очевидно, что истоки этих воззрений содержатся в концептуальных идеях христианства. «Следуя необсуждаемому “в начале было Слово” схоластика стремится раскрыть реальность, лежащую за языковыми категориями, но отнюдь не описать мир словами... Чтобы постичь таинства эманации нужно идти от слов, а не от мира, нужно понять вещи как знаки» [12, С. 87]. «Раскрыть тайну и смысл бытия вещи значило раскрыть как индекс икону и символ. Вещь, действительно, вещала, нужно было суметь услышать речь бытия, прочесть книгу природы, расшифровать означенное» [12, С. 91].

К началу Нового времени эти представления сформировались в виде достаточно ясной позиции. «В энциклопедичности естественной истории наиболее явственно заявляла о себе одна из ключевых мировоззренческих презумпций той эпохи –

уверенность, что мир создан для человека и потому может быть прочитан как единая Книга Бога, в которой нет ничего навсегда сокрытого от людей» [13, С. 183]. Эта позиция получила выражение в следующей направленности, благодаря применению которой «Ренессансное естествознание развивалось в направлении от книг о природе к самой Книге Природы» [13, С. 186].

Возникает вопрос: почему Книга Природы в конце концов оказалась написанной именно на языке математики, так как попыток расшифровать мир было много, (например, в рамках проекта отыскания языка Адама [14, с. 96-99]).

Мы полагаем, что решающую роль сыграло возрождение в те времена интереса к идее универсальной математики (*mathesis universalis*). «Название «*mathesis universalis*» употреблял бельгийский математик Адриан ван Ромен (1561–1615). В седьмой главе его сочинения «*Apologiapro Archimede*» (1597) [15, С. 200] «излагается идея некоей всеобщей математики (*universalis matheoses*), которую мы назовем первой математикой» [Цит. по: 16, С. 625].

Авторы примечаний к работе Декарта «Правила для руководства ума» указывают, что интерес к идее универсальной математики «возродился лишь в XVI веке, что не в последнюю очередь было связано с изданием в 1533 году греческого текста «Комментария» Прокла, а затем и его латинского перевода в 1560 году. Ученые XVI-нач. XVII в., занимавшиеся проблемами метаматематики (А. Пикколомини, К. Дасиподий, Б. Перейра, И. Г. Альштед и др.), так или иначе учитывали частые высказывания Прокла о «единой и всеобщей математике, заключающей в себе более простым образом начала всех отдельных наук» [16, с. 625].

О степени популярности идеи всеобщей математики можно судить и по отрывку из работы Декарта «Правила для руководства ума» (1628). В Правиле IV («Для разыскания истины вещей необходим метод») Картезий, обосновывая необходимость метода, с увлеченностью человека, надеющегося отыскать потерянный клад, пишет: «Первые создатели философии ... знали некую математику, весьма отличную от общепринятой математики нашего времени. ... Я поверил бы тому, что ее в последствии утаили с неким опасным коварством сами авторы... Астрономия, музыка, оптика, механика и многие другие (науки) называются частями математики... К математике относятся все те вещи, в которых исследуется какой-то порядок или мера, и неважно в числах ли, или фигурах, или звездах, или звуках, в любом ли другом предмете придется отыскивать такую меру; а потому должна существовать некая общая наука... и эта наука должна называться... сделавшимся старым, но вновь вошедшим в употребление именем всеобщей математики» [16, С. 89-90].

Как показала история развития математики XX века, сама идея *mathesis universalis* оказалась неосуществимой (не удалось построить единую непротиворечивую математику на едином фундаменте). Последнему аспекту посвящено очень много работ в области философии математики, раскрывающих ситуацию, сложившуюся в первой половине XX века. В первую очередь, это связано с программами формализма, логицизма и интуиционизма. Например, достаточно полно эта проблема изложена в [17;18].

Идеи *mathesis universalis* сохранили свое содержание в платонистских взглядах на математику³, широко популярных в начале XX века. Приверженцами платонизма были многие ведущие математики (К. Гедель, Г. Фреге, Т. Харди и др.)⁴ Суть этих представлений удачно выражает следующее признание Ш. Эрмита: «Я полагаю, что числа и функции Анализа не являются произвольным сознанием нашего ума; я думаю, что они существуют вне нас с такой же необходимостью, как и предметы объективной реальности, и мы их встречаем или открываем и изучаем их так же, как физики, химики, зоологи» [19, С. 317]. Вот мнение членов группы Н. Бурбаки, внесших существенный вклад в развитие формализма математики: «Каковы бы ни были философские оттенки, в которые понятие математических объектов окрашивалось у того или иного математика или философа, имеется по крайней мере один пункт, в котором они единодушны: это то, что эти объекты нам даны и не в нашей власти приписывать им произвольные свойства так же, как физик не может изменить какое-либо природное явление. Правду сказать, составной частью этих воззрений, несомненно, являются реакции психологического порядка, в которые нам не следует углубляться, но которые хорошо знакомы каждому математику, когда он впустую тратит силы, стараясь поймать доказательство, беспрестанно, как ему кажется, ускользающее» [19, С. 317]. Последнее, действительно, хорошо знакомо любому работающему современному математику и, как верно подметили Н. Бурбаки, – это реакции психологического порядка.

Исходя из платоновских взглядов, можно объяснить эффективность математики следующим образом. Объекты математики существуют в некотором мире, люди в состоянии проникать в эту надчувственную реальность и тем самым совершать открытия. Эти убеждения позволяют считать, что открытые таким образом объекты являются единственно верными и обязательно должны быть согласованы с законами физического мира.

В XXI веке большинство исследователей, занимающихся философией математики, придерживаются мнения, что математика – продукт культуры. Заслуженный деятель науки РФ В. А. Бажанов, проводя анализ взглядов исследователей на современном этапе, в той или иной мере отстаивающих позиции платонизма⁵, приходит к выводу: «В указанном смысле математики радикально

---

³Платон в диалоге «Менон» утверждал, что математические конструкции не зависят от опыта и даже предшествуют ему. Термин «платонизм» впервые применил П. Бернайс. В философии и в философии математики этот термин имеет различные значения. Автор статьи Бажанов В. А. [1] традиционный платонизм сравнивает с сильной версией реализма (в контексте средневекового спора о реализме и номинализме).

⁴Например, см. [1, с. 53].

⁵«В рамках **нетрадиционного реализма** (платонизма) принято различать версии П. Мэдди, в которой логико-математические объекты наделяются пространственно-временными характеристиками, «структуралистскую» (М. Резник и С. Шапиро), а также так называемый «полнокровный» реализм (М. Балагуэр и Э. Залта). Согласно варианту П. Мэдди логико-математические объекты являются абстрактными образованиями нефизической и нементальной природы, но существующими в пространстве и времени, как и множества (обычных) физических предметов [1, с. 56]».

отличаются от физиков, среди которых платоников фактически не встречается. Причина здесь достаточно очевидна: физики рассматривают математику именно как язык, помогающий анализировать конкретные физические объекты и их свойства, а не интерпретировать его как конечную реальность»[1, С. 56].

Если рассматривать математику (в противовес платоновским взглядам) как некий искусственный язык, широко применяемый в естественных науках, то его несомненным преимуществом является отсутствие(или, точнее, стремление к отсутствию) коннотативных определений (подробно смотри в [20]). Эту характеристику обозначают как «точность языка математики». Однако это можно назвать только преимуществом, полностью без дополнительных философских концептуальных построений типа платонизма, «непостижимую эффективность в естественных науках» объяснить не удается.

Автор приходит к выводу, что основанием для математизации естествознания выступили следующие факторы:

- особенности герменевтической традиции, берущей начало в Средние века;
- выход в свет переиздания «Комментариев» Прокла к «Началам» Евклида - популяризации идеи *mathesis universalis*;
- точность языка математики,
- создание буквенной символики в алгебре.

Последние два фактора, хотя являются значимыми, но они недостаточны для обоснования «эффективности математики в естественных науках». «Чудесный союз» математики и естественных наук еще требует своего обоснования, а идеи платонизма сохраняют свой потенциал.

Список литературы

1. Бажанов В. А. Разновидности и противостояние реализма и антиреализма в философии математики. Возможна ли третья линия? // Вопросы философии. – №5. – 2014. – С. 52-63.
2. Вигнер Ю. Этюды о симметрии. /Пер. с англ. Ю. А. Данилова. /Под ред. Я. А. Смородинского. – М.: Мир, 1971. – 320 с.
3. Вопенка П. Математика в альтернативной теории множеств. / Пер. с англ. А. Г. Драгилина. – М.: Мир, 1983. – 150 с.
4. Прилепский Д. Ю. Математические уловки в физических теориях и их влияние на научную картину мира //Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов III научной конференции. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2020. –272 с.
5. Международный конгресс математиков в Беркли, 1986: Обзор. доклады. / Пер. с нем. и англ. В. М. Тихомирова. – М.: Мир, 1991. – 454с.
6. Грин Б. Элегантная Вселенная: суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. /Под ред. В. О. Малышенко. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 288с.
7. Даан-Дальмедико А., Пейффер Ж. Пути и лабиринты. Очерки по истории математики. / Пер. с франц. – М.: Мир, 1986. – 432 с.
8. Философско-религиозные истоки науки/П. П. Гайденко, В. П. Визгин, В. Я. Катасонов [и др.]. /Под ред. П. П. Гайденко. – М.: Мартис, 1997. – 319 с.
9. Галилей Г. Избранные труды в двух томах. – М.: Наука, 1964. – Т. 2. – 575 с.
10. Галилей Г. Пробирных дел мастер. / Пер. Ю. А. Данилова. – М.: Наука, 1987. – 272 с.
11. Прокл. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение. (Греческий и русский тексты). 1994. – 224 с. (перевод А. И. Щетникова). – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – 368 с.

12. Шоркин А. Д. Схемы универсумов в истории культуры: Опыт структурной культурологии. – Симферополь, 1996. – 216 с.
13. Карабыков А. В. Как читали Книгу Природы в начале Нового времени (к проблеме фантастического в естественной истории XVI – 1-ой пол. XVII вв.) // Вопросы философии. – 2017. – № 8. – С. 180 – 191.
14. Карабыков А. В. «И нарѣк человек имена...»: стратегии воссоздания адамического языка в культуре Ренессанса // Человек. – 2014. – № 5. – С. 114 – 131.
15. Grapulli G. *Mathesis Universalis: Genesidi un'idea nel XVI Secolo*. Roma, 1969.
16. Декарт Р. Сочинения в двух томах. / Перевод, сост., ред. вступ. стат. В. В. Соколова. Прим. М. А. Гарнцева, В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
17. Клайн М. Математика. Утрата определенности. / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Мир, 1984. – 446 с.
18. Мадер В. В. Введение в методологию математики: (Гносеологический, методологический и мировоззренческий аспекты математики. Математика и теория познания). – М.: Интерпракс, 1994. – 447 с.
19. Бурбаки Н. Теория множеств. – М.: Наука, 1965. – 455с.
20. Сафонова Н. В., Фордук К. В. О возможной методологической связи математики и лингвистики // Конвергентные технологии XXI века: вариативность комбинаторика, коммуникация. Материалы II Международной междисциплинарной научной конференции. – 2018. – С. 182-186.

Safonova N. V. The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences in the Context of the Ideas of Platonism // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 32–41.

Annotation. The emergence of intuitionism in the philosophy of mathematics at the beginning of XX century was the first alarming signal that mathematics had lost its empirical base. This caused a lot of discussions in the formation of science itself, and as a result should lead to the problem of substantiating the interaction of mathematics and natural sciences. The question posed by Nobel Prize winner E. Wigner about the "unreasonable effectiveness of mathematics in the natural sciences" gets a new significance, since the interaction with the science that has lost its empirical base can lead to development anomalies.

The author looks for the roots of the answer to the question of "unreasonable effectiveness" in the factors that played a role in the formation of mathematization of the natural sciences, and further assesses the significance of each one at the current stage.

It was defined that the essential role had been played by the following factors:

- creation of the alphabetic symbolics by F. Viète in algebra as the operational system without which it would hardly have been possible to implement Galileo Galilei's purpose;
- the accuracy of the language of mathematics – a characteristic that was a priority in comparison with other languages;
- in peculiarities of the hermeneutical tradition originating in the Middle Ages when «the thing was speaking» and it was possible to decipher the world through the symbols;
- in the release of the reprinting of Proclus «A commentary on the first book of Euclid's elements» (1533) - promotion of the idea of *mathesis universalis*.

Considering the significance of factors at the present stage, the author concludes that the *mathesis universalis* project has retained its potential in Platonic views on the nature of mathematics. Given the obvious fact that mathematics is a product of culture, at present the ideas of Platonism (of Realism in mathematics) are rapidly losing their popularity [1], therefore, at this stage they cannot substantiate the effectiveness of mathematics in natural science. The identified factors of accuracy of the language of mathematics and the presence of developed mathematical models (as an operating apparatus) continue to be significant for the union of mathematics and natural science, but insufficient to justify "unreasonable effectiveness in the natural sciences". Summing up, one can conclude that the ideas of Platonism continue to play a much larger role in mathematics than it may seem at first glance.

Keywords: methodological principles, the hermeneutical tradition, Galileo Galilei, *mathesis universalis*, platonism (realism in the philosophy mathematics).

References

1. Bazhanov V. A. Raznovidnosti i protivostoyanie realizma i antirealizma v filosofii matematiki. Vozmozhna li tret'ya liniya? [Variety and Opposition of Realism and Anti-Realism in the Philosophy of Mathematics]. Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy], 2014, no.5, pp. 52-63.
2. Vigner Yu. Etyudy i simmetrii. [Etudes and Symmetry]. Moscow, Mir Publ., 1971. 320 p.
3. Vopenka P. Matematika v al'ternativnoj teorii mnozhestv [Mathematics in the Alternativt Set Theory]. Moscow, Mir Publ., 1983. 150 p.
4. Prilepskiy D. YU. Matematicheskie ulovki v fizicheskikh teoriyakh i ih vliyanie na nauchnyu kartinu mira [Mathematical Tricks in Physical Theories and Their Influence on the Scientific Picture of the World]. Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy: sbornik materialov III nauchnoi konferentsii. [Practical Philosophy: State and Prospects: Collection of the Materials of II Scientific Conference. Part I.], Simferopol': IT ARIAL Publ., 2020. 272 p.
5. Mezhdunarodnyi congress matematikov v Berkli, 1986: Obzor. doklady. [The international Congress of Mathematicians in Berkeley, 1986: Review. Reports.], Moscow, Mir Publ., 1991. 454 p.
6. Grin B. Elegantnaya Vselennaya: superstruny, skrytye razmernosti i poiski okonchatel'noi teorii. [The Elegant Universe: Superstrings, Hidden Dimensions and the Quest for the Ultimate Theory]. Moscow, URSS Publ.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2017. 288 p.
7. Daan-Dal'mediko A., Peiffer Zh. Puti i labirynty. Ocherki po istorii matematiki. [Daan-Dalmedico A., Peiffer J. Ways and Labyrinths. Sketches on Mathematics History]. Moscow, Mir Publ., 1986. 432 p.
8. Filosofsko-religioznye istoki nauki [Philosophical Religious Background of Science], Moscow, Martis Publ., 1997. 319 p.
9. Galilei G. Izbrannye trudy v dvukh tomakh. [The Collected Works in Two Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1964. Vol. 2. 575 p.
10. Galilei G. Probirnykh del master. [The Assayer]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 272 p.
11. Proklus. Kommentarii k pervoiknige «Nachal» Evklida. Vvedenie. (Grecheskii i russkii teksty). [A commentary on the First Book of Euclid's Elements. Introduction. (Greek and Russian Texts)]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2013. 368 p.
12. Shorkin A. D. Skhemy universumov v istorii kul'tury: Opyt strukturnoi kul'turologii. [The Schemes of Universes in the History of Culture. The Experience of the Structural Culture Science]. Simferopol' Publ., 1996. 216 p.
13. Karabykov A. V. Kak chitali Knigu Prirody v nachale Novogo vremeni (k probleme fantasticheskogo v estestvennoi istorii XVI – 1-oi pol. XVII vv.) [How Did They Read the Book of Nature in the Beginning of Modern Era (on the Problem of the Fantastic in the Natural History of the 16th – first half of 17th Cc)]. Voprosy filosofii. 2017. Vol. 8. pp. 180 – 191.
14. Karabykov A. V. «I narek chelovek imena...»: strategii vossozdaniya adamicheskogo yazyka v kul'ture Renessansa [“So the man gave names”: the strategies of reconstitution of the Adamic language in Renaissance culture]. Chelovek. [Human]. 2014. Vol. 5. pp. 114–131.
15. Grapulli G. Mathesis Universalis: Genesidi un'idea nel XVI. Secolo. Roma, 1969.
16. Dekart R. Sochineniya v dvukh tomakh. [Works in Two Volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. Vol. 1. 654 p.
17. Klain M. Matematiks. The Loss of Certainty. Moscow, Mir Publ., 1984. 446 p.
18. Mader V. V. Vvedenie v metodologiyu matematiki: (Gnoseologicheskii, metodologicheskii i mirovozzrencheskii aspekty matematiki. Matematika i teoriya poznaniya). [Introduction to Mathematics Methodology: (Gnoseological, Methodological and Worldview Aspects of Mathematics. Mathematics and Theory of Cognition)]. Moscow, Interpraks Publ., 1994. 447 p.
19. Bourbaki N. Teoriya mnozhestv [Theory of Sets]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 455 p.
20. Safonova N. V., Forduk K. V. O vozmozhnoi metodologicheskoi svyazi matematiki i lingvistiki [About Possible Methodological Communication of Mathematics and Linguistics]. Konvergentnye tekhnologii XXI veka: variativnost' kombinatorika, kommunikatsiya. Materialy II Mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii. [Convergent Technologies of XXI Century: Variability, Combination Theory, Communication. The Materials of the II International Cross-Disciplinary Scientific Conference], 2018. pp. 182-186.

УДК 117

О ВОЗМОЖНОСТИ НЕДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АБСОЛЮТНОГО НЕБЫТИЯ

Свергузов А.Т.

*Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань,
Российская Федерация*

Email: atsverguzov@mail.ru

Физика ставит вопрос о происхождении Вселенной из ничего. Это непосредственным образом делает актуальной философскую интерпретацию этого вопроса. Философия предлагает разные способы решения проблемы происхождения бытия. Специфические способы демонстрирует так называемая «философия небытия». В онтологии «философии небытия» абсолютное небытие является субстанцией. При этом можно выделить разные варианты решения проблемы происхождения бытия из небытия. Здесь анализируется возможность недиалектического понимания абсолютного небытия. Обосновывается наличие неразрешимого противоречия между идеей субстанциональности абсолютного небытия и идеей порождения бытия абсолютным небытием. Делается вывод о том, что недиалектическая концепция абсолютного небытия не может иметь завершеного рационального обоснования. Подчеркивается, что идея субстанциональности абсолютного небытия является иррациональной и не может быть адекватной философской идеей для физических теорий.

Ключевые слова: онтология, философия небытия, субстанция, бытие, небытие, абсолютное небытие.

Современная физика подошла непосредственно к обсуждению вопроса о происхождении Вселенной из ничего. Среди представителей научного сообщества распространено убеждение, что Вселенная возникла из ничего, и физические теории якобы это подтверждают. Это непосредственным образом делает актуальной философскую интерпретацию вопроса. Сама философия предлагает разные способы решения проблемы происхождения бытия, но общепринятого решения нет.

Многие философы опираются на утверждения тех физиков, которые считают, что Вселенная действительно возникла из ничего. Однако, это некорректно, так как подобные утверждения, по нашему мнению, не имеют прямых физических доказательств. Мы, в свою очередь, стоим на позициях диалектического материализма и предлагаем другую интерпретацию проблемы. Собственное концептуальное отношение по проблеме небытия мы уже выражали [1]. Здесь же хотелось обратить более пристальное внимание на проблему небытия в рамках одного из альтернативных для диалектического материализма подходов, а именно так называемой «философии небытия». Точнее, на центральный аспект проблемы – вопрос происхождения бытия из небытия, лежащий в основе онтологии «философии небытия».

Позиция «философии небытия» может показаться спекулятивной, но, по нашему мнению, в философии имеет право на существование. В этом подходе, как видно из названия, субстанцией является абсолютное небытие. Одни из современных вариантов концепции «философии небытия» предложены в работах Н. М. Солодухо и Р. А. Нуруллина. Если у Н. М. Солодухо бытие есть процесс превращения «ничто-форм» в «нечто-формы» и обратно, то у Р. А. Нуруллина бытие является продуктом процесса материализации и дематериализации информации. При этом трактовки абсолютного небытия Н. М. Солодухо и Р. А. Нуруллиным являются, на наш взгляд, внутри подхода противоположными. Если Н. М. Солодухо старается опереться на диалектическую методологию, то позиция Р. А. Нуруллина ситуативна, но в целом опирается на антидиалектическую методологию.

В данной работе акцент делается на варианте онтологии, предлагаемой Р. А. Нуруллиным. У него концепция небытия также рациональна, как и у Н. М. Солодухо, но принципиальным образом отличается в понимании сущности абсолютного небытия. Во-первых, Р. А. Нуруллин считает, что абсолютное небытие («ничто» в его терминологии) не может породить бытие, так как из ничего не может возникнуть нечто. Это известный тезис, с рациональностью которого мы согласны. Согласны и с логичностью следующего тезиса. Во-вторых, абсолютное небытие никаким содержанием не обладает. «Ничто не может претендовать на роль сущности бытия, так как из ничто ничего возникнуть не может, так как ничто, по нашему определению, не может обладать никаким качеством...» [2, с. 202]. У Р. А. Нуруллина абсолютное небытие содержанием не обладает, поэтому непосредственно бытие не порождает, но при этом существует. Это означает, по нашему мнению, что его теория небытия не может дать законченного рационального решения проблемы порождения бытия небытием. Обратим также внимание на то, что такая трактовка абсолютного небытия не подпадает под определение категории «субстанция», имеющей нетривиальное содержание и наделяющее таковым абсолютное небытие.

Специфическое решение проблемы возникновения бытия у Р. А. Нуруллина сводится к механизму взаимодействия двух уровней существования – виртуального и реального. Конкретная логика такова: бытие есть продукт небытия, которое, в свою очередь, не является продуктом абсолютного небытия, а просто существует в нем. Под небытием здесь понимается относительное небытие. «Небытие в отличие от ничто предполагает потенциальное существование вещей, явлений бытия...» [3, с. 19]. Отношение между бытием и небытием подчиняется алгоритму виртуального отношения: небытие является виртуальным уровнем бытия.

В отличие от Н. М. Солодухо в основу своей методологии Р. А. Нуруллин положил не диалектику взаимодействия бытия и небытия, а некоторым образом абстрактное формальное отношение между ними. Категории бытия и небытия у него являются предельными понятиями, которые нельзя определить диалектически, то есть друг относительно друга. «Понятия "ничто", "небытие", "бытие", "инобытие" относятся к предельно широким определениям. Предельно широкие определения обладают, по своей сути, минимальным информационным содержанием. Узость содержания делает эти понятия скорее не диалектическими, а

приближает их по смыслу к формально-логическим конструкциям...»[2, с. 198]. В целом, на наш взгляд, концепция Р. А. Нуруллина содержательна. Своей конкретной задачей он считает «предложить метафизическую модель Небытия в качестве виртуального основания реального бытия, позволяющую представить отношение "Небытие-бытие" в качестве саморазвивающейся системы»[3, с. 7].

По нашему мнению, теория Р. А. Нуруллина является характерным примером мировоззрения, согласно которому конкретные науки должны взять на себя функции философии. В частности, категориальный аппарат конкретных наук должен взять на себя функции философских категорий. Для Р. А. Нуруллина характерна не столько философская, сколько естественнонаучная логика. Его концепцию в развернутом виде нельзя описать без понятий и представлений конкретных наук. Для наглядности схематично продемонстрируем эту логику характерными утверждениями. «В начало мира в качестве реального небытия закладывается матрица памяти исходя из следующих положений. Матрица есть носитель информации»[2, с. 22]. «...В основе мира лежит множество виртуальных "ноль-точек", но в отличие от монад Лейбница они исходно принадлежат гомогенному (в реальном аспекте бытия) множеству, состоящему из множества одинаковых единиц матрицы» [2, с. 154-155]. «...Информация носит активный характер и необходима для управления материей. Такой подход позволяет определить информацию как сохраняющийся алгоритм... для достижения определенной цели, а именно для материального самокопирования и создания версий на будущее» [2, с. 128]. «Исчезновение точки на уровне небытия равносильно возникновению общего Начала времени процессов реального бытия в качестве Метагалактики»[2, с. 116]. «...Сущностью реального небытия выступает его способность быть хранилищем информации в памяти матрицы о движении процессов бытия»[2, с. 117]. И так далее. Правильнее, по нашему мнению, здесь говорить о Вселенной, так как Метагалактика – это видимая часть Вселенной. Таким образом, философский тезис «небытие порождает бытие» в терминологии Р. А. Нуруллина расшифровывается как: матрица памяти порождает Вселенную (одна точка матрицы памяти порождает одну Вселенную). Материя («матрица памяти») является пассивным носителем активной информации (содержание матрицы памяти), а конкретная вещь бытия – единством материи и информации. «Реальность – это мир вещей. Вещь, в свою очередь, представляет собой единство двух уровней несуществования как вещей – материи (в нашем случае матрицы) и бытия сущностей-форм (информационного содержания матрицы памяти)» [3, с. 21]. Информационный мир, с точки зрения Р. А. Нуруллина, должен быть логически непротиворечивым. «Для вещей бытия, в том числе и для бытия человека, под действительным понимается мыслимый, идеальный (логически непротиворечивый) мир. В собственном пространстве мир действительного выступает как реальный, но относительно реального бытия действительное бытие есть возможный, виртуальный, информационный мир»[2, с. 273].

Р. А. Нуруллин, что для нас важно, стремится дать естественно-научное обоснование своей концепции. При этом характерной чертой предлагаемой им картины мира, как мы упоминали, является симбиоз философских и естественно-

научных представлений с методологическим влиянием последних. Философские принципы и понятия встраиваются в естественно-научную картину мира. Физические понятия подменяют философские, выполняя их функции. В итоге, с нашей точки зрения, в подходе Р. А. Нуруллина наблюдается попытка поднять физическую картину мира до философского уровня, а философские представления подчинить естественнонаучным представлениям о действительности. Например: «Таким образом, понятия "материя", "точки-нули", "эфир", по сути, оказываются понятиями, претендующими на тождественность»[4, с. 69]. В этот список можно добавить еще «матрицу памяти»: «Можно сказать даже более категорично, что в реальной действительности не существует и самой материи, она в качестве реальности может быть только небытием. Реальное небытие представлено матрицей памяти...»[2, с. 387]. Получается, что у Р. А. Нуруллина в категории материи объединяются два значения – философское и конкретно-научное.

Если вернуться к понятию абсолютного небытия, то, с нашей точки зрения, имеется неразрешимое противоречие в утверждении «абсолютное небытие существует». Это противоречие предлагается решить следующим образом. Для Р. А. Нуруллина, как и для Н. М. Солодухо, логика бытия есть логика существования, а логика небытия есть логика отсутствия, несуществования. Но есть принципиальное отличие. Для Н. М. Солодухо абсолютное небытие существует на другом уровне в виде «ничто-форм». А для Р. А. Нуруллина абсолютное небытие («ничто») не существует в прямом смысле слова. «По нашему мнению, единственно бытийной формой проявления Ничто является отсутствие»[3, с. 23]. На следующем уровне существует относительное небытие как логика потенциального существования. «В нашем представлении это бытийное отсутствие есть небытийная матрица памяти, которая в качестве исходного пространства выступает возможностью для процессов и вещей бытия»[3, с. 23].

Чтобы глубже понять, что такое абсолютное небытие Р. А. Нуруллина, конкретизируем механизм перехода абсолютного небытия (ничто) в бытие. Для него между ничто и бытием находится небытие (по сути, виртуальный уровень бытия). Ничто есть пространство («тривиальная пустота») для процессов небытия. Небытие, в свою очередь, есть пространство («реальная пустота») для процессов бытия. «В качестве противоположных элементов предлагается рассматривать свойство реальной пустоты как интегральный результат синтеза собственно пустоты тривиальной (ничто) и реальной пустоты, то есть небытия»[2, с. 203]. При этом сущность бытия определяется не ничто, а небытием: «...ничто как бы вне любой определенности как бытия, так и небытия» [2, с. 197]. Абсолютное небытие не порождает бытие, а лишь выполняет функцию абсолютного и пустого пространства (фона, сцены) для процессов взаимодействия относительного небытия (виртуального бытия) и бытия. Виртуальный уровень бытия представляет собой матрицу памяти (материю), содержанием которой является информация. Матрица состоит из бесконечного множества материальных единиц ("ноль-точек"), связанных алгоритмом (информацией). «Ничто», таким образом, является по-настоящему пустым пространством между единицами. «Ничто возникает как разделяющее пространство между единицами небытия. Если небытие составлено из

единиц с бесконечным информационным содержанием..., то ничто – это своеобразная "пустота в пустоте"[2, с. 162].

Переводя на традиционный язык, получаем, что абсолютное небытие (ничто) – это абсолютное пространство (пустота), на фоне которого происходит взаимодействие двух уровней бытия – виртуального (небытия) и реального. Виртуальное бытие, в свою очередь, играет роль абсолютного пространства для реального бытия.

Далее. Единицы информации матрицы памяти имеют философское и физическое измерение. Физически они проявляются в реальном бытии в виде виртуальных частиц. Спонтанное возбуждение единицы информации сопровождается ее исчезновением из виртуального уровня бытия и превращением в реальный уровень бытия (Вселенную). Р. А. Нуруллин также интерпретирует информационное содержание как некую сферу законов бытия. Он говорит «...о необходимости задания некоторого "нулевого" уровня бытия: "снизу" от которого распространялось бы реальное бытие вещей, а "сверху" – мнимое (мыслимое, неоощаемое) бытие необходимых законов» [5, с. 118].

Основным отношением логики Р. А. Нуруллина, «кирпичиком» мироздания является отношение двух уровней бытия – реального и виртуального. Виртуальный уровень порождает реальный уровень бытия. Теоретически, согласно Р. А. Нуруллину, мир в целом может состоять из множества уровней бытия, связанных между собой отношением реальный-виртуальный. Виртуальный уровень может считаться реальным по отношению к нижележащему, виртуальному для него уровню. Любой нижележащий уровень бытия по отношению к данному уровню бытия может считаться небытием, так как не взаимодействует с ним (не существует для него). В свою очередь, данный уровень бытия может считаться небытием (виртуальным уровнем бытия) для порожденного им уровня бытия.

Следует упомянуть, что концепции на основе идеи виртуальной реальности придерживаются многие исследователи. Кратко ее общий смысл. Виртуальные реальности автономны в своем существовании, виртуальны по отношению друг к другу. Статусом реальности уровни обладают в собственной системе отсчета. Связь между уровнями бытия состоит в том, что порождающий уровень задает начальные условия существования последующему уровню и служит для него пространством, фоном существования. Например, согласно Н. А. Носову «в виртуальной реальности свое время и пространство и законы существования» [6, с. 33]. Согласно С. С. Хоружему «в виртуальном событии никакая сущность и никакой телос не достигают совершенной актуализации. И это значит, что для любого классического представления вся сфера виртуальности неотличима от чистого несуществования, является невидимой» [7, с. 54]. Н. А. Носов и С. С. Хоружий противопоставляют друг другу концепции виртуальности и субстанциональности. По их мнению, концепция субстанциональности постулирует существование одной реальности. А концепция виртуальности предполагает множественность реальностей.

Р. А. Нуруллин, ориентирующейся на естественнонаучное знание, должен опираться на данные современной науки. Тем более, что строение материи является непосредственным предметом изучения фундаментальной физики. Однако,

Р. А. Нуруллин принципиально не употребляет понятие «вакуум». Зато он активно использует утратившее фундаментальное значение в физике понятие «эфир», являющееся одним из основных понятий прежней, классической физики.

Космический вакуум в современной физической картине мира считается «прародителем» мира. Напомним, что традиционно вместе с вакуумом выделяют три вида материи. «...Физический вакуум – это вид материи, который существует наряду с веществом и полем...» [8, с. 370]. Вещество образовано частицами имеющими массу покоя, поле – не имеющими. Р. А. Нуруллин же общими формами существования материи считает только вещество и поле [9, с. 333]. С одной стороны, для этого вроде бы имеется основание, потому что вакуум определяется как энергетическое состояние поля. «Вакуум в квантовой теории поля определяется как наименьшее энергетическое состояние квантованного поля, энергия которого равна нулю только в среднем» [10, с. 154]. Другой вариант. «В квантовой теории поля под физическим вакуумом понимают низшее энергетическое состояние физических полей, для которого характерно отсутствие каких-либо реальных частиц» [8, с. 370]. Р. А. Нуруллин в своем анализе здесь ситуативно опирается на диалектическую методологию, утверждая, что диалектика отношений вещества и поля является «выражением диалектики отношений бытия и небытия» [9, с. 333]. С нашей точки зрения, диалектика здесь действительно есть, но непосредственно диалектику бытия и небытия выражает отрицаемый Р. А. Нуруллиным вакуум. Дело в том, что реальные частицы вещества и поля, из которых состоит наша Вселенная, являются, с точки зрения квантовой физики, продуктом вакуума.

Отношение Р. А. Нуруллина к квантовой механике (центральному разделу современной физики) отрицательное. Он считает, что диалектических противоречий в физике быть не должно. «Квантовая механика, доказывая объективную неустранимость противоречий, возникающих при исследовании явлений микромира, одновременно устанавливает границы применимости понятий классической физики. На наш взгляд, это указывает на необходимость создания новой теории. По нашему глубокому убеждению наука не может мыслить на языке противоречий. Противоречия в науке возможны лишь как противоречия мышления самих ученых, делающих эту науку» [9, с. 346].

Такой подход находится в русле той философской логики, которая отрицает фундаментальность диалектических принципов. Таким образом, по нашему мнению, концепция Р. А. Нуруллина показательна как пример невозможности рациональной недиалектической концепции абсолютного небытия. Здесь возникает непреодолимый логический разрыв между существованием абсолютного небытия и существованием бытия.

В целом, имеет смысл выделить как отдельный класс любые по содержанию варианты «философии небытия», которые строятся на идее недиалектичности абсолютного небытия. Соответственно, к противоположному классу можно отнести те варианты, которые опираются на идею диалектичности абсолютного небытия.

Список литературы

1. Свергузов А. Т. Небытие как онтологическая категория диалектического материализма: монография / А. Т. Свергузов. – Казань: КНИТУ, 2016. – 104 с.
2. Нуруллин Р. А. Метафизика виртуальности: монография / Р. А. Нуруллин. - Казань: КНИТУ, 2009. - 544 с.
3. Нуруллин Р. А. Небытие как виртуальное основание бытия: автореферат дис... д-ра филос. наук / Р. А. Нуруллин. – Самара: СамГУ, 2006. – 30 с.
4. Нуруллин Р. А. Небытие и виртуальность / Р. А. Нуруллин // Проблема соотношения бытия и небытия. По материалам всероссийского семинара / под общ. ред. Н. М. Солодухо. – Казань: КГТнУ, 2004. – 140 с. - С.63-70.
5. Нуруллин Р. А. Метафизика "первичного пространства" / Р. А. Нуруллин // Современная онтология – IV: Проблемы метода: материалы международной научной конференции (28-30 июня 2010 г., Санкт-Петербург). – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2010. – Т.1. – 168 с. - С.117-119.
6. Носов Н. А. Виртуальная психология / Н. А. Носов. – М.: Аграф, 2000. -432 с.
7. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности / С. С. Хоружий // Вопросы философии. - 1997. - № 6. - С. 53-68.
8. Найдыш В. М. Концепции современного естествознания: учебник / В. М. Найдыш. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2007. – 704 с.
9. Нуруллин Р. А. Небытие как виртуальное основание бытия: дис... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Р. А. Нуруллин. – Казань: КГТЛУ, 2006. – 426 с.
10. Самыгин С. И. Концепции современного естествознания: экзаменационные ответы: учебное пособие / С. И. Самыгин [и др.]. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 320 с.

Svergzov A.T. About the Possibility of Nondialectic Concept of Absolute Non-being // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 42–49.

Physics raises the question of the origin of the universe from nothing. This directly makes the philosophical interpretation of this issue relevant. Philosophy offers different ways to solve the problem of the origin of being. The so-called "philosophy of non-being" demonstrates specific methods. In the ontology of the "philosophy of non-being", absolute non-being is a substance. At the same time, different options for solving the problem of the origin of being from non-being can be distinguished. Here the possibility of a non-dialectical understanding of absolute non-being is analyzed. The presence of an insoluble contradiction between the idea of substanceality of absolute non-being and the idea of generating being by absolute non-being is substantiated. The conclusion is made that the non-dialectical concept of absolute non-being cannot have a complete rational foundation. It is emphasized that the idea of substantiality of absolute nonexistence is irrational and cannot be an adequate philosophical idea for physical theories.

Keywords: ontology, philosophy of non-being, substance, being, non-being, absolute non-being.

References

1. Svergzov A. T. Nebytie kak ontologicheskaja kategorija dialekticheskogo materializma: monografija [Non-being as an Ontological Category of Dialectical Materialism: Monograph]. Kazan, KNITU, 2016, 104 p.
2. Nurullin R. A. Metafizika virtual'nosti: monografija [Metaphysics of Virtuality: Monograph]. Kazan, KNITU, 2009, 544 p.
3. Nurullin R. A. Nebytie kak virtual'noe osnovanie bytija [Non-being as a Virtual Basis of Being]. Extended abstract of doctor's thesis, Samara, SamGU, 2006, 30 p.
4. Nurullin R. A. Nebytie i virtual'nost' [Non-existence and Virtuality]. Problema sootnoshenija bytija i nebytija. Po materialam vsersosij'skogo seminaru / pod obshh. red. N. M. Solodukho [The Problem of the Relationship between Being and Non-being. Based on the Materials of the All-Russian Seminar / under Total. ed. N. M. Solodukho], Kazan, KGTnU, 2004, 140 p, pp. 63-70.

5. Nurullin R. A. Metafizika "pervichnogo prostranstva" [Metaphysics of "Primary Space"].Sovremennaja ontologija – IV: Problemy metoda: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (28-30 ijunja 2010 g., Sankt-Peterburg) [Modern Ontology - IV: Problems of the Method: Materials of the International Scientific Conference (June 28-30, 2010, St. Petersburg)], SPb., SPbGUITMO, 2010, Vol.1, 168 p, pp. 117-119.
6. Nosov N. A. Virtual'naja psihologija [Virtual Psychology].Moscow, Agraf, 2000, 432 p.
7. Horuzhij S. S. Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtual'nosti [Genus or Crop Failure? Notes on the Ontology of Virtuality].Voprosy filosofii [Philosophy Questions], 1997, № 6, pp. 53-68.
8. Najdysh V. M. Konceptii sovremennogo estestvoznaniya: uchebnik [Concepts of Modern Natural Science: Textbook].Moscow, Al'fa-M, INFRA-M, 2007, 704 p.
9. Nurullin R. A. Nebytie kak virtual'noe osnovanie bytija [Non-being as a Virtual Basis of Being].Extended abstract of doctor's thesis, Kazan, KGTIU, 2006, 426 p.
10. Samygin S. I. Konceptii sovremennogo estestvoznaniya: jekzamenacionnye otvety: uchebnoe posobie [Concepts of Modern Natural Science: Exam Answers: A Study Guide]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2001, 320 p.

УДК 740

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ: ОТ ЛЕКЦИИ К СТОРИТЕЛЛИНГУ

Яхновская Ю.С.

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: juliayakhnovskaya@gmail.com

Современный университет развивается в рамках массового образования. Все чаще образование определяется как рынок услуг, в котором залогом качественного образовательного продукта является конкуренция, а потребителем данного продукта – студент, интересы которого определяют как форму, так и содержание образовательного процесса. Поиск инновационных форм обучения определяет образ университета в современной культуре. Репрезентативным примером служит сторителлинг как специфическая коммуникативная практика, призванная заменить классический формат лекции, восходящий к традициям средневекового университета. Реконструкция средневековой образовательной традиции является отправной точкой в исследовании вопроса о коммуникативной специфике сторителлинга. Внутри схоластического дискурса выделяются две культуры чтения и работы с текстом. Личностное преобразование как идея образования наиболее отчетливо прослеживается в трудах Августина Блаженного. Другой подход к образованию, целям и средствам текстовой деятельности, предлагает Пьер Абеляр, выводя работу с текстом за пределы чтения для себя, в сферу публичного чтения. Феномен сторителлинга как педагогической технологии осмысливается с точки зрения проблемы согласования знания в форматах его личностной и общественной репрезентаций.

Ключевые слова: образование, книжная традиция, средневековый университет.

Цифровые технологии задают особый формат коммуникативной деятельности. В онлайн режиме коммуникации становится проблемой традиционное различие между устной и письменной речью, в регистрах которых прописаны прагматики личностного общения (адресация к Другому) и публичной речи (адресация ко Всем). В образовательной деятельности, которая является коммуникативной деятельностью в своей сущности, эта проблема особенно заметна в таком проявлении, как поиск новых форм коммуникативного поведения преподавателя, ориентированных на особенности массовой коммуникации.

Как сделать лекцию не скучным чтением/изложением, а захватывающим интерактивным действием, побуждающим к творческому освоению учебного материала? Ответ на подобный вопрос ясен в ситуации личностного общения – необходимо говорить на языке собеседника, соответствовать тому, что вызывает его интерес. Здесь чтение и восприятие лекции есть связанный процесс, основой взаимодействия является индивидуальное усилие сочетания вслушивания,

запоминания и усвоения. В этом особенность традиционной лично-ориентированной модели образовательной коммуникации, которая восходит к образу сократовской беседы, предполагает совершенствование как налаживание внутренней интеллектуальной жизни по типу того, что недостаточно только слушать так же, как недостаточно только запоминать услышанное. Необходимо личностное усилие, пронизывающее и связывающее внимание, память и понимание в единство, усилие “собираения себя”. Оно может родиться лишь в контакте, на острие другого встречного усилия. Именно это делает саму форму личностной коммуникации неперспективной: сегодня, в ситуации доминирования сетевых форм коммуникации, поворота в сторону дистанционного обучения, онлайн – курсов и т. д., важно как раз другое – обеспечить образовательный эффект коммуникативного взаимодействия вне прямого коммуникативного контакта.

Существует ли альтернативная форма коммуникации, способная в обучении обойти фильтр личностного контакта посредством механизма, обеспечивающего автоматическую (массово воспроизводимую) связь услышанного, запомненного и усвоенного? В качестве такой альтернативы представлен сторителлинг как педагогическая технология, сочетающая в обучении и убеждение, и мотивирование, и развлечение. Создателем сторителлинга в качестве интерактивного искусства “использования слов и действий для выявления элементов и образов истории, для пробуждения воображения слушателя” [1], и первым, кто испытал его на практике, является Дэвид Армстронг, глава международной компании Armstrong International. Дэвид Армстронг в своей книге “Managing by storying around” так аргументировал преимущество сторителлинга в значении коммуникативного метода: “Мы рассказываем истории, когда хотим что – то подчеркнуть. Истории – это отличный способ донести свое послание до людей, которые не любят, когда им читают лекции” [2, С. 12].

Аннет Симмонс, профессиональный сторителлер и коуч, в книге “Сторителлинг. Как использовать силу историй” пишет о том, что история может иметь намного большее влияние на слушателя, чем логические доводы, в частности, по причине того, что в истории больше истины, чем в фактах, а истина многомерна и состоит из множества слоев, таких, как контекст времени и места: “История предоставляет человеку достаточно возможностей для самостоятельного мышления. История получает дальнейшее развитие в умах слушателей, они разрабатывают ее, достраивают и делают самостоятельные выводы. Вам не придется прилагать усилий, чтобы сохранить ее живое воздействие на слушателей” [3, С. 58]. Сопереживание, вызываемое подобными историями, в сочетании со скрытым смыслом, достигает своих целей от повседневной жизни, бизнеса, СМИ, до образования и искусства. Соотнесение целей и задач практики сторителлинга приводит к убеждению в том, что последний призван выполнять в образовании функцию, которую раньше преподаватели доверяли книгам, которые пересказывали и комментировали в своих лекциях.

Как понять наметившийся в современности коммуникативный поворот от чтения к рассказыванию, от лекции к истории, чтобы можно было дать оценку перспективам сторителлинга, взвесить его риски и преимущества? Полагаю, что

этот поворот не беспрецедентный, аналогичный ему процесс можно наблюдать в эпоху Средневековья, в том, как в повседневной жизни средневековых монастырей оформились практики чтения в размежевании чтения для себя и публичного чтения вслух. Заданный в обособлении от медитативного речитатива формат публичного чтения первоначально культивируется в монастырях, а затем, когда появляются университеты, становится основой образовательного процесса.

Разграничения двух сфер, сферы личного чтения и сферы публичного чтения, есть процесс, который европейская культура уже прошла, но можно ли сказать, что он закончился? Коммуникативный поворот от чтения лекции к рассказыванию истории является развитием и продолжением другого поворота, начало которого уводит в Средневековье, к зарождению университетов и еще раньше – к эпохе Бл. Августина, когда чтение/обучение было представлено в различии внутренней и внешней деятельности. Данное различие восходит к платоновскому разграничению того, что предназначено к устному сообщению, что можно передать в письменной речи, однако, кроме того, к возможности рассматривать письменный текст (Священное Писание) в качестве наставника и учителя, что для Платона было немислимо.

Тот досуг, который так ценился еще греками, как возможность посвятить время метафизическим рассуждениям, чтению и созерцанию прекрасного постепенно исчезает из жизни современного человека. “В античности важную роль в процессе становления культуры научного текста играло различие между традицией устного общения, где учитель непосредственно наставляет ученика, и практикой фиксации результатов интеллектуальной деятельности в виде письменного текста, адресованного всем желающим. Во времена Платона выбор между устной и письменной формами общения набирает особую остроту, что служит важным ключом к пониманию платонизма” [4, С. 92].

Соответственно, истории библейского сюжета были главными историями, именно на их комментариях и толковании строилось философское чтение, даже если такое чтение прямым образом не затрагивало библейский текст, тем не менее, специфика сюжета и иносказательного характера именно библейских историй обуславливала контекст всех историй того времени: “С незапамятных времен религиозные истории наделяли людей более глубоким смыслом жизни, предлагая понимание того, почему мы здесь и как мы должны жить, и обеспечивая комфорт в наши темные времена. Библия, пожалуй, самый очевидный пример этого. На протяжении более 2000 лет с помощью притч и учений она давала нам набор руководящих принципов и моральных законов, которые остаются глубоко укоренившимися в акте человеческого бытия” [5, С. 16–17].

В трудах Августина Блаженного прослеживается мысль о том, что знание и жизнь, истина и благополучие различаются как внутреннее и внешнее: “Поверь мне, ты еще будешь благодарен судьбе за то, что она не забросала тебя дарами благополучия, на которые так падки многие простаки, дарами, которыми чуть было не прельстился и я сам, и лишь душевная боль смогла принудить меня бежать от открытого всем ветрам образа жизни и искать прибежища в недрах философии” [6, С. 10]. Роль учителя не является главной, первостепенное значение имеет

самообучение с помощью окружающих предметов, в частности, посредством чтения, разумеется Священного Писания, через которое сам Бог участвует в процессе обучения: “А относительно того, что не может быть постигнуто нами ни разумом, ни опытным путем – тут следует верить безо всякого сомнения свидетелям, оставившим писания, уже удостоившиеся наименования Божественных: они могли видеть все по вдохновению свыше и даже предвидеть, созерцая или телесными очами, или духовно” [7, С. 6].

Очевидно, подобное чтение является медитативным погружением в текст, который есть не просто текст, предназначенный к прочтению, он олицетворяет Учителя, поэтому чтение, обучение и общение оказываются связанными друг с другом. Иоанн Скот Эриугена, анализируя семь свободных искусств, напрямую отождествляет слово с учителем и с мудростью: “Поскольку истинное знание стремится к своему подателю, то душа философа, наставленная в искусствах и, прежде всего, в философии, стремится к единению с Мудростью – Словом – Христом” [8, С. 161].

Слово как мудрость, текст как учитель и чтение как обучение - такой подход создает особую ситуацию в культуре. Разумеется Слово - это Христос, его можно воспринимать непосредственно в мистическом проживании текста, о чем говорит Бл. Августин, но можно воспринимать в огласовке, в озвучивании различных интерпретаций. Хотя Слово одно и мудрость одна, но озвучивается это слово в разных голосах и прочитывается в разных текстах. Как гласит энциклопедический принцип Гуго Сен-Викторского, автора “Дидаскаликона, или Семи книг назидательного обучения”: “Учись всему, и ты потом увидишь, что ничто не бесполезно” [8].

Самая первая книга “Дидаскаликона” посвящена умению читать. Из двух главных средств обретения познания, коими являются чтение и размышление, именно первое играет главную роль в обучении. Более того, конечная цель собственного труда для Гуго Сен – Викторского – изложить правила чтения. Данная цель выделяется в качестве основополагающей не случайно, а в контексте той мысли, что именно чтение служит органом (инструментом и средством) приобщения к самой желанной для человека форме совершенного блага – мудрости [8].

В соотношении Слова и озвучивающих его голосов, мудрости и текста можно видеть специфическую средневековую формулу того, как соотносятся в качестве сфер духовной жизни приватное и общественное, личное и публичное. Эта формула сводится к двум переменным мистическое/схоластическое, которые записаны в разные концах уравнения. В одном случае - непосредственное восприятие Слова, уход от действия в созерцание, исключаяющее всякие споры, аргументацию и вообще то, что можно назвать коммуникативным процессом. В другом случае, напротив, - напряженная работа в формулировке собственной позиции, поиске аргументов, выявлении позиции оппонента и т.д.

Ансельм Кентерберийский с первых строк “Прослогиона” прекрасно иллюстрирует призыв и схоластическую направленность на уход от мирских забот и обращение к вечному, Творцу, а также и стремление к изучению первооснов

сущего, не видимых глазом и сокрытых от неискушенного читателя. Рассуждения Ансельма Кентерберийского об истинных и не истинных представлениях существующего и не существующего, являются частью самоценного знания. Нынешние тенденции на общедоступность всякого знания, практического и теоретического, приводят к появлению литературы и видеоуроков по типу “философия за пять минут”, что, зная объект исследования, содержание которого ставится целью раскрыть за пять минут, само по себе абсурдно.

Схоластический полюс средневековой культуры наиболее ярко представлен личностью Пьера Абеляра, его фигура олицетворяет социокультурный сдвиг, развилку в понимании того, что чтение может быть не только самоуглубленным созерцанием, но также и обращенным вовне, к оппоненту, действием. Ситуацию хорошо представляет Уильям Кларк в работе “Академическая харизма и истоки исследовательского университета”: “Монашеская и аскетическая дисциплина обучения – *lectio, meditatio, oratio, contemplatio* – была связана с созерцанием, слезами и тишиной. Абеляр и его ученики превратили это в устное, вполне хладнокровное агонистическое искусство – *praelectio, quaesitio, disputatio, determinatio*, – связанное с риторикой спора, полемики и судебных прений...” [9, С. 115].

В “Лекциях по средневековой философии” [10] Майкл Суини пишет о вкладе Абеляра в развитие философского метода и роли образования той эпохи, выделяя, что отец Абеляра получил хорошее образование еще до того, как стал рыцарем, потому и о достойном уровне образования сына позаботился надлежащим образом. Данный факт свидетельствует о том, что образование получает распространение за пределами монастырей, становясь доступным не только клирикам, но и мирянам, становясь также ценностью для рыцарства [10]. “Рыцарский” подход к пониманию образованности, реализуемый в практиках схоластических споров, требует достаточной эрудиции и рассчитан на человека, способного много читать, анализировать и систематизировать прочитанное.

Схоластическая модель обучения именно здесь столкнулась с проблемой, которая ощущается в том, что мы сегодня наблюдаем, пытаясь осмыслить переход от лекции к сторителлингу, понять, в чем университетская лекция в ее традиционной форме скучна и непродуктивна. Не только дефицит и дороговизна книг, временные затраты, но также и банальная лень школяров стали причинами возникновения особого текстового жанра собрания мнений по типу известных “Сентенций” Петра Ломбардского. Такие тексты, конечно, экономили время, но вместе с тем они вытеснили и сделали невостребованными первоисточники. Вместе с первоисточниками теряется и контекст, в котором то или иное мнение и фраза обнаруживают свой смысл.

Механическое заучивание чужих мнений без понимания того контекста, в котором они имеют смысл, – такая практика, конечно, не могла не отбить охоту к учебе в университете и справедливо вызывала отвращение у интеллектуалов эпохи Возрождения и Нового времени. Кризис схоластической модели образования проявился в эпоху Нового времени в расколе между наукой и учебой, институционально оформленном в противостоянии между Академией,

олицетворявшей личностный поиск истины без оглядки на авторитеты, и Университетом, в котором доминировала интеллектуальная практика споров и дебатов, далеких от вопроса о том, какова истина самих вещей.

Обозначаемая в интеллектуальной культуре Средневековья граница между личным чтением для созерцания, в котором мистически приобщаешься к Истине, и публичным чтением по типу университетской лекции для подготовки к спору и дебатам фактически привела к расколу, который уже в иной социокультурной обстановке, в эпоху Нового времени, вызвал к жизни вопрос – как соотносятся обучение и научное исследование и можно ли их совместить? Попытка дать позитивный ответ на этот вопрос прочитывается в идеологии “классического университета”, в самом понятии “университетской автономии”, основу которого составляет представление, что университет занимает срединное место, связывая, с одной стороны, следующее схоластическому шаблону школьное знание и академическую деятельность. Ф. Шлейермахер так выразил эту мысль: “Сравнение университета со школами и академиями показывает нам его сущностный характер, в силу которого он с необходимостью занимает срединное положение между обеими, что как раз и должно пробудить в молодежи научный дух и возвысить его до ясного сознания. И это мы принимаем без доказательств, – как оно есть само по себе в его высшей наглядности, – предполагая, что не может быть достаточной одной лишь формальной спекуляции, что ее следует тотчас воплощать в реальном знании” [11, С. 47].

Сегодня идеология классического университета выглядит архаикой, и такой взгляд кажется наивным с точки зрения того, что в реальности мы имеем дело с коммерческим университетом, с рынком образовательных услуг, где предполагается свой маркетинг и соответствующая ему бюрократическая надстройка. Классический университет в первую очередь опирается на триаду культура – наука – образование, он функционирует в обществе как субъект не хозяйственной, а именно интеллектуальной жизни, стабильность которого хотя и обеспечивается государством, строится на принципах самоорганизации и предполагает некий свод неформальных правил. Важнейшим же показателем работы коммерческого университета является не культура, наука и образование, а финансовая эффективность, в том числе научных исследований, измеряемая формальными показателями типа рейтинга.

Данную мысль подтверждает Билл Ридингс в работе “Университет в руинах”, где констатирует факт того, что современный Университет является бюрократической корпорацией, лозунгом которого становится идея Совершенства: “Понятие совершенства, функцией которого является обеспечение не столько визуального наблюдения, сколько исчерпывающего учета, связывает Университет с аналогичной сетью бюрократических институтов. То есть совершенство позволяет Университету понимать себя исключительно в терминах структуры корпоративного управления... Такой преимущественно административный подход открыто выводится из потребности Университета «влиться в международное сообщество». Глобализация вынуждает «уделять больше внимания администрированию» с целью обеспечить интеграцию рынка знаний... На практике это означает, что глобальная

дискуссия должна вестись на языке не культурного конфликта, а экономического менеджмента...” [12, С. 52–53].

Как замечает Билл Ридингс, подобные идеи подаются под лозунгом стремления Университета к некоторому абстрактному совершенству, как знаку качества, однако “качество – не ключевой вопрос, а вот совершенство скоро им станет, поскольку оно подразумевает, что Университет не просто похож на корпорацию, а является корпорацией. Студенты Университета Совершенства не похожи на потребителей, они являются потребителями. Совершенство предполагает квантовый скачок: понятие совершенства вырабатывается внутри университета в качестве идеи, вокруг которой центрируется Университет и благодаря которой он становится понятен окружающему миру” [12, С. 40–41].

Появляются энциклопедии, рассчитанные на максимально быстрое и обобщенное ознакомление. Вводится даже новое словосочетание “энциклопедические знания”, свидетельствующие о том, что человек, ими обладающий, располагает знаниями о множестве людей, предметов и явлений, достаточными для поддержания застойной беседы, что отсылает к традиции античных симпозионов. Именно в период схоластики закладываются основы понимания текстовой культуры: “«Что можно делать с текстом?» – спрашивал А. М. Пятигорский и отвечал: «...писать, читать и комментировать». Применительно к философскому тексту это три вида актов, которые являются свидетельством наличия философского сегмента в текстовой культуре. Понятие текстовой культуры следует лишить оценочных коннотаций и понимать под ней способы производства, хранения и трансляции текстов. Тогда «писать», «читать» и «комментировать» будут такого рода действиями, с помощью которых можно реализовать текстовую культуру” [13, С. 140].

Тем не менее, современный университет в формате массового образования – это если и не продукт, то идейный наследник схоластической модели обучения. Уже в Средневековье закладывались основы создания Университета по принципу корпораций, моделируя общую производственную структуру эпохи [14]. Следует провести сравнительную параллель между изначальной идеей классического университета и тем, какие изменения она претерпела в современном коммерческом университете. Классический университет в первую очередь опирается на триаду: культура – наука – образование, возникнув в обществе, как субъект академического образования, стабильность которого с помощью формальных правил обеспечивает государство, тем не менее, самоорганизацию строит на правилах неформальных.

Важнейшим же показателем работы коммерческого университета является не культура, наука и образование, а финансовая эффективность, в том числе научных исследований. “Рост формальных правил ведет к абсолютной жесткости самой образовательно-научной системы и к ее вырождению. Ведь матрицей воспроизводства определенной профессиональной культуры является социальная память, в данном случае академическая, которая содержит совокупность культурно – образовательных кодов. Профессору не доверяют в проведении учебного процесса, контроля образовательного процесса, посещаемости и пр. Поэтому современный реформируемый университет соответствует не критерию

классического образовательного учреждения, а критерию «коммерческо-бюрократического» [14, С. 46].

С точки зрения замечания о том, как эволюционирует университет, можно понять логику поворота к практике сторителлинга. Речь идет о процессе, который запущен в качестве проблемы университета еще в Средневековье, сегодня у этой проблемы новый контекст, но, по сути, старый смысл. Размежевание между личностным чтением, нацеленным на созерцание Истины, и публичным чтением, нацеленным на дебаты и дискуссии, сформировало в европейской культуре пространство образовательной деятельности, состоящее из двух сегментов личностного действия и социальной деятельности. Возникает проблема того, как связаны между собой эти сегменты. Решение, озвученное в идеологии классического университета, так и осталось мечтой, поскольку не вписывается в новую реальность университета как субъекта коммерческой деятельности. Современный университет делает выбор в пользу межличностных (социальных) техник и способов преподавания отвечая запросам глобализации, набирающей популярность и с каждым годом все более становящейся трендом и ориентиром дальнейшего развития, Сторителлинг можно рассматривать как маркетинговую форму коммуникации, позволяющую выстраивать процесс обучения в алгоритме того, что хорошо сформулированное предложение порождает спрос.

Список литературы

1. National Storitelling Network. What is Storitelling? URL: <http://www.storynet.org/resources/whatisstoritelling.html> (Дата обращения: 19.08.20).
2. David M. Armstrong, *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. / New York: Doubleday. 1992. – 248 p.
3. Симмонс А. Сторителлинг. Как использовать силу историй / пер. с англ. Манн, Иванов, Фербер; М.; 2013. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5024483 (Дата обращения 22.08.20).
4. Зарапин О. В., Шапиро О. А. Научный текст в оптике типологии: традиции и новации. / О. В. Зарапин, О. А Шапиро / *Философия науки и техники в России : вызовы информационных технологий: сборник научных статей / М–во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т ; под общ. ред. Н. А. Ястреб. – Вологда : ВоГУ, 2017. – 400 с.*
5. Fog K. *Storytelling: Branding in Practice* / K. Fog, C. Budtz, B. Yakaboğlu, S. Blanchette. – Luxembourg: Springer, 2006. – 254 p.
6. Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т.1: Об истинной религии. / Под ред. С. И. Еремеева. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – 742 с.
7. Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т.2: Теологические трактаты. / Под ред. С. И. Еремеева. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – 751 с.
8. Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. Т.1 / Под ред. С. С. Неретиной; сост. С. С. Неретиной, Л. В. Бурлака. – СПб.: РХГИ, 2001. – 539 с.
9. Кларк У. Академическая харизма и истоки исследовательского университета / Перев. с англ.; под науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун–т “Высшая школа экономики”. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 736 с.
10. Суини М. Лекции по средневековой философии. Выпуск 1. Средневековая христианская философия Запада / пер. с англ. А. К Лявданский. URL: <http://www.agnuz.info/library/books/leksii/> (Дата обращения: 20.08.2020).
11. Шлейермахер Ф. Нечаянные мысли о духе немецких университетов (с приложением об одном из них – недавно учрежденном) / Ф. Шлейермахер ; пер. А. Ю. Антоновского. – Личность. Культура. Общество. 2017. Т. 19. Вып. 3–4 (№95–96).

12. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
13. Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М. Текстовый подход в социальной философии. Л. Т. Рыскельдиева, Ю. М. Коротченко / Эпистемология и философия науки. – 2017. Т.51. №1. С. 153–170.
14. Гриценко В. П., Данильченко Т. Ю., Борисов Б. П. Миссия университета и информационный капитализм. / В. П. Гриценко, Т. Ю. Данильченко, Б. П. Борисов / Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология/ Научный журнал, 2018. №42. – 225с.

Yakhnovskaya Y. S. Philosophy as an educational practice: the phenomenon of a medieval University // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 50–59.

The modern university is developing within the framework of mass education. Increasingly, education is defined as a market of services in which the key to a quality educational product is competition, and the consumer of this product is a student whose interests determine both the form and content of the educational process. The search for innovative forms of education determines the image of the university in modern culture. A representative example is storytelling as a specific communicative practice designed to replace the classical lecture format, which goes back to the traditions of the medieval university. The reconstruction of the medieval educational tradition is the starting point in the study of the communicative specifics of storytelling. Within scholastic discourse, there are two distinct cultures of reading and working with text. Personal transformation as an idea of education is most clearly seen in the writings of St. Augustine. Another approach to the education, goals and means of textual activity is proposed by Pierre Abelard, who takes the work with the text beyond reading for himself, into the sphere of public reading. The phenomenon of storytelling as a pedagogical technology is interpreted from the point of view of the problem of matching knowledge in the formats of its personal and social representations.

Keywords: education, book tradition, medieval University.

References

1. National Storytelling Network. What is Storytelling? [What is Storytelling?]. URL: <http://www.storynet.org/resources/whatisstorytelling.html>
2. David M. Armstrong, Managing by Storying Around: A New Method of Leadership.[Managing by Storying Around: A New Method of Leadership] / New York: Doubleday. 1992. – 248 p.
3. Simmons A. Storytelling. How to use the Power of Stories [Storytelling. Kak Ispol'zovat' Silu Istorij]. Translated from English. Mann, Ivanov, Ferber; M.; 2013. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5024483/ (Data obrashhenija: 22.08.20).
4. Zarapin O. V., Shapiro O. A. Nauchnyj tekst v optike tipologii: tradicii i novacii [Scientific Text in the Optics of Typology: Traditions and Innovations]. O. V. Zarapin, O. A. Shapiro. Filosofija nauki i tehniki v Rossii : vyzovy informacionnyh tehnologij: sbornik nauchnyh statej. M–vo obraz. i nauki RF, Vologod. gos. un-t ; pod obshh. red. N. A. Jastreba. – Vologda : VoGU, 2017. – 400 s.
5. Fog K. Storytelling: Branding in Practice [Storytelling: Branding in Practice] / K. Fog, C. Budtz, B. Yakaboylu, S. Blanchette. – Luxembourg: Springer, 2006. – 254 p.
6. Blazhennyj Avgustin. Tvorenija: V 4 t. T.1: Ob istinnoj religii [Creations: In 4 vols. Vol. 1: On True Religion]. Pod red. S. I. Eremeeva. – SPb.: Aletejja; Kiev: UCIMM-Press, 2000. – 742 s.
7. Blazhennyj Avgustin. Tvorenija: V 4 t. T.1: Ob istinnoj religii [Creations: In 4 vols. Vol. 2: Theological Treatises]. Pod red. S. I. Eremeeva. – SPb.: Aletejja; Kiev: UCIMM-Press, 2000. – 742 s.
8. Antologija srednevekovoj mysli (Teologija i filosofija evropejskogo Srednevekov'ja) [Anthology of Medieval Thought (Theology and Philosophy of the European Middle Ages)]: V 2 t. T.1. Pod red. S. S. Neretinoj; sost. S. S. Neretinoj, L. V. Burlaka. – SPb.: RHGI, 2001. – 539 s.

9. Klark U. Akademicheskaja harizma i istoki issledovatel'skogo universiteta [Academic Charisma and the Origins of a Research University]. Perv. s angl.; pod nauch. red. M. Dobrjakovoj; Nac. issled. un-t "Vysshaja shkola jekonomiki". – M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017. – 736 s.
10. Suini M. Lekcii po srednevekovoj filosofii. Vypusk 1. Srednevekovaja hristianskaja filosofija Zapada [Lectures on Medieval Philosophy. Issue 1. Medieval Christian Philosophy of the West]. Per. s angl. A. K. Ljavidanskij. URL: <http://www.agruz.info/library/books/leksii/> (Data obrashhenija: 20.08.2020).
11. Schleiermacher, F. Unintentional thoughts about the spirit of German universities (with an appendix about one of them – recently established) [Unintentional Thoughts About the Spirit of German Universities (with an Appendix About One of Them – Recently Established)] / F. Schleiermacher; per. A. Yu. Antonovskij. - Personality. Culture. Society. 2017. Vol. 19. Issue 3-4 (no. 95-96).
12. Ridings B. Universitet v ruinah [Tekst] [University in Ruins [Text]]. Per. s angl. A. M. Korbuta; Gos. un-t – Vysshaja shkola jekonomiki. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly jekonomiki, 2010. – 304 s.
13. Ryskel'dieva L. T., Korotchenko Ju. M. Tekstovoj podhod v social'noj filosofii [Textual Approach in Social Philosophy]. L. T. Ryskel'dieva, Ju. M. Korotchenko / Jepistemologija i filosofija nauki. – 2017. T. 51. №1. S. 153–170.
14. Gricenko V. P., Danil'chenko T. Ju., Borisov B. P. Missija universiteta i informacionnyj kapitalizm [The University's Mission and Information Capitalism]. V. P. Gricenko, T. Ju. Danil'chenko, B. P. Borisov. Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofija. Sociologija. Politologija. Nauchnyj zhurnal, 2018. №42. –225s.

УДК: 130.2

АНТИНОМИЗМ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ РАДИКАЛИЗМ

Ячин С.Е.¹, Пчелкина С.Е.²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

E-mail: ¹yachin.se@gmail.com, ²greet.svet@mail.ru

В статье рассматриваются принципы антиномичной философской рефлексии в отношении к такому социально-культурному явлению как социальный радикализм. Методологической основой для исследования выступает учение И. Канта об антиномиях чистого разума, а также идеи более поздних философов, в которых данное учение получило свое развитие. В статье представлены основные положения антиномичной аналитики и достоинства ее использования в контексте проблем философии культуры. Посредством антиномического анализа выявлены антропологические и культурные основания социального радикализма. Антиномия культуры определяется как имманентный конфликт культурной формы человеческого существования. Антиномизм культурного бытия обусловлен антиномичностью человеческой природы. Из антиномической сущности человека происходят антиномии культурного и социального бытия. Феномен социального радикализма рассматривается как “некорректная” реакция человека на антиномичные условия его социо-культурного бытия. Авторы исходят из убеждения, что причиной социального радикализма является неспособность или неготовность человека понимать культуру антиномически. В результате такой неспособности индивид идентифицирует социальное устройство с одной из сторон антиномического бытия культуры. Попытки подвести все содержание социального бытия под одно из начал культуры приводят к разрушению культуры и общества. Средством борьбы против как уже существующих или возможных вариантов социального радикализма является рациональная аналитика, исходящая из идеи антиномизма человеческой природы и антиномий культуры, как ее следствия.

Ключевые слова: Социальный радикализм, антиномизм культуры, И. Кант, современный философский дискурс, антиномичная рефлексия культуры.

1. Антиномизм как конститутивный принцип культуры

Современный дискурс наполнен контентом, где можно найти различные толкования о причинах социального радикализма. Но при всем их многообразии мало места объяснениям первого порядка – метафизическим. Политические, социальные, психологические, культурологические подходы – суть осмысления вторичного характера, поскольку и политика, и культура, и психика человека, и социальное устройство – суть проявления метафизического принципа – принципа антиномизма. Цель работы – объяснить природу социального радикализма с позиции антиномичного подхода. Мы исходим из убеждения, что именно в рамках антиномического подхода укладываются в некое единство во многом точные, но разрозненные выводы, содержащиеся в различных областях социального познания относительно социального радикализма. На определённом этапе научное познание должно перейти от аналитики фактов методами конкретных наук к

трансцендентальному анализу, как инструменту метафизического познания, поскольку вне метафизического, как предельно обобщенного, значит, всеобъемлющего осмысления, так и остаются без ответов многие вопросы практической жизни людей. Социальный радикализм, к сожалению, является реальностью на глобальном уровне, и в данный исторический период почти нет культурных сообществ, в которых полностью отсутствуют его проявления. Во многом распространённость радикализма обусловлена неправильным пониманием самой природы социального бытия, некорректным восприятием противоречий социальной жизни, что порождает неправильные выводы и практические действия, направленные на устранение этих сложностей. Актуальность исследования по данному вопросу обусловлена необходимостью осмыслить феномен социального радикализма с позиции неразрешимости социальных противоречий. Свои задачи мы видим в том, чтобы обосновать методологическую целесообразность антиномического анализа феномена социального радикализма, объяснить причину противоречий социо-культурного бытия и невозможность избавить общество от противоречий радикальными способами. Почему же из всего арсенала метафизики именно антиномический принцип был избран в качестве наиболее релевантного, на наш взгляд, поставленной задаче – понять природу социального радикализма? Потому что антиномизмом (хотя и не только им одним) пронизаны все человеческие формы существования, и, возможно, многие неустройства в его внутреннем мире и внешнем существовании объясняются наличием антиномических противоречий, от которых невозможно избавиться простым выбором одной из сторон. "... в истории нет и прогресса счастья человеческого, – пишет А. Н. Бердяев, – есть лишь трагическое, всё большее и большее раскрытие внутренних начал бытия, раскрытие самых противоположных начал, как светлых, так тёмных, как божественных, так и дьявольских, как начал добра, так и начал зла... Если можно утверждать какой-нибудь прогресс в истории человеческого сознания, так это обострение сознания, которое является результатом внутреннего раскрытия этого трагического противоречия человеческого бытия" [1, С. 150].

Антиномизм, т.е. противоречивость, есть конститутивный принцип всего, что исходит от человека. Но не каждое противоречие является антиномическим, и в данном случае мы придерживаемся того взгляда, что есть некоторое различие между кантовским понятием противоречия как антиномии и гегелевским пониманием противоречия как диалектического противоречия [2, С. 22-28]. Различие, усматриваемое из контекста рассуждений И. Канта и Г. Гегеля, есть условное различие, но в некоторых вопросах этот тонкий оттенок различия вдруг становится чрезвычайно важным. Диалектическое противоречие мыслилось Гегелем и его последователями как единство и борьба противоположностей так, что признавалось: "противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно" [3, С. 520]. Невозможно отрицать, что любое физическое тело есть "единство и борьба" сил притяжения и отталкивания, силы центробежной и центростремительной, целого и части и пр. и пр. Тем не менее, у противоречия в смысле Гегеля есть ряд определенных ограничений, которые не позволяют

использовать гегелевский подход для объяснения многих явлений культуры. Об этом свидетельствуют соответствующие работы Ф. Ницше, Г. Зиммеля, О. Шпенглера, Н. А. Бердяева и др., чьи взгляды повлияли на формирование “антиномичной рефлексии культуры” в философском дискурсе XX века [4].

И. Кант в рассуждениях об антиномиях чистого разума указывает на наличие у человека (в разуме) антиномий, т.е. таких противоречий, которые никогда не разрешаются и не образуют того, что есть в гегелевском истолковании *диалектическим синтезом*. Ж. Делез в работе «Критическая философия Канта» на наш взгляд наиболее точно именовал их “различающимися по природе” интересами разума [5, С. 151], а сам И. Кант – *антитетикой чистого разума* [6, С. 264]. “Под антитетикой, – пишет Кант, – я разумею..., противоречие между догматическими по виду знаниями, из которых ни одному нельзя отдать предпочтения перед другим” [6, С. 399].

Антиномическое противоречие образуется из двух элементов одной и той же сущности, сущности разума, когда, пишет Кант, “мы употребляем свой разум не только для применения основоположений рассудка к предметам опыта, но и решаемся распространить эти основоположения за пределы опыта” [6, С. 340]. Каждое из этих противоречивых основоположений одинаково значимо и необходимо, но при этом оба находятся в состоянии жесткого противопоставления друг другу, *имманентного* конфликта, действуя на вытеснение своего *vis-a-vis*: “Эти умствующие положения всегда открывают... диалектическую арену для борьбы,... причем для последней победы... всегда старались, чтобы защитник доброго дела один удерживал за собой поле” [6, С. 401]. Таким образом, И. Кант указывает на особенный смысл антиномического противоречия: вытеснение, если случится, приведет к неизбежной гибели и победившей стороны, потому что противоречивость находится внутри одной и той же сущности. Антиномия есть имманентное противоречие между двумя сторонами одной и той же сущности, и каждая из сторон этой сущности зависит от наличия другой стороны, но при этом находится по отношению к ней в состоянии радикального конфликта – “войны до победного конца” и полного “уничтожения противника”.

2. Антиномизм vs радикализм

Антиномично жить трудно, и одним из древних чаяний человеческих было и остается стремление к гармонии, бесконфликтному единству. При этом ни одна историческая эпоха, ни одна культурная социальная организация не привела к этой гармонии. Во всяком случае, на вечные времена. На примере опять-таки конкретных исторических явлений можно видеть, что при попытке примирить противоречия в виде общей культурной формы или конкретного социального проекта возникает тенденция решить всё простым (на первый взгляд) способом – выбором одной из сторон. Именно так рождается социальный радикализм [7, С. 258-260]. Религиозный фанатизм, национальный шовинизм, расизм – суть исторические формы социального радикализма, поскольку в их основе лежит стремление направить всю энергию жизни людей только в одном направлении, абсолютно отсекая другое. Но как показывает история, такая стратегия решения антиномий еще менее жизнеспособна, нежели известные нам из истории формы социальной

гармонизации. Почему, тем не менее, возникают подобные явления? Объяснение, скорее всего, кроется в недостаточном уровне рационального осмысления.

Культура есть надстройка над разумным отношением человека к сущему, и в ней как в проекции, отражаются все принципы человеческой разумности, в том числе и антиномизм. Из антиномий человеческого разума происходят антиномии культурного и социального бытия.

Но из того, что культура есть разумная форма человеческого бытия, не следует, что каждый индивид её целиком осмысляет (т.е. осознает). Отдельно нужно ставить вопрос о том, как индивиды рефлексивно реагируют на фактичность своего пребывания в антиномиях культуры? Общий диагноз состоит в том, что почти никто не способен удержать в своем сознании и в своей социальной позиции медиальность – (проводящую функцию) – культурной формы. А между тем, именно это недомыслие и приводит сначала к зарождению радикальных настроений, потом идей, потом идеологий, и наконец, к радикальным действиям. Антиномичность культурной формы, не будучи целиком осмысленной, с “роковой” неизбежностью ставит индивидов на ту или иную сторону. Это и означает, что в обществе отношение к антиномиям, т.е. противоречиям бытия, является, как правило, поляризованным.

Исследователи, которые берутся за разъяснение сущности радикализма, апеллируют к определению следующего содержания: социальный радикализм есть “коренное, кардинальное преобразование социума”. В определениях, как правило, акцент делается на слове “коренной”, поскольку этимология самого термина радикализм имеет в своей основе слово “корень” [8, С. 12-17]. Но насколько соответствует своей идее тот радикализм, который осуществляется в истории человечества? Мы убеждены, что радикализм любого вида отталкивается от ложно истолкованного понимания того, что же именуется *коренной* проблемой социо-культурного бытия человека. И ни одна концепция социального радикализма не воспроизводит действительно *коренную* проблему бытия человека. Потому что ни в одной программе радикального переустройства общества нет действительно *коренного* объяснения недостатков социального бытия (возможно, кроме, христианского, но там радикальное переустройство мыслится как свершенное не самим человеком, а только посредством Бога). Коренной же причиной является сам человек, точнее, несовершенная природа человека. Несовершенство человеческой природы можно истолковывать по-разному. В нашем понимании, оно состоит в наличии противоречий между экзистенциальными свойствами человеческой сущности, что приводит к амбивалентности человеческого бытия или в кантовском выражении – антиномизму. Кто будет, отрицать, что в человеческой природе соединяются не соединимые (с точки зрения здравого смысла) способности, из которых составляются пары дуальностей: любовь и ненависть, вера и сомнение, страх и смелость, тревожность и безмятежность, жалость и жестокость и т.п.? Посредством этих экзистенциальных свойств человек формирует мировоззрение, а исходя из него – мир практических действий. И нет ни одного человеческого свершения, структура которого не носила бы отпечатка экзистенциального дуализма или, по-другому, бинаризма.

Экзистенциальный дуализм, преломляясь через акты мышления, преобразуется в трансцендентальный дуализм, т.е. в антиномии разума (по определению Канта). Именно в вопросе относительно антиномий, как неизбежных и неразрешимых противоречий разума философии И. Канта принадлежит исключительная заслуга в открытии тайников человеческого существования. Посредством антиномического подхода даются ответы, если не на все, то на очень многие вопросы человеческого существования. Но ответы эти носят исключительно умозрительный характер. Другими словами, человек понимает, что все его свершения будут носить двусмысленный характер, именно потому, что человек привносит в каждое свое решение и действие дуализм своей природы. Но человеку обычно требуется большее – узнать, как же с этим быть?

Радикализм заразителен именно простотой решения вопроса – надо удалить противоположный член. Но последствия такого решения всегда тяжкие. Во-первых, нет радикализма без насилия, поскольку нужно именно *отсекать, удалять, уничтожать* то, что в рамках той или иной радикальной идеологии обозначено в качестве *помехи* для установления того или иного рода гармонии. Насилие, в свою очередь, вызывает к отщепеню. В результате, возникает некая форма гражданской войны: “глобалисты и антиглобалисты”, “социалисты и капиталисты”, “нацисты и интернационалисты”, “католики и протестанты” и т.п. Во-вторых, если удастся радикальной идеологии вылиться в реальный социальный проект – систему социальной организации жизни в виде общества, сообщества, государства, общины и т.п. - в ней наблюдается некая жизненная ущербность и неполнота, которая сублимируется, если она не осознается, или имитируется, если осознается, в квази-формы. Но, так или иначе, воспроизводится то, с чем боролись, поскольку то, с чем боролись, является необходимым условием существования человека и человеческих сообществ. Так, в рамках социально-экономической модели условием жизни является и свободное предпринимательство, и плановое ведение хозяйства, в рамках социально-политического устройства важны две действительно противоположные проявления власти – единство власти и разделение властей, в социально-культурном контексте важно развитие и процветание, как отдельной личности, так и общества в целом.

3. Рациональная аналитика – преодоление радикализма

Как разрушать ту или иную идеологию радикализма или избежать ее зарождения? Наш ответ – рациональной аналитикой, исходящей из идеи антиномизма человеческой природы и антиномий культуры, как ее следствия.

Антиномии в культуре неизбежны по причине антиномизма сущности человека. И антиномии культуре необходимы, поскольку в них – полнота сущностных устремлений людей в любых проявлениях культурной жизни. Структура любой культурной формы, если подвергнуть ее аналитическому расчленению будет являть то, что в своей семиологической теории культуры Ю. М. Лотман осмысливал посредством понятия культурного кода. Благодаря антиномическому конфликту, который закодирован в каждом культурном явлении, культура может проявлять свои бытийные способности к сохранению, транслированию и созиданию: “Богатство внутренних конфликтов обеспечивает Культуру как коллективному

разуму исключительную гибкость и динамичность” [9, С. 45]. Лотман представлял культуру как целое, существующее в виде некоей структуры, внутреннюю сущность которой представляют бинарные оппозиции взаимосвязанных элементов. Бинарные оппозиции существовали в ментальном поле европейской культуры всегда, и их значение определяется стратегией “усложнения” мира: “на всех уровнях мыслящего механизма – от двуполушарной структуры человеческого мозга до культуры на любом из ее уровней организации – мы можем обнаружить биполярность как минимальную структуру” [9, С. 36]. Позиция Ю. М. Лотмана тождественна позиции Г. Зиммеля, который несколько ранее, утверждал, что рациональной рефлексии необходима двойственность в осмыслении бытия культуры, поскольку односторонность “превращает творчество в принцип вражды против всякой формы вообще” [10, С. 474]. Поэтому, отсекая то, что видится противоположным, мы теряем культуру, теряя культуру, мы теряем полноценного человека, и получаем недочеловека и квази-общество.

Антиномичный подход находит свою обоснованность и в контексте постмодернистских онтологий, которые радикально настаивают на равноправном существовании “чтойностей” разного рода. В постмодернистском сознании культура предстает осмысливающему её человеку одновременно: как необходимость и как свобода, как ограниченное бытие и как бытие безграничных возможностей, как простое и как сложное, безличное и личностное существование (см. четыре антиномии И. Канта) [6, С. 404-431]. Воспользуемся вариантами терминологии, которая предлагает современная французская мысль. Так, Ж.-Л. Нанси именует всё, что может случиться в этом мире «цвета, тени, кусочки, частицы ... горести и радости» все, т.е. всё то, что может быть различено, дифференцировано (*différence*), имеет отличное от другого существование - *corpus'om* [11, С. 158]. С этой точки зрения представление, выделенный акт мысли, идея, желание – такой же *corpus*, как дерево, лес, колония микробов и пр. Другой современный французский философ Э. Деландав своей “плоской онтологии” то же самое именует “ассамбляжем” [12], Б. Латур и Дж. Ло – “сборкой” [13]. Если же использовать более традиционную терминологию, то всё, что имеет место в мире (т.е. имеет отличное от “другого” существование) можно просто назвать событием – в соответствии с тем, как это мыслит А. Бадью [14]. Все эти концепции, имеют, на наш взгляд, преемственность с кантовским подходом в понимании антиномизма. И определенная заслуга философии постмодернизма видится в том, чтобы нагруженное негативными коннотациями концепт “противоречия” заменить на более мягкие выражения. Смягченное в этом контексте рациональное понимание антиномии есть не неразрешимое противоречие, а различающиеся возможности, альтернативность. Радикализм в этом контексте обезоруживается видением не конфликтности, а различающихся стратегий в устройстве сущего.

4. Антиномизм культуры как фактор интерсубъективности и социальной коммуникации

Современная философия дает ещё одно направление мысли на смягченное понимание антиномий. Это направление в той или иной степени связывается с

понятиями интерсубъективности, языка, культурной и межкультурной коммуникации.

Антиномии культуры проявляют себя в полной мере в пространстве разного рода интерсубъективных отношений, субъектность которых (подчеркнем это) конституирована языком. Такого рода равноправие не отрицает специфики той или иной сущности. Относительно культуры (и языка как её образцового выражения) можно заметить, что она существует только в процессе своей самореференции, т.е. описывая саму себя. Здесь мы опираемся на идеи, заложенные в теории самореферентных систем Н. Лумана, согласно которой источником специфических противоречий культуры, т.е. её антиномий, является именно самореферентность, которая вносит неустранимую двусмысленность в каждый факт культуры: в технику, в религию, в язык, в “естественные” потребности человека и пр. [2, С. 26-27].

Открытие, сделанное философией XX века в отношении феномена коммуникативности (или “общения”) облегчает процесс рефлексивного созерцания антиномий культуры, позволяя в них видеть необходимость “держаться двух сил сразу”. Сам механизм коммуникации соотнесения, сообщения предполагает наличие двух несводимых полюсов, если отталкиваться от тезиса, что коммуникация существует только в пространстве различий. Коммуникация не есть слияние одного с другим, но она делает осмысленным существование одного в пространстве сообщения с другим. Ю. Хабермас, говоря о принципе этики современной культуры, как этике коммуникативного дискурса, раскрывает её как способ вовлечения *Другого* “в его инаковости, которому не свойственны ни нивелировка, ни насильственное присвоение” [15, С. 110]. Но как показывает М. Маклюэн, современные системы масс-медиа (средства коммуникации) разрывают ткань интерсубъективной коммуникации, поляризуют её на взаимоисключающие стороны [16]. Одна из сторон закрепляется в той роли, которую сегодня приобретают масс-медиа, двигаясь от “UnderstandingMedia” к функции “Massage” [17].

Социальное пространство – это коммуникативное пространство, в котором всё служит средством сообщения, и, чем сильнее социальное бытие антиномически расчленено, тем интенсивнее культурные процессы, и тем сложнее и богаче человек своим внутренним содержанием, а социальное пространство – произведениями. В живой человеческой коммуникации, антиномичные различия обретают логику существования “одно – для – другого”. Библер В. С. назвал это “диалогикой” [18]. Различия “отрицают” друг друга, но в условиях коммуникации каждое различие существует только в отношении с иным.

***

Мы осознаем, что рациональная аналитика, приводящая рефлексю к видению антиномичности бытия, имеет свои собственные границы, обусловленные тем, что человеку надо всё же отвечать на вопрос: как быть? Из трансцендентальной рефлексии нельзя вывести конкретного практического совета, что, кстати, видимо, прекрасно понимал И. Кант, но Г. Гегель предложил выход, приписав

противоречиям имманентную способность к синтезу, т.е. объединению. Мы в этом отношении привержены позиции Канта, в соответствии с которой антиномии – есть абсолютно неразрешимые противоречия. Так как же быть человечеству, ведь нужно строить жизнь, которая для человека вне социума невозможна?

В рамках нашего исследования мы показали, что социальная неудовлетворённость неизбежна по причине лежащих в основе культуры неразрешимых противоречий человеческого бытия. Как проявление этой неудовлетворённости – критика социального строя, которая необходима так же, как необходима творцу критика его произведений, которая понуждает его не останавливаться на достигнутом и стремиться к лучшему. Но чтобы критика не приводила к радикальным проектам, накал критики необходимо направлять на рассмотрение того, с какими антиномиями человеческого бытия столкнулся тот или иной социум, и какой иной творческий ответ можно было бы предложить без радикальных отсечений.

Таким образом, мы попытались осмыслить социальный радикализм как феномен современной культуры через идею антиномичной сущности культуры, из которой проистекает антиномичность социального бытия. Наш вывод состоит в том, что социальный радикализм есть форма *не-корректного* разрешения противоречий культуры, основанная на ложном стремлении устранить саму противоречивость культуры, как таковую. Ложность принципа социального радикализма объясняется попыткой создания гармоничной культуры на основе одного культурного начала. Но любая попытка “радикального” решения противоречий неизбежно приводит не к развитию и обновлению, а к разрушению культуры, а вместе с культурой и социального бытия человека.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл истории / Copyright YMCA, Paris, 1969. М.: Мысль, 1990. – 176 с.
2. Ячин С. Е., Пчелкина С. Ю. Почему вопрос о сущности культуры должен быть продуман антиномично? // Вопросы культурологии, 2018. № 9. – С. 22-28. – URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=35552941> (дата обращения: 14.02.2020).
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Пер. с нем. Б. Г. Столпнера // Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14-тт. Т.V (1). М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 813 с.
4. Пчелкина С. Ю. Антиномии культуры и философия: История и теория антиномичной рефлексии культуры. LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG, 2011. – 135 с. – URL: <https://elib.dvfu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000882013> (дата обращения: 14.02.2020).
5. Делез Ж. Критическая философия Канта / Пер. с фр. Я. И. Свирского // Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза, М.: ПЕР СЭ, 2001. – С. 145 – 225.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Б. А. Фохта // Кант И. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. – 799 с. (Философское наследие)
7. Самойлов С. Ф., Плотников В. В. Концептуализация понятий социального и политического радикализма и экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2015. № 4 (30). – С. 258-260.
8. Бороздин А. Н. Радикализм как социально-политический феномен // Вестник экономической безопасности, 2015. № 6. – С. 12 – 17.
9. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т.1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. – 247с.

10. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры / Пер. с нем. А. В. Драное, М. И. Левиной, И. И. Маханькова, А. М. Руткевича, А. Ф. Филиппова, Г. А. Шевченко. М.: Юрист, 1996. – 671 с. (Лики культуры)
11. Нанси Ж. -Л. Corpus / Пер. с фр. Е. Петровской. М.: AdMarginem, 1999. – 255 с. (Коллекция "Философия по краям")
12. DeLanda M. A. New Philosophy of Society: assemblage theory and social complexity. London & New York: Continuum, 2006. – 160 p.
13. Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004. – 197 p.
14. Badiou A. Being and event / transl. [from the French] by Oliver Feltham. L.: Continuum, 2006. – 526 p.
15. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю. С. Медведева. СПб: Наука, 2002. – 417 с.
16. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964. – 318 p.
17. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.: Random House, 1967. – 159 p.
18. Библер В. С. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Издательство политической литературы, 1991. – 414 с.

Yachin S.E., Pchelkina S.Y. The Antinomianism of Culture and Social Radicalism // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 60–69.

The article discusses the principles of antinomic philosophical reflection in relation to such a socio-cultural phenomenon as social radicalism. The methodological basis for the study is the teaching of I. Kant on the antinomies of pure reason, as well as the ideas of later philosophers, in which this teaching was developed. The article presents the main points of antinomic analytics and the advantages of its use in the context of the problems of cultural philosophy. Antinomial analysis reveals the anthropological and cultural foundations of social radicalism. The antinomy of culture is defined as the immanent conflict of the cultural form of human existence. The antinomism of cultural life is due to the antinomicity of human nature. From the antinomic essence of man, the antinomies of cultural and social being come from. The phenomenon of social radicalism is seen as the "incorrect" reaction of a person to the antinomic conditions of his socio-cultural being. The authors proceed from the belief that the cause of social radicalism is the inability or unwillingness of a person to understand culture antinomically. As a result, the individual identifies the social structure from one of the sides of the antinomic existence of culture. Attempts to reduce social life to only one of the principles of culture lead to the destruction of culture and society. The authors are convinced that rational analytics based on ideas about the antinomism of human nature and the antinomies of culture as its consequence will help overcome social radicalism.

Keywords: Social radicalism, antinomism of culture, I. Kant, modern philosophical discourse, antinomic reflection of culture.

References

1. Berdyaev N. A. Smysl istorii. [The meaning of the history] Paris, 1969. М.: Mysl, 1990, 176 pp.
2. Yachin S. E., Pchelkina S. Yu. Pochemu vopros o sushchnosti kultury dolzhen byt produman antinomichno? [Why the question of the essence of culture should be thought out antinomically] // Voprosy kulturologii. 2018. No. 9, pp. 22-28. - URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=35552941> (date of application: 14.02.2020)
3. Hegel G. V. F. Sochineniya, T5: Naukalogiki. [Writings, T5: Science of Logic] М.: Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izdatelstvo, 1937, pp. 813.
4. Pchelkina S. Yu. Antinomii kultury i filosofiya: Istoriya i teoriya antinomichnoy refleksii kultury. [Antinomies of Culture and Philosophy: History and Theory of Antinomial Reflection of Culture] LAP

- LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011, 135 p. – URL: <https://elib.dvfu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000882013>(date of application: 14.02.2020).
5. Delez Zh. Kriticheskaya filosofiya Kanta[Kant's critical philosophy] // Delez ZH., Empirizm i sub"yektivnost: opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: ucheniye o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza. [Empiricism and subjectivity: Hume's experience of human nature. Kant's critical philosophy: the doctrine of abilities. Bergsonism. Spinoza.]M.: PER SE, 2001, pp. 145 – 225.
  6. Kant I. Sochinenia, T. 3: Kritika chistogo razuma. [Writings, Vol. 3: Critique of pure reason.] M.: Mysl, 1964, pp. 799.
  7. Samoylov S. F., Plotnikov, V. V. Kontseptualizatsiya ponyatiy sotsial'nogo i politicheskogo radikalizma i ekstremizma [Conceptualizing the concepts of social and political radicalism and extremism] // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVF Rossii, 2015. № 4 (30), pp. 258-260.
  8. Borozdin A. N. Radikalizm kak sotsial'no-politicheskiy fenomen [Radicalism as a socio-political phenomenon] // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti, 2015. № 6, pp. 12 – 17.
  9. Lotman Yu. M. Izbrannyye stat'i v trekh tomakh. T.1: Statyi po semiotike i topologii kultury. [Selected articles in three volumes. Vol.1: Articles on the semiotics and topology of culture] Tallin: Aleksandra, 1992, 247 p.
  10. Zimmel G. Izbrannoye, T. 1: Filosofiya kultury. [Selected writings, Vol. 1: Philosophy of Culture] M.: Yurist, 1996, 671 p.
  11. Nancy J.-L. Corpus [Corpus] Trans. by E. Petrovsky. Moscow: Ad Marginem, 1999, 255 p.
  12. DeLanda M. A. New Philosophy of Society: assemblage theory and social complexity. London & New York: Continuum, 2006, 160 p.
  13. Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004, 197 p.
  14. Badiou A. Being and event. L.: Continuum, 2006, 526 p.
  15. Habermas J. Vovlecheniye Drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. [Involvement of the Other. Essays on political theory] St. Petersburg: Nauka, 2002, 417 p.
  16. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964, 318 p.
  17. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.: Random House, 1967, 159 p.
  18. Bibler V. S. Ot naukoucheniya - k logike kult'ury. Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek. [From science teaching to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century] Moscow.:Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1991,pp. 414.

УДК 172.4

НАЦИОНАЛИЗМ – КОСМОПОЛИТИЗМ – АНАРХИЗМ: В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Власов А.А.

Российский Государственный Гуманитарный Университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: mioxin@gmail.com

Смена парадигм, переоценка ценностей, переосмысление отношений, находящихся в основе общества, государства и самих условий человеческого сосуществования, – всё это представляет собой отдельные характеристики того, что подразумевает под собой социальная революция. Анархизм, национализм и космополитизм – три социальные концепции, противостоящие друг другу на первый взгляд, но имеющие при более внимательном рассмотрении связи более утончённые и подчас взаимозависимые, которые обусловлены, не в последнюю очередь, неоднозначностью самих этих концептов.

Само понятие социальной революции, возникшее в рамках философии анархизма, уже давно перестало принадлежать только ему и вышло за пределы его политической программы. Следовательно, говоря о социальной революции, необходимо учитывать те возможные интерпретации, которые могут быть отнесены к её современной трактовке. Последовательно раскручивая спираль критического анализа, можно совершить переход от изменений, происходящих внутри отдельного государства-нации, к взаимоотношениям между глобальными акторами, чтобы в итоге обнаружить позицию максимальной критики существующих отношений. Таким образом, анализируя явление социальной революции, можно обратить внимание на появляющийся треугольник понятий, на основании коммуникации которых проявляется актуальный смысл того, что в настоящее время включает в себя эта концепция и почему важно осознать её аксиологическую нагрузку, чтобы представить те социальные изменения, которые могут произойти в обществе при выборе того или иного пути собственного развития.

Ключевые слова: космополитизм, анархизм, социальная революция, национализм.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования настоящей статьи выступает концепция социальной революции, в то время как предметом проведенной работы можно назвать осмысление этого концепта тремя различными моделями политической философии (национализма, космополитизма и анархизма).

Актуальность и Новизна. Актуальность выбранной темы объясняется рядом факторов, среди которых можно выделить, прежде всего, динамическую природу самого понятия «социальная революция», что позволяет рассмотреть этот концепт через призму различных интерпретационных подходов. Кроме того, современный кризис государства, как основополагающего элемента политической философии, приводит к необходимости более глубокого анализа альтернативных моделей развития общества, в рамках которых социальная революция представляется

автором неотъемлемым элементом возможных социально-политических трансформаций. Более того, своевременное осмысление тех изменений, которые происходят в рамках дискурса социальной революции, способно существенно углубить философско-политический анализ и обнаружить новые векторы развития происходящих процессов, поскольку сама концепция «социальной революции» имплицитной заложена в основу функционирования общества, будучи маркером радикальных изменений последнего.

Цель и задачи. В этом отношении, цель настоящей статьи видится в попытке критически отобразить возможные сценарии развития тех отношений внутри общества, которые могут быть определены как элементы потенциальной социальной революции, а также продемонстрировать программную связь этих отношений с политической философией национализма, космополитизма и анархизма. Также, к задачам проведенного исследования можно отнести намерение указать на фактическую подмену исходного понятия, которая происходит в рамках националистического и космополитического проектов, где идея социальной революции служит для оправдания традиционных и консервативных отношений в обществе.

Метод исследования. В ходе проведенного исследования применялись методы политико-философской компаративистики, герменевтические методы (анализ и интерпретация), кроме того, в качестве вспомогательного инструмента анализа использовался исторический подход.

Хронологические рамки. Говоря о хронологических рамках статьи, следует отметить, что основное поле аргументации охватывает период со второй половины XX в. до второго десятилетия XXI в., затрагивая последние разработки исследователей в области политической и социальной философии, а также из сферы международных отношений.

Прежде всего, имеет смысл пояснить, что центральными понятиями в рамках заявленной темы выступают «космополитизм» и «социальная революция» в том смысле, что ключевой вопрос сводится к тому, насколько концепция космополитизма может пониматься как элемент современной социальной революции.

Разумеется, необходимо уточнить, в каком отношении тогда возникают «национализм» и «анархизм» и почему они помещены в равнозначные позиции с «космополитизмом». Ответ заключается в том, что на самом деле эти три концепта воплощают собой три различных прочтения изначальной космополитической идеи.

Как справедливо замечает Карл Леви, исследователь политической философии в Голдсмит Колледже при Университете Лондона, в своей статье «Anarchism and Cosmopolitanism»: «Концепция космополитизма всегда была с лицом Януса» [12, с. 125]. Это связано с тем, что практически с самого своего появления идея космополитизма разделилась на два кардинально противоположных направления: маргинализированный класс политических оппозиционеров государства и либерально-буржуазную прослойку общества, стремящуюся преодолеть границы отдельного политического образования ради максимизации собственной прибыли.

Действительно, можно утверждать, что полемика вокруг значения космополитизма стало центральной точкой раскола в национальной и

международной политической структуре с 1989 г., которое поставило победителей глобализации против проигравших. Таким образом, изначальный водораздел космополитизма проявился с новой силой, придав свежий импульс, казалось бы, неоспоримой ценности демократического мира.

Тем временем, еще одно прочтение космополитизма восходит к Канту и выражается в его идее создания федерации государств, обозначенной в его работе «К вечному миру». Эту концепцию соотносят с существованием определенного уровня глобального управления, ограничивающего суверенность отдельных государств, но при этом без создания единого мирового государства. Также предполагается, что космополитические институты будут сосуществовать с государствами, но по уровню своей власти будут превосходить государства в отдельных сферах деятельности.

И теперь, прежде чем рассмотреть каждый из видов космополитизма, следует ответить на вопрос: «Что подразумевает под собой социальная революция?»

Изначально, социальная революция подразумевала разрыв установленных социальных отношений, который происходил благодаря самому обществу и подразумевал радикальную трансформацию всего спектра привычных общественных отношений и взаимосвязей отдельной группы людей в рамках определенного пространства. Иными словами, она связана с разрушением «старого порядка» существования и функционирования конкретного сообщества. Важно отметить, что сам процесс такого преобразования является «восходящим», что отличает саму идею социальной революции от реформ, которые реализуются сверху вниз посредством политической элиты с целью реорганизации отдельного общества. Таким образом, это «коллективная способность людей коренным образом изменить условия своего существования» [20]. Кроме того, социальная революция не сосредоточена исключительно на захвате власти, но она ищет своей целью наделение властью каждого члена общества, что проявляется как «процесс радикального уравнивания условий и борьбы против всех форм доминирования» [20]. Это именно то, что Корнелиус Касториadis, французский философ и один из теоретиков леворадикальной либертарно-социалистической группы «Социализм или варварство», называет «самоустановлением общества» [18].

С другой стороны, концепция социальной революции зачастую используется для обозначения таких научно-технических, экономических, политических инноваций, что способны вызвать перемены в социальном строе, которые можно будет по праву считать «тихой» социальной революцией. Это, например, интернет, глобализация, создание единого европейского пространства, – явления, которые не просто видоизменили способы коммуникации, но и привели к установлению новых ценностей, как и к появлению нового типа мышления и сознания.

Унификация или «космополитический национализм»

Итак, каким образом космополитический проект превратился в элемент национальной политики и стал тем видом национализма, который претендует на то, чтобы произвести социальную революцию?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к примеру США, как «флагмана»

и главного хранителя либеральных ценностей человечества, чья роль в этом качестве особенно усилилась после событий 11 сентября 2001 г.

В июле 2003 г. премьер-министр Великобритании Тони Блэр, выступая перед Конгрессом США, «развенчал миф» о том, что приверженность свободе воспринимается как продукт западной культуры, и объявил «наши» ценности «универсальными ценностями человеческого духа», выразив тем самым максимально космополитическую позицию [17, С. 8]. В ноябре того же года Джордж Буш-младший (43-й президент США) произнес речь перед британскими политиками в Лондоне, в которой провозгласил, что «экспансия свободы является задачей нашего времени. Это задача нашей страны (*США — В. А. А.*)... веление самой природы... задача Истории... И мы верим, что свобода, которую мы так высоко ценим, далека от того, чтобы быть исключительно для нас самих, но является правом и способностью каждого человека» [17, С. 8].

Спустя год, в ходе предвыборной кампании, он расширил свой тезис, заявив, что Соединенные Штаты Америки призваны возглавить процесс распространения свободы в новом веке, делая акцент на том, что «свобода есть дар, который преподносит Всемогущий мужчинам и женщинам этого мира» [17, С. 8–9]. И наконец, в своей первой речи на посту президента в январе 2005 г. Буш провозглашает, что, «несмотря на то, что на протяжении всей Истории правосудие осуществляется подобно приливам и отливам, присутствует единая проявленная линия, отмеченная свободой и Создателем свободы» [17, С. 9].

Таким образом, можно проследить, как американские национальные ценности были универсализированы и превращены в общечеловеческие, в те ценности, которые предоставляются самой природой и которые, в конечном счете, воплощают собой замысел Творца. Более того, провозглашая свободу и ее распространение как ценность, так и задачей США во благо человечества, Дж. Буш апеллирует к центральной для христианской цивилизации фигуре Бога с тем, чтобы легитимировать политические действия своей страны и получить поддержку всех тех, кто причисляет себя к христианской традиции.

С другой стороны, можно обратиться к экономическому аспекту, подразумевая под этим современный процесс глобализации, также носящий черты товарной (потребительской) унификации. Вполне определенно можно было бы говорить о глобализации как об экономическом космополитизме, в рамках которого предусматривается развитие единого глобального экономического рынка свободной торговли при минимальном участии государств. Однако именно в этой сфере наиболее отчетливо прослеживаются элементы западной национальной политики.

В контексте экономической глобализации, становится интересным отношение 28-го президента США Томаса Вудро Вильсона к развитию коммерческих связей, поскольку это отношение (на которое ссылается Дж. Буш, выстраивая единую политическую линию Соединенных Штатов) достаточно недвусмысленно характеризует весь проект глобализации: «Поскольку коммерция не знает, что такое национальные границы, а торговцы стремятся расширить свой рынок до размеров всей планеты, флаг их страны должен следовать за ними, и следует разрушить все двери, которые нации закрывают у них перед носом. Политическая власть должна

защищать привилегии, полученные за счет экономической силы, даже если будет необходимо нарушить суверенитет непокорных стран. Необходимо добиваться или насаждать колонии, чтобы ни один уголок мира, который мог бы оказаться полезным, не оставался затерянным или неиспользуемым» [17, С. 11].

Таким образом, можно обратить внимание на два момента, которые проявляются в такой «космополитической» политике. Во-первых, это отчетливые тенденции к активному вмешательству в дела «непокорных стран» или, говоря иначе, «упреждающий космополитизм», который выражается в «намеренной попытке создать консенсус в отношении ценностей и поведения – космополитического сообщества – среди различных сообществ» [15, С. 2]. Это выражается, в том числе, в распространении сетевых торговых центров, вследствие чего земельный ресурс отдельных стран используется для развития и распространения американской экономической модели. Второй аспект заключается в том, что возникает вопрос о том, что и почему считать ценностями. Если проанализировать то, что выдают Блэр и Буш за универсальные ценности, то становится понятным, что речь идет о политических интересах и желаниях тех стран, которые они представляют. Таким образом, «космополитические» заявления лидеров США воплощают собой производные от национальной политики, которые тяготеют к максимальному распространению, пусть даже путем «упреждающих» действий. Как пишет Нейл Смит, американский писатель политический активист либертарианского толка: «... [просвещенный либерализм, неотъемлемо присущий] политической экономике Адама Смита, космополитизму Канта, волюнтаризму Руссо, практическому эмпиризму Юма и, конечно, юридической политике частной прав и собственности Джона Локка [не является] политическим антитезисом современного консерватизма, но его позвоночным столбом» [17, С. 13].

Очевидно, что насаждение унифицированных ценностей и вмешательство во внутренние дела суверенных государств не может не отразиться на характере социальных отношений, которые в ходе такого рода политики подвергаются как испытаниям, так и самому существенному пересмотру. С одной стороны, происходит вымывание национальной идентичности и национальных ценностей одних государств; а с другой – насаждение других, но опять-таки национальных ценностей других. Таким образом, можно говорить о социальных изменениях, которые берут свое начало сверху, в сфере международных интересов отдельно взятой страны и ищут своей целью трансформацию устоявшихся отношений между представителями различных государств-наций. Следовательно, и как это сразу бросается в глаза, такого рода космополитизм входит в противоречие с определением социальной революции, источник которой восходит к массам. Однако в нашем примере имеет смысл указать на то, что в реальности существует ряд стран, принимающих и поддерживающих такого рода *экономический космополитизм*, а на индивидуальном уровне существует те, кто разделяет предлагаемую систему ценностей, связывая ее с идеей мирового сообщества. А значит, внутри человеческого общества создается своего рода напряжение, где с одной стороны находятся сторонники такого унифицирующего космополитизма, а с другой – его противники. То есть, потенциально национально-космополитическая политика

отдельного государства способна воздействовать на общество таким образом, что внутри последнего будут зарождаться тенденции к слову автономного существования и национально-ориентированного государства ради включения его в более широкую политическую конструкцию.

Универсализм или космополитический проект Канта

Другим углом обзора космополитизма можно назвать моральный проект Канта, который в своей основе базируется на предложенном философом категорическом императиве [2]. С этой точки зрения, моральные обязанности не ограничиваются границами политических образований, но применимы универсально. Для Канта все люди имеют право на взаимное гостеприимство в любой точке мира, «в силу их права на коммунальное владение земной поверхностью» [4].

Особое внимание имело приложение идей Канта к теории международных отношений, поскольку, будучи в своей основе согласным с позицией Гоббса о существовании естественного состояния и войны всех против всех, Кант предлагает более оптимистический вариант сосуществования различных политических образований. Согласно тому, о чем идет повествование в работе «К вечному миру», задача международных отношений заключается в осуществлении работы, направленной на создание космополитического общества. Также речь идет о предпочтительности создания глобального государства, которое бы смогло объять все народы. Однако, поскольку такое государство рассматривается не как воля самих народов, Кант отвергает идею всемирной республики, но вместо этого предлагает проект стабильной и постепенно расширяющейся федерации, чтобы снять угрозу потенциальной войны как основной проблемы базовых теорий международных отношений.

Важно отметить, что космополитическая идея Канта нашла поддержку у тех теоретиков, которые опровергали неизменный характер системы государств, поскольку мысль Канта можно рассмотреть на трех уровнях. Во-первых, космополитический проект Канта выводит моральные обязательства за ограниченные пределы государства-нации. Во-вторых, этот проект предлагает рассматривать связь между историческими событиями через их содействие глобализму с учетом особой роли политической практики. И в-третьих, Кант предлагает выстроить систему международного институционализма для предотвращения угрозы войны. Таким образом, моральное, историческое и институциональное измерения становятся новым видением форм межгосударственной коммуникации, выходящим за рамки тоталитаризма отдельного государства. Иначе говоря, приложение идей Канта должно было привести к тому, что мировое гражданское общество или универсальная система космополитического управления была бы направлена на уменьшение роли государства-нации как единственного центра законной власти в пределах собственных границ.

Однако следует обратить внимание и на критические моменты, которые проявляются при подробном анализе кантовского космополитизма. В первую очередь, это телеологический взгляд на историю. Далее, это фактический европоцентризм, выступающий под маской универсализма. И в-третьих, в

политической плоскости очевидна постоянная отсылка Канта к модели суверенного национального государства (несмотря на сокращение его политических полномочий), так или иначе положенного в основание космополитической структуры нового порядка.

Тем не менее, именно кантовскую модель космополитизма можно сравнить с проектом современной европейской *мондиализации* (что подразумевает не только единое экономическое, но и социо-культурное и политическое объединение, а также универсализацию общих принципов взаимодействия), то есть с теми процессами, которые происходят в рамках Европейского союза, когда выстраивается не просто единый аппарат управления целым регионом, но и происходит многоуровневая интеграция, которая действительно кардинально изменяет привычную идентификацию граждан ЕС, превращая их из носителей отдельной национальной культуры в представителей общеевропейской традиции. И, хотя этот проект пока что нельзя экстраполировать в его актуальной форме на все социальное пространство планеты, вполне очевидно, что происходит пересмотр отношений между гражданами этой политической структуры, равно как и меняется их отношение к праву пользования землей, а, следовательно, к их принадлежности к отдельной территориальной единице (государству-нации). Однако для современной космополитики остается ряд вопросов, касающихся прав иностранцев, иммигрантов, изгнанных, депортированных, лиц без гражданства или перемещенных лиц, в особенности, когда это связано с теми, кто попадает в *европейский космополис* из территориального пространства, не входящего в состав единой политической сферы. Иначе говоря, остается открытым вопрос о всеобщем гостеприимстве, поскольку оно остается избирательным и достаточно условным (поскольку национальное государство а не другая политическая единица, определяет и обеспечивает соблюдение законов, касающихся того, кто может воспользоваться правом гостеприимства, а кто – нет). Таким образом, хотя кантовская формулировка космополитического идеала являет действительную попытку выхода за границы системы из государств-наций, она представляет собой крайне ограниченную парадигму, в которой суверенитет государства остается все-таки неизменным [6, С. 101].

Эгалитаризм или «анархический космополитизм»

Анархистская точка зрения на космополитизм может быть плодотворно применена к различным подходам, которые процветали в политической теории, социологии и истории после окончания Холодной войны. Но, прежде рассмотрим возрождение (или даже перерождение) кантовского проекта в его анархическом прочтении. Идея создания федерации безусловно сближает кантовский и анархистский проекты политического реформирования. Хотя при этом стоит учитывать, что скрытые темы основной линии кантовского космополитизма были отмечены анархистскими и радикальными критиками. Костас Дузинас (греческий политический деятель и директор-основатель Института Гуманитарных Исследований Исследований в Биркбеке, Англия) и Ноам Хомский (профессор лингвистики Массачусетского технологического института, политический

публицист, философ и теоретик) подчеркивают первые про-государственные предпосылки кантовского космополитического проекта: режимы законов о правах человека, права беженцев и суды с глобальной юрисдикцией, направленные на содействие гегемонистским державам [12, С. 131].

То есть, анархизм, оказываясь в оппозиции как к национализму, так и к либерализму, делает акцент не на универсализации какого-либо рода отношений или ценностей, но на их максимальной дифференциации.

Здесь интересно обратить внимание на то, как Мэри Калдор (британский академик и одна из ключевых фигур развития теории космополитической демократии) [10] описывает процессы, создающие космополитизм сверху, в форме международных организаций, сложных партнерств и соглашений о сотрудничестве между государствами; и процессы, создающие космополитизм снизу через деятельность транснациональных социальных движений. Тот факт, что люди могут развивать свою роль и идентичность в качестве национальных граждан при непосредственном участии в политической деятельности, направленной на выход за пределы национального государства, указывает на особое понимание космополитизма теми людьми, которые выражают свои политические интересы.

Таким образом, эта деятельность напрямую связана с усилением значения социального взаимодействия и ослаблением роли государства, что демонстрирует не только программные точки анархизма, но и сопрягает этот вид социальной активности с базовым определением социальной революции, беря свое начало в среде масс населения, а не в плоскости правящей элиты. И в то время, как для либеральных кругов космополитизм означает видение глобальной демократии и мирового гражданства, для других он указывает на возможности формирования новых транснациональных структур для установления связей между социальными движениями.

На более непосредственном уровне, чем глобальные политические программы, концепция такого рода космополитизма применяется для описания разнообразных интересов политических субъектов, формирующих отдельные социальные образования. Используя эту интерпретацию, Дэвид Холлинджер (член Американской академии искусств и наук и Американского философского общества) предполагает, что «космополитизм более ориентирован на индивида, который понимается как член ряда различных сообществ одновременно» [9, С. 86]. В свою очередь, Митчелл Коэн (профессор политологии в Барух Колледже, США) также выступает за понимание космополитизма как «многомерной концепции политического общества и человеческих отношений, которая подразумевает важный принцип: легитимность принадлежности к множеству социальных формаций» [5, Р. 482]. Таким образом, можно заключить, что речь идет о создании коллективного субъекта (*Мы*), который выражает собой активный социальный организм, а не привычные для капиталистического порядка интересосубъективные связи (множественных *Я*), сводящиеся к взаимодействию эгоистичных деятелей.

На самом деле этот взгляд на космополитизм является довольно древним. Его можно проследить от древнегреческих стоиков, а точнее, их тезиса о том, что «мы думаем о себе не как о лишенных местной принадлежности, но как об окруженных

рядом концентрических кругов» [13, С. 4]. С этой точки зрения, каждый *круг* представляет различный уровень принадлежности или идентификации: от самого себя, семьи, группы, города и страны до всего человечества. Соответственно, конкретные политические интересы человека и его деятельность неизбежно переходят из одного *круга* в другой. При этом современные процессы, такие как диаспорическая идентификация и возрастающее значение политики идентичности, привели к увеличению количества интересов людей и их принадлежностей, вокруг которых одно и то же лицо может в тот или иной момент мобилизоваться политически [19].

Возвращаясь к космополитической политике в этом понимании, можно отметить, что она подчеркивает и поощряет наличие у людей многократных связей. И в этом ключе политические институты, обслуживающие структуру накладывающихся друг на друга взаимосвязей, будут включать гражданские и добровольные ассоциации, сети и коалиции, обеспечивающие выражение различных интересов и мнений [15].

Кроме того, стоит указать на то, что наряду с наличием множественных идентификаций либертарное видение космополитизма предполагает, что члены *космополитической* федерации воплощают в себе уникальный взгляд или способ взаимодействия с миром. В этом отношении можно привести точку зрения Ульфа Ханнерца (профессора социальной антропологии Стокгольмского Университета), который рассматривает космополитизм как «перспективу, состояние души или – с более процессуальной точки зрения – способ управления значением» [8, С. 238]. Далее, Ханнерц развивает свою мысль, уточняя, что «перспектива космополита должна приносить с собой отношения со множеством культур» [8, С. 239], и это, в свою очередь, влечет за собой «прежде всего ориентацию и готовность взаимодействовать с *Другим*. Это интеллектуальная и эстетическая позиция открытости к различным культурным переживаниям» [8, С. 239]. Космополитизм здесь представляет собой стремление к культурному разнообразию, а его понимание в таком ключе Пьер-Андре Тагиефф (французский философ и политолог) называет «гетерофилией» [14]. Следовательно, можно проследить, что *культурное разнообразие* и *открытость к различным культурным переживаниям* представляют собой раскрытие анархистской идеи о равном (в отношении своих прав), но разном (гетерогенном) сообществе, в котором *Другой* выступает не чуждым носителем иных ценностей, но так или иначе входит в состав тех *кругов*, из которых складывается единый коллективный субъект.

Очевидно, что космополитическая программа анархизма наиболее близка концепту социальной революции. При этом, принимая во внимание, то обстоятельство, что, как предполагается, участники социальных отношений устанавливают между собой связи на базе *кругов*, членами которых они выступают, то получается, что переосмысливается сама структура общества. Таким образом, *анархический* космополитизм предполагает не просто изменение установленного порядка, когда из социального измерения исключается как основной субъект государство, но по сути – социальную революцию внутри самого общества.

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, можно указать на то, как в рамках того или иного направления политической философии концепция социальной революции распадается на экономический, политический или социальных элементы, очерчивая тем самым доминирующие векторы отношений, предполагаемые каждой из приведенных интерпретаций исходного концепта. Более того, можно обнаружить, каким образом базовое определение «социальной революции» как радикальных социальных трансформаций, берущих свое начало непосредственно из самого общества, подменяется интересами государства (в случае национализма) или межгосударственных институтов (в случае космополитизма), которые провозглашаются общественными. В этой связи, политическая программа анархизма выступает референтным маркером, для сопоставления двух предыдущих типов интерпретации «социальной революции» с ее исходным концептом, берущим свое начало именно в основаниях либертарной философии и возвращающего нас в поле социального и интересубъективного, что может быть рассмотрено в качестве действительно универсальной среды для последующей разработки исследуемой концепции.

Список литературы

1. Кант И., Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Сочинения в шести томах / И. Кант; пер. с нем. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6, 743 с.
2. Кант И., Критика практического разума / И. Кант; пер. с нем. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.
3. Кант И., К вечному миру. Сборник / И. Кант; пер. с нем. – М.: Рипол-классик, 2018. – 434 с.
4. Caranti L. How cosmopolitanism reduces conflict: A broad reading of Kant's ingredient for a peace // *Journal of International Political Theory*, 2018, Vol. 14 (I), pp. 2–19.
5. Cohen M. Rooted Cosmopolitanism: Thoughts on the Left, Nationalism and Multiculturalism. *Dissent*, 1992, Fall, pp. 478–483.
6. Derrida J. *Adieu To Emmanuel Levinas*. California, Stanford University Press, 1999, 168 p.
7. Derrida J. *On Cosmopolitanism and Forgiveness (Thinking in Action)*. Padstow, Routledge, 2002, 78 p.
8. Hannerz U. Cosmopolitans and Locals in World Culture. *Global Culture*, 1990, Vol. 7 (II-III), pp. 237–252.
9. Hollinger D. A. *Postethnic America: Beyond Multiculturalism*. New York, Basic Books, 1995, 312 p.
10. Kaldor M. *Cosmopolitanism versus Nationalism: The New Divide? Europe's New Nationalism: States and Minorities in Conflict*. Oxford, Oxford University Press, 1996, pp. 42–58.
11. Kant I. *Political writings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, 309 p.
12. Levy C. *Anarchism and Cosmopolitanism*. The Palgrave Handbook of Anarchism. Cham Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 125–148.
13. Nussbaum M. *The Therapy of Desire – Theory and Practice in Hellenistic Ethics*. New Jersey, Princeton University Press, 1994, 558 p.
14. Taguieff P.-A. *The New Cultural Racism in France*. *Telos*, Vol.83, 1990, pp. 109–122.
15. *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context and Practice*. Steven Vertovec and Robin Cohen eds., Oxford, Oxford University Press, 2002, 328 p.
16. Appiah K. A. *Cosmopolitismo. La Éica en un Mundo de Extraños*. Madrid, Katz ed., 2018, 242 p.
17. Harvey D. *El Cosmopolitismo y las Geografías de la Libertad*. Madrid, Akal, 2017, 346 p.
18. Cornélius C. *L'institution Imaginaire de la Société*. Paris, Le Seuil, 1975, 498 p.
19. Garcia T. *Nous*. Paris, Grasset, 2016, 307 p.
20. Hyat S. *Rendre visible la révolution sociale*. URL: https://www.liberation.fr/debats/2015/10/22/rendre-visible-la-revolution-sociale_1408141 (Дата обращения: 24.10.2019).
21. Граевский В. Анархизм и Космополитизм. URL: <https://aitrus.info/node/4435> (Дата обращения: 24.10.2019).

Vlasov A.A. Nationalism – Cosmopolitanism – Anarchism: the Search for a Social Revolution // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 70–80.

Paradigm shifts, reassessment of values, rethinking of the relations, which constitute the society, the State and the coexistence of people, — all these factors, represent separate characteristics of what a social revolution means. Anarchism, nationalism and cosmopolitanism are three social concepts that are opposed to each other at first glance, but, with a closer scrutiny, they tend to have a more sophisticated and sometimes interdependent relationships which are determined, not least of all, by the ambiguity of these concepts. This concept, which arose within the framework of the philosophy of anarchism, has long ceased to belong only to that philosophical approach and has gone beyond the limits of its political program. Consequently, speaking about the social revolution, it is necessary to take into account those possible interpretations that can be attributed to the modern reading of this concept. Consistently spinning the spiral of critical analysis, it becomes possible to make a transition from changes occurring within a separate nation-state to the relationship between global actors, in order to finally discover the position of maximum criticism towards existing relations.

Keywords: social revolution, anarchism, cosmopolitanism, nationalism.

References

1. Kant I. Ideya vseobschey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Point of View]. *Sobranie sochinenij v shesti tomah* [Collected Works in Six Volumes], M., Misl, 1966, Vol. 6, 743 p.
2. Kant I. *Critica prakticheskogo razuma* [The Critique of Practical Reason], SPb, Nauka, 1995, 528 p.
3. Kant I.K. *vechnomu miru* (1795) [Perpetual Peace: A Philosophical Sketch], M., Ripol-classik, 2018, 434 p.
4. Caranti L. How cosmopolitanism reduces conflict: A broad reading of Kant's ingredient for a peace, *Journal of International Political Theory*, 2018, Vol. 14 (I), pp. 2–19.
5. Cohen M. Rooted Cosmopolitanism: Thoughts on the Left, Nationalism and Multiculturalism, *Dissent*, 1992, Fall, pp. 478–483.
6. Derrida J. *Adieu To Emmanuel Levinas*, California, Stanford University Press, 1999, 168 p.
7. Derrida J. *On Cosmopolitanism and Forgiveness (Thinking in Action)*, Padstow, Routledge, 2002, 78 p.
8. Hannerz U. *Cosmopolitans and Locals in World Culture*, *Global Culture*, 1990, Vol. 7 (II-III), pp. 237–252.
9. Hollinger D. A. *Postethnic America: Beyond Multiculturalism*, New York, Basic Books, 1995, 312 p.
10. Kaldor M. *Cosmopolitanism versus Nationalism: The New Divide?*, *Europe's New Nationalism: States and Minorities in Conflict*, Oxford, Oxford University Press, 1996, pp. 42–58.
11. Kant I. *Political writings*, Cambridge, Cambridge University Press, 1991, 309 p.
12. Levy C. *Anarchism and Cosmopolitanism*, *The Palgrave Handbook of Anarchism*, Cham Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 125–148.
13. Nussbaum M. *The Therapy of Desire – Theory and Practice in Hellenistic Ethics*, New Jersey, Princeton University Press, 1994, 558 p.
14. Taguieff P.-A. *The New Cultural Racism in France*, *Telos*, Vol.83, 1990, pp. 109–122.
15. *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context and Practice*, Steven Vertovec and Robin Cohen eds., Oxford, Oxford University Press, 2002, 328 p.
16. Appiah K. A. *Cosmopolitismo. La Éica en un Mundo de Extraños*, Madrid, Katz ed., 2018, 242 p.
17. Harvey D. *El Cosmopolitismo y las Geografías de la Libertad*, Madrid, Akal, 2017, 346 p.
18. Cornélius C. *L'institution Imaginaire de la Société*, Paris, Le Seuil, 1975, 498 p.
19. Garcia T. *Nous*, Paris, Grasset, 2016, 307 p.
20. Hyat S., *Rendre visible la révolution sociale*, URL: https://www.liberation.fr/debats/2015/10/22/rendre-visible-la-revolution-sociale_1408141 (Accessed: 24 October 2019).
21. Graevskiy V. *Anarkhizm i Kosmopolitizm* [Anarchism and Cosmopolitanism], URL: <https://aitrus.info/node/4435> (Accessed: 24 October 2019).

УДК 32.001:316.774-053.81(5-15)

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ НА ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ СОБЫТИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Донцова М.В.¹ Говорухина К.А.² Телятник Т.Е.³

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

E-mail: ¹dontsova_79@list.ru; ²kereana@mail.ru; ³neptuneus@yandex.ru

В статье говорится об особенностях восприятия студенческой молодежью событий на Ближнем Востоке, освещаемых современными средствами массовой информации. Авторами статьи организован и проведен социологический опрос в нескольких вузах города Краснодара, в ходе которого были обозначены основные концепты, касающиеся проблемы доверия молодежи к информации из различных СМИ, в том числе Интернет-источников. Результаты исследования позволили определить уровень информированности студентов; СМИ, являющиеся основными источниками получения информации, и зависимость оценок от основных источников информации.

В ходе исследования кроме социологического метода использовались междисциплинарные подходы, методы статистического анализа, а также системный, сравнительный и структурно-функциональный подходы.

Результаты социологического опроса представляют интерес для научного сообщества. Данные опроса могут быть использованы для изучения аспектов ее отражения в различных видах СМИ и степени влияния СМИ на восприятие конфликта. Полученные данные проведенного исследования могут быть использованы для составления рекомендаций органам государственной власти и образовательных учреждений по вопросам воспитания и обучения студенческой молодежи.

Ключевые слова: события на Ближнем Востоке; студенческая молодежь; современные средства массовой информации; влияние СМИ на молодежь; информационные технологии.

«Большим» или «расширенным» Ближним Востоком с 90-х годов исследователи считают территориальное пространство от Северной Африки до Пакистана, включающее Персидский залив, Палестину, Центральную Азию, Кавказ. Современный Ближний Восток является глобальным узлом противоречий, продолжающим порождать новые вызовы безопасности.

В рамках данного исследования были рассмотрены следующие государства, выступающие в качестве акторов структуры международных отношений и входящие в Ближневосточный регион: Израиль, Сирия, Палестина, Турция. Традиционно в исследуемом регионе ведущие роли играют Саудовская Аравия, Турция и Иран. Также влияют на эскалацию конфликтных ситуаций Израиль, Египет, Иордания и страны Ближневосточного Залива.

Изучение и анализ проблем многоуровневых конфликтных взаимоотношений в государствах Ближневосточного региона могут способствовать более активному

поиску компромисса в урегулировании ситуации, а также объективному пониманию последствий, влияющих на геополитические изменения в глобальном масштабе. В условиях возрастающей угрозы трансграничного терроризма, сложной модификации конфликтов, сопровождающихся революциями и сменой власти, продолжают оставаться значимыми традиционность и архаика обществ Ближнего Востока и Центральной Азии.

Начиная с 2010 года на Ближнем Востоке начались процессы, приведшие к «арабской весне» и впоследствии к затяжным гражданским войнам с иностранным вмешательством, к ослаблению или даже разрушению государственности и гуманитарным катастрофам.

Так называемое «арабское пробуждение» неизбежно повлекло за собой геополитические трансформации, частичные или полные отключения Интернета и даже мобильной связи. Немаловажно отметить, что в процессе протестных акций использовались такие методы гражданского сопротивления как шествия и митинги, забастовки, демонстрации, а для организации информирования и общения не обошлось без социальных медиа и интернет-цензуры. Уже сложившиеся на тот момент свои полномочия главы нескольких арабских государств понимали какова сила средств связи в организации революционных, повстанческих действий.

Особенностью современного мирового порядка является доминирование информационных технологий во внешней и внутренней политике государств. Акторами данного процесса интенсивно разрабатываются доктрины ведения информационной борьбы с помощью СМИ и Интернета, что является необходимостью для осуществления политического влияния на население стран, выступающих объектом давления со стороны государств-агрессоров. Специалисты отмечают интенсивное внедрение в национальные секторы онлайн-пространства государств-мишеней со стороны ведущих западных стран. Такое информационное воздействие становится важной составляющей современного политического управления в рамках глобальных процессов функционирования политической власти.

Наиболее уязвимым сегментом населения этих государств может быть молодежь как социальная группа, для которой характерны, с одной стороны, активный поиск своего места в жизни, перспектив в карьерном и профессиональном росте, а с другой стороны – низкий уровень толерантности, неустойчивость психики, подверженность влиянию, внутренняя противоречивость. Наиболее активной и прогрессивной частью молодежи является студенчество. По мнению Б. Рубина и Ю. Колесникова, студенчество – это мобильная социальная группа, «основным условием которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению высокой профессиональной и социальной роли в материальном и духовном производстве» [1].

Особый интерес в рамках данного исследования представляет оценка российским студенчеством (г. Краснодар) происходящих событий на Ближнем Востоке. Одна из первостепенных исследовательских задач заключается в выявлении степени доверия к информации из различных СМИ, касающихся темы Ближнего Востока, и освещения происходящих событий. Выполнение указанной

задачи последовательно поможет определить степень информированности о событиях в изучаемом регионе, узнать особенности восприятия стран Ближневосточного региона; выявить мнение молодежи о роли России в урегулировании конфликтных ситуаций и проведении миротворческих операций.

Примечательно, что студенты, несмотря на популярность Интернета в своей среде, в качестве одного из источников информации используют телевизионные информационно-аналитические программы. В системе СМИ телевидение и телевизионная продукция являются достаточно самостоятельными источниками, форму и содержание которых, а также их особую природу, необходимо исследовать системно и последовательно [2]. Так, по итогам 11 месяцев 2017 года среднесуточная доля зрителей канала «Россия-1» среди всех зрителей старше четырех лет составила 13%. По этому показателю телеканал продолжает оставаться самым популярным в стране. целевая аудитория канала – это в основном зрители старше 25 лет. В январе–ноябре 2017 года среднесуточная доля канала увеличилась до 14,1%. Аналогичный показатель «Первого канала» за этот же период – 12,8% [3].

Каждый раз ученые, изучающие новые поколения молодых, будто сталкиваются с *terraincognito* – некой новой загадкой. Как верно заметил один из экспертов в этой области М.И. Ильинский, «молодежь – своего рода социальный аккумулятор и конденсатор тех трансформаций, которые всегда постепенно и потому незаметно для общего взора происходят в глубинах общественной жизни, ускользая от внимания большинства. Это критические взгляды и настроения в отношении существующей действительности, новые идеи и та энергия, которые особенно нужны в момент коренных реформ. При этом молодежь одновременно и сила, способная активно созидать новое, и взрывной разрушительный материал» [4].

Молодежь – это та социальная группа, в которой происходит активное принятие и впитывание установок и ценностей, которые преобладают в обществе. Примечательно отсутствие критицизма и несогласия, свойственных для этого возраста.

Информационные технологии быстро расширяют коммуникативное пространство в сфере международных отношений. Эти процессы сказываются на динамике изменений роли институтов, а также на происходящих мировых политических событиях, предопределяющих свойства и особенности конструируемых политических акторов, которые выступают в качестве коммуникативных ресурсов глобальной политики [5, С.112].

Результаты общероссийских социологических исследований показывают средний удельный вес заинтересованности молодежи внешнеполитическими сюжетами. Так, по данным еженедельного опроса «ФОМнибус» (8–9 июня 2019 г.), указали, что следят за внешней политикой России 30% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет [6]. Согласно опросу ФОМ 2017 г., около половины респондентов в возрасте 18–30 лет (47%) указали, что следят за событиями в Сирии. При этом 48% одобряют вмешательство России в военный конфликт в этой стране [7]. Таким образом, молодежь проявляет заинтересованность к проблемам Ближнего Востока и роли России в урегулировании конфликтов на данном направлении внешней политики.

Для определения восприятия ближневосточной проблематики авторами исследования был проведен опрос студенческой молодежи в ключевых вузах г. Краснодара (Кубанский государственный университет, Кубанский государственный политехнический университет, Кубанский государственный медицинский университет). Всего было опрошено 283 чел. в равных пропорциях по указанным вузам. Выборка репрезентативна по полу и возрасту: 138 чел. (49,1%) составляют мужчины и 143 чел. (50,9%) женщины. Средний возраст опрошенных составляет $21,3 \pm 4,7$ лет (min=18, max=27). Опрашивались студенты очной формы обучения бакалавриата.

Результаты опроса показывают, что в целом молодежь проявляет интерес к событиям в мире (положительный ответ на вопрос: «Интересуетесь ли Вы событиями, происходящими в мире?» – суммарно составил 95%). При этом одна половина студентов (52%) интересуется только значимыми событиями, а другая (43%) – активно следит за происходящим в стране и мире. Не интересуются ничем меньшинство (5%). Высокий показатель заинтересованности событиями в мире опровергает утверждение об аполитичности современной российской молодежи, которая по факту является активным потребителем информации, особенно из Интернет-источников. События на Ближнем Востоке также в той или иной степени вызывают интерес, но число тех студентов, кто не интересуется новостями, касающимися данного региона, заметно больше – 26%.

Согласно полученным данным, наиболее популярным ТВ-каналом среди студенческой молодежи г. Краснодара является «Россия-1», что соответствует описанному выше статистическим данным [8]. Именно из новостей данного канала большинство опрошенных (49%) предпочитают узнавать о событиях в целом в мире, и на Ближнем Востоке в частности. На втором месте канал «Россия-24» (33%). Почти треть опрошенных (29%) ТВ вообще не смотрят, предпочитая узнавать о событиях из других источников, главным образом из интернета. Первый канал смотрит пятая часть опрошенных (18%), причем 2/3 зрителей Первого канала смотрят и канал «Россия-1». Примерно та же ситуация наблюдается и среди зрителей канала «Россия-24» и других каналов, особенно «Звезда», «Мир» и «ТВ-центр», подавляющее большинство молодых зрителей которых также смотрят канал «Россия 1». Указали, что смотрят Евроновости – 6%, CNN и русскую службу BBC – 3%.

В пятерку наиболее предпочитаемых кубанской студенческой молодежью новостных интернет-источников вошли такие информационные порталы как Новости google, РИА Новости, сайты центральных российских каналов (ОРТ, Россия-1, НТВ и т.д.) (рис. 1).

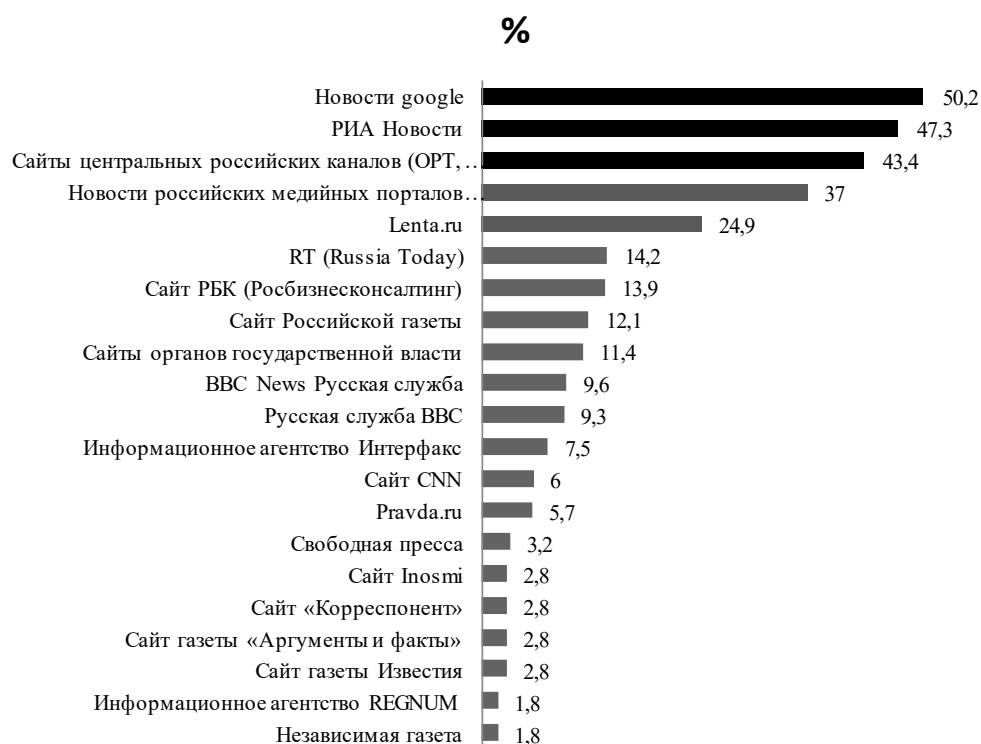

Рис. 1. Популярность новостных интернет-порталов среди студенческой молодежи Кубани (в % от общего количества опрошенных, вопрос поливариативного типа, указано относительное число положительных откликов по каждому из перечисленных источников информации).

Для дальнейшего анализа полученных результатов социологического исследования респонденты были разделены на равноценные кластерные группы по информационным предпочтениям:

1. Зрители канала «Россия-1» (49%);
2. Зрители других ТВ-каналов (51%);
3. Читатели новостей google (50%);
4. Читатели информационного портала «РИА Новости» (47%);
5. Пользователи сайтов центральных каналов ТВ (43%).

Важную роль в процессе анализа влияния информационных источников на сознание молодежи является уровень доверия данным источникам. В процессе опроса респондентам был задан вопрос: «Как Вы думаете, какие из перечисленных источников информации освещают события на Ближнем Востоке наиболее правдиво, объективно и вызывают у Вас доверие?»

В целом студенческая молодежь демонстрирует довольно низкий уровень доверия перечисленным источникам информации, за исключением тем, которые они указали в качестве предпочитаемых. Но даже каналу «Россия-1» доверяет только половина опрошенных из числа зрителей данного канала. Первый канал значительно проигрывает по уровню доверия во всех кластерных группах. Наименьшее доверие к информации о событиях на Ближнем Востоке выказали зрители, которые не смотрят канал «Россия-1» (табл. 1).

Таблица 1

Уровень доверия различным источникам информации, освещающим ситуацию на Ближнем Востоке в зависимости от принадлежности к кластеру среди потребителей различных каналов информации*

Информационные источники	Категория потребителей каналов информации				
	Кластер 1. Зрители «Россия-1»	Кластер 2. Зрители других ТВ каналов	Кластер 3. Читатели новостей google	Кластер 4. Читатели портала РИА Новости	Кластер 5. Пользователи сайтов центральных каналов
ТВ каналы					
Первый канал	16,2	7,9	13,9	17,4	18,3
Россия-1	52,2	10,8	32,8	43,2	47,5
НТВ	19,1	7,9	15,3	17,4	20,0
Россия-24	33,8	12,9	21,9	30,3	34,2
Пятый канал	5,9	1,4	5,1	4,5	7,5
Рен-ТВ	4,4	2,2	2,9	2,3	5,8
Евроновости	3,7	5,8	5,8	4,5	5,0
CNN	3,7	7,2	5,8	6,1	5,8
РБК	5,9	6,5	6,6	8,3	9,2
ВВС News	5,1	10,1	8,8	7,6	7,5
Интернет-источники					
Новости google	24,3	16,5	31,4	20,5	28,3
РИА Новости	33,1	20,1	24,8	46,2	34,2
Lenta.ru	8,1	17,3	10,9	14,4	8,3
Вести.ру	14,0	3,6	9,5	9,1	9,2
CNN	5,9	7,9	7,3	6,8	7,5
Сайты центральных каналов (ОРТ, Россия-1, НТВ)	24,3	7,9	17,5	18,2	28,3
Интерфакс	4,4	3,6	2,9	6,1	6,7
РБК	8,1	6,5	10,2	9,8	10,0

Влияние современных сми на восприятие студенческой молодежью событий на ближнем востоке (по материалам социологического опроса)

Официальные сайты органов власти	7,4	4,3	4,4	6,1	8,3
Российские медийные порталы (yandex, mail, rambler)	11,0	<u>11,5</u>	10,2	13,6	11,7
Рос газета	5,9	4,3	5,1	6,1	5,8
BBC News	2,9	7,2	4,4	4,5	5,8

*В таблицу включены только те источники, доверие к которым выразили более 5% участников опроса всех кластерных групп. Указано относительное число положительных откликов в кластерных группах на вопрос поливариативного типа («Как Вы думаете, какие из перечисленных ТВ каналов/интернет-источников освещают события на Ближнем Востоке наиболее правдиво, объективно и в целом вызывают у Вас доверие?») по каждому из перечисленных в вопросе информационных источников. За 100% принимается сумма положительных и отрицательных откликов для каждого источника информации в представленных категориях респондентов

В целом молодежь больше всего доверяет информации о ситуации на Ближнем Востоке, освещаемой на канале «Россия-1». На втором месте информационный портал «РИА Новости», на третьем – новостной канал «Россия-24».

Согласно полученным данным, наиболее информированными о сирийском кризисе оказались молодые зрители канала ВВС и интернет-портала Lenta.ru, читатели Российской газеты – о ситуации в Израиле и Палестине. Зрители канала «Россия-1» имеют средний уровень информированности о ситуации в ближневосточном регионе – 2,5 балла в среднем по группе из 5-ти возможных.

Важно отметить, что согласно результатам корреляционного анализа, студенческая молодежь, которая демонстрирует более высокие показатели по уровню информированности о ситуации на Ближнем Востоке в целом и в Сирии, в частности, больше склонна к мнению, что в СМИ, когда речь идет о событиях в рассматриваемом макрорегионе, чаще говорят о стремлении к миру, попытках урегулировать ситуацию. И, с другой стороны, их менее информированные коллеги в СМИ чаще встречают информацию негативного характера – о конфликтах, столкновениях. Также уровень информированности оказывает существенное влияние и на оценки молодежи относительно динамики развития ситуации на Ближнем Востоке: чем выше информированность, тем больше склонность к оптимистичным выводам – «события развиваются в положительном направлении, ведут к стабилизации ситуации».

Таблица 2

Темы, которые с точки зрения студенчества чаще всего освещаются в СМИ, когда речь идет об отдельных странах Ближневосточного региона (в % от общего количества опрошенных*)

Темы	Страны Ближнего Востока		
	Сирия	Палестина	Израиль
1. Дипломатические отношения, переговоры	18,9	13,9	24,2
2. Вооруженные столкновения, нападения	59,1	31,3	23,8
3. Гуманитарные миссии, помощь	47,3	12,8	10,0
4. Страдания людей, похищения людей, убийства	40,9	23,1	12,5
5. Достижения в борьбе терроризмом, в том числе ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация)	39,1	10,0	10,7
6. Религиозные конфликты	17,1	25,3	28,5
7. Попытки урегулировать ситуацию	29,2	18,5	19,9
8. Террористические акты, использование химоружия	29,9	11,0	9,3
9. Темы культуры и образования	3,9	9,6	13,5
10. Политическое противоборство, борьба за влияние	11,4	13,5	17,8
11. Торговля природными ресурсами (нефть, газовые потоки)	10,0	7,5	8,9
12. Провокации, обвинения	14,6	13,9	18,5
13. Межгосударственные контакты официальных лиц	9,6	8,2	10,3
14. Военное вмешательство со стороны России, военное присутствие	32,4	8,5	8,2
15. Военное вмешательство со стороны США, военное присутствие США	29,9	12,5	12,1
16. Действия, интересы России в этом регионе	23,1	7,8	7,1
17. Действия, интересы США в этом регионе	20,3	13,9	9,3
18. Действия лидеров стран Ближнего Востока	9,6	9,3	12,1
19. Политика / действия Дональда Трампа	19,2	9,6	9,6
20. Политика /действия В.В. Путина	31,0	8,9	9,6

*Указано относительное число положительных откликов на вопрос поливариативного типа («Какие конкретно темы чаще всего освещаются в СМИ, когда речь идет об отдельных странах Ближневосточного региона?») для каждой из перечисленных тем, относящихся к ситуации в Сирии, Палестине и Израиле.

Согласно данным табл. 2, по мнению респондентов, наиболее освещаемыми в СМИ являются темы, связанные с вооруженными столкновениями и нападениями в Сирии и Палестине (59,1% и 31,3%, соответственно), а также со страданиями и

похищениями, убийством людей (Сирия – 40,9%), и действия, направленные на оказания помощи, гуманитарные миссии (Сирия – 47,3%). Ситуация в Израиле и Палестине воспринимается молодежью как конфликтная: СМИ чаще всего транслирует информацию о религиозных конфликтах и вооруженных столкновениях. Попытки урегулирования ситуации посредством дипломатических переговоров чаще освещаются в СМИ, когда речь идет об Израиле, в то время как ситуация в Палестине раскрывается в основном через демонстрацию страданий людей.

Тема сирийского конфликта имеет сложносоставной характер. С переходом от «арабской весны» к «арабской зиме» в странах Ближнего Востока и Северной Африки начались процессы девестернизации, усугубилась политическая и социально-экономическая нестабильность, возрос религиозный экстремизм, все чаще стали происходить локальные вооруженные столкновения. Следствием «арабской зимы» определенно точно можно назвать обострившийся еще в 2015 году европейский миграционный кризис.

В связи с тем, что в конфликт, по ходу развития событий, были вынуждены вступить ряд международных организаций и государств, многие эксперты и специалисты по ближневосточным вопросам называют его как опосредованную войну между региональными державами. Кроме того, современные аналитики считают, что в зависимости от завершения сирийского конфликта, будет определено будущее не только самой Сирии, но и в целом расстановка сил на Ближнем Востоке, а также успехи борьбы с терроризмом и формирование структуры нового мирового порядка.

Что касается связи между оценками развития ситуации в ближневосточном регионе и доверием к различным информационным источникам, то студенты, которые выражали доверие ТВ-каналу «Россия-1», «Россия-24» более оптимистичны в своих оценках последних событий на Ближнем Востоке с точки зрения их последствий, чем зрители иных каналов.

Негативную картину развития ситуации на Ближнем Востоке («события ведут к усугублению ситуации, усилению противостояния между странами») отметили читатели новостных порталов Lenta.ru, Google, и, как ни странно, Российской газеты, посетители сайтов органов российской власти и зрители Первого канала. Напротив, большинство молодых зрителей ТВ каналов «Рен-ТВ», «Россия-1», «Россия-24», «НТВ», RT, а также пользователи новостного интернет-портала «РИА Новости» в большинстве случаев склонны к мнению, что события на Ближнем Востоке имеют позитивную динамику.

Также можно отметить, что зрители ТВ-канала «Россия-1» и читатели портала «РИА Новости» более одобрительно относятся к миротворческим действиям и военным операциям России на Ближнем Востоке, чем те студенты, которые к этим источникам информации не обращаются.

Среди молодых зрителей канала «Россия-1» по сравнению со студентами, отдающими предпочтение другим каналам, достоверно чаще встречалось мнение, что США – это «хищник и опасный сосед». Также наблюдаются статистически значимые различия в видении России: большинство молодых зрителей популярного

среди молодежи канала «Россия-1» видят нашу страну как защитника, а зрители других каналов – как партнера. Интерес представляют и другие исследования по схожей тематике – «чем моложе респонденты, тем устойчивее в их среде представление о России как о великой державе, с мнением которой считается весь мир» [9].

Большинство зрителей канала «Россия-1» считают, что конфликты, противостояния в странах Ближнего Востока закончатся, когда уничтожат все террористические организации, в то время как среди молодежи, которая предпочитает смотреть другие каналы, доминирует очень пессимистичное мнение – «нет таких условий, вряд ли конфликты придут к концу».

Ситуация на Ближнем Востоке сегодня продолжает оставаться мало предсказуемой. Вопросы урегулирования возникающих кризисных ситуаций откладываются на неопределенный срок или приобретают новый проблемный характер. Уже не первый год ядром региональной нестабильности является Сирийская Арабская республика. Несмотря на некоторые достигнутые соглашения о прекращении огня между оппозиционными силами, действия по мирному урегулированию при посредничестве ООН, России, Ирана, Турции приводят к ожидаемым результатам с переменным успехом. Отражение этих событий в средствах массовой информации оказывает влияние на формирование представлений о мировых политических процессах. Сирийский кризис в сознании молодежи может быть преодолен, однако, реальную помощь в стабилизации ситуации, в представлении студенчества, оказывают не межгосударственные контакты официальных лиц и дипломатические переговоры, а гуманитарные миссии и достижения в борьбе с терроризмом, в частности с запрещенной в России террористической организации ИГИЛ. Одну из основных ролей в этом процессе играет российское военное присутствие и политика Президента В.В. Путина.

Результаты опроса студенческой молодежи демонстрируют разноплановые мнения о событиях на Ближнем Востоке у зрителей различных каналов. Так, наиболее востребованные молодежью ТВ-канал «Россия-1» и интернет-портал «РИА-Новости», согласно результатам исследования, в большей мере транслируют положительные сценарии развития событий на Ближнем Востоке, то есть являются проводниками позитивных представлений о ситуации в регионе. Противоположный полюс восприятия характерен для читателей Lenta.ru, Google, зрителей Первого канала и посетителей официальных сайтов органов власти. Важное значение имеет уровень информированности, который прямо коррелирует с направленностью ожиданий, касающихся развития событий в ближневосточном регионе: высокая информированность способствует позитивным ожиданиям.

Список литературы

1. Понятие студенчества и его место в социальной структуре. URL:<http://www.newsocio.ru/nspgs-31-1.html> (Дата обращения: 21.04.2019).
2. Цибанова Н.Н. Классификация основного контента телеканалов по периодичности выхода в эфир // Молодой ученый. – 2014. – №18. – С. 833–837. URL: <http://moluch.ru/archive/77/13165/> (Дата обращения: 22.04.2019).

3. «Россия-1» второй год подряд бьет Первый канал по количеству зрителей. URL: http://www.newsru.com/russia/12dec2017/russia1_tv.html (Дата обращения: 22.04.2019).
4. Ильинский И.М. Молодежь как социальная ценность и фактор перемен. URL: <http://www.ilinskiy.ru> (Дата обращения: 22.04.2019).
5. Самаркина И.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Восприятие Европы в молодежной среде в контексте новых реалий мировой политики (на материалах Краснодара) // Полис. Политические исследования. – 2018.– № 3. – С. 110–129.
6. Внешняя политика: мониторинг [Электронный ресурс]// Официальный сайт ФОМ .URL: <https://fom.ru/Politika/14223> (дата обращения: 21.03.2020)
7. Россия и Сирия. Следовало ли России вмешиваться в сирийский конфликт? И оправданы ли расходы на военные действия? // Официальный сайт ФОМ .URL: <https://fom.ru/Mir/13822> (дата обращения: 15.03.2019)
8. «Россия-1» в четвертый раз подряд стала самым популярным вещателем. URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/07/01/2020/5e146f829a794759efa24bb5 (Дата обращения: 23.04.2019).
9. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры. Материал подготовлен «Лабораторией Крыштановской». Опрос, квотная выборка по четырем группам молодежи в 26 городах России. URL: <http://gefter.ru/archive/8369> (Дата обращения: 23.04.2019).

Dontsova M. V., Govorukhina K. A., Telyatnik T. E. The Influence of Modern Media on the Perception of Student Youth Events in the Middle East (on the Materials of Sociological Poll) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 81–92.

The article deals with features of perception by student's youth of the events in the Middle East covered by modern mass media. Authors of article organized and conducted sociological survey in several higher education institutions of the city of Krasnodar during which the highlights concerning a problem of trust of youth to information from different media were designated. Results of a research allowed to determine the level of knowledge of students and those factors which have an impact on youth estimates of dynamics of development of the situation in the studied region; reveal what media are the main sources of obtaining information; find what sort information students receive about events in the Middle East; learn about a role of participation of Russia in settlement of the international conflicts and about forming of sense of patriotism; define features of perception of the Middle East region in consciousness of student's youth.

During the research cross-disciplinary approaches, methods of statistical analysis and also system, comparative and structurally functional approaches were used.

The results of the sociological survey are of interest to the scientific community and make us pay attention to many tasks that will be solved in the near future at the level of world politics. The survey data can be used to study the further development of the situation in the Middle East, to study aspects of its reflection in various types of media and the degree of media influence on the course and development of the conflict. The scope of application of the obtained data of the conducted research is applied directions of political science, expanding the general scientific tools and practice; preparation of recommendations for public authorities and educational institutions on the education and training of students.

Keywords: events in the middle East; student youth; modern mass media; influence of mass media on youth; information technologies.

References

1. Ponyatie studenchestva i ego mesto v social'noj structure [The concept of students and its place in the social structure]. URL:<http://www.newsocio.ru/nspgs-31-1.html> (Accessed 21.04.2019).

2. Cibanova N. N. Klassifikaciya osnovnogo kontenta telekanalov po periodichnosti vyhoda v efir [Classification of the main content of TV channels on the frequency of airing]. *Molodoy uchenyj* [Young scientist], 2014, no.18, pp. 833–837. URL: <http://moluch.ru/archive/77/13165/> (Accessed: 22.04.2019).
3. «Rossiya-1» vtoroj god podryad b'et Pervyj kanal po kolichestvu zritelej [«Russia-1» for the second year in a row beats the First channel in the number of viewers]. URL: http://www.newsru.com/russia/12dec2017/russia1_tv.html (Accessed: 22.04.2019).
4. Il'inskij I.M. Molodezh' kak social'naya cennost' i factor peremen [Youth as a social value and a factor of change]. URL: <http://www.ilinskiy.ru> (Accessed: 22.04.2019).
5. Samarkina I. V., Morozova E. V., Miroshnichenko I. V. Vospriyatie Evropy v molodezhnoj srede v kontekste novyh realij mirovoj politiki (na materialah Krasnodara) [Perception of Europe in the youth environment in the context of new realities of world politics (on materials of Krasnodar)]. *Polis* [Policy], 2018, no. 3, pp. 110-129. DOI: 10.17976/jpps/2018.03.08.
6. Vneshnyaya politika: monitoring [Elektronnyj resurs] Oficial'nyj sajt FOM [Foreign Policy: monitoring [Electronic resource] Official website of the FOM]. URL: <https://fom.ru/Politika/14223> (Accessed: 21.03.2020).
7. Rossiya i Siriya. Sledovalo li Rossii vmeshivat'sya v sirijskij konflikt? I opravdany' li rasxody' na voenny'e dejstviya? Oficial'nyj sajt FOM [Russia and Syria. Should Russia have intervened in the Syrian conflict? And is the cost of military action justified? Official website of the FOM]. URL: <https://fom.ru/Mir/13822> (Accessed: 15.03.2019).
8. «Rossiya-1» v chetvertyj raz podryad stala samym populyarnym veshhatelem [«Russia-1» became the most popular broadcaster for the fourth time in a row]. URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/07/01/2020/5e146f829a794759efa24bb5 (Accessed: 23.04.2019).
9. Mental'nost' rossijskoj molodezhi: politicheskie orientiry i kumiry. Material podgotovlen «Laboratoriej Kryshtanovskoj». Opros, kvotnaya vyborka po chetyrem gruppam molodezhi v 26 gorodah Rossii [The mentality of the Russian youth: policy guidelines and idols. The material was prepared by Kryshtanovskaya Laboratory. Survey, quota sample for four groups of young people in 26 cities of Russia]. URL: <http://gefter.ru/archive/8369> (Accessed: 23.04.2019).

УДК 327

КРЫМСКИЙ АВТОНОМИЗМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД РАСПАДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАВРИДЫ)

Евтюшкин И.В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: evtyush@mail.ru

В статье анализируются процессы формирования и развития российско-украинских отношений в условиях распада Российской империи и начала Гражданской войны в России в части влияния на данные процессы крымского автономизма (на примере Советской Социалистической Республики Тавриды). Рассматриваются предпосылки и особенности государственного размежевания России и Украины после Октябрьской революций 1917 года. Выявляются причины возникновения крымской проблемы в российско-украинских отношениях, анализируются изменения во внутреннем и внешнем балансе сил, которые привели к возникновению данной проблемы. Основное внимание в рамках статьи уделяется анализу крымского советского автономизма на примере создания Советской Социалистической Республики Тавриды. С одной стороны, ССРТ стала проекцией на Крымский полуостров интеграционного проекта руководства Советской России. Данный проект был связан с созданием советских республик в регионах, за которые шла геополитическая борьба. Этот проект рассматривается в контексте модели управляемой децентрализации и стратегии имитации суверенитета. С другой стороны, в ходе исследования автор пришел к выводу о том, что крымский автономизм – это более широкое явление. Феномен крымского автономизма определяется реакцией региональных политических акторов на разрыв геополитических связей Крыма с Россией. Действия региональных политических акторов, связанные с автономизацией Крыма, имели центростремительный (с ориентиром на общероссийский центр) характер. Вместе с тем, власти Республики Тавриды тесно сотрудничали с руководством Украинской Советской Республики, оказывая украинским большевикам скрытую помощь в военно-политической борьбе с иностранными интервентами и этническими элитами УНР.

Ключевые слова: российско-украинские отношения, крымский автономизм, Советская Социалистическая Республика Тавриды.

В контексте формирования российско-украинских отношений особую роль сыграла постимперская трансформация России после Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Распад Российской империи привел к временному государственному обособлению от Советской России Украинской Народной Республики (УНР), Украинской Державы гетмана Скоропадского и других политических режимов, провозгласивших курс на создание независимого государства. Соблюдая условия Брестского мира, Советская Россия была вынуждена вступать с ними в дипломатические отношения.

Одним из проблемных аспектов в контексте формирования российско-украинских отношений после заключения Брестского мира стал территориальный спор по поводу Крыма. **Актуальность проводимого исследования** обуславливается возможностью исследования истоков возникновения крымской проблемы в российско-украинских отношениях. Она возникла не в 1954 году, как принято считать, а намного раньше, в условиях распада Российской империи.

Научная новизна исследования определяется предпринятой попыткой проанализировать крымский автономизм в условиях выхода политической системы России из состояния равновесия. Такой подход позволяет лучше понять сущность феномена крымского автономизма, проследить реакции региональной политической системы на вызовы, связанные с государственным размежеванием России и Украины.

Цель исследования: проанализировать процессы формирования и развития российско-украинских отношений в условиях распада Российской империи и начала Гражданской войны в России в части влияния на данные процессы крымского автономизма (на примере Советской Социалистической Республики Тавриды).

Задачи исследования: изучить предпосылки и особенности государственного размежевания России и Украины после Октябрьской революций 1917 года, выявить причины возникновения крымской проблемы в российско-украинских отношениях, проанализировать изменения во внутреннем и внешнем балансе сил, которые привели к возникновению данной проблемы; проанализировать особенности влияния Советской Социалистической Республики Тавриды на процессы формирования российско-украинских отношений в условиях государственного размежевания Советской России и Украинской Народной Республики.

Методологические и методические ориентиры проводимого исследования: методология политического реализма, теория геополитических полей К.В. Плешакова.

Прежде всего, рассмотрим предпосылки государственного размежевания России и Украины в условиях распада Российской империи. Этому процессу способствовали внутренние и внешние факторы.

В ходе революционных преобразований 1917 года произошел радикальный слом системы государственного управления и всей политической системы бывшей Российской империи. Февральская и Октябрьская революции привели к упразднению монархической власти – системообразующего элемента (компонента) политической системы имперской России. Октябрьская революция 1917 года в России привела к расколу политического центра российского государства. За власть в стране боролись две непримиримые политические силы – большевистская партия и Белое движение.

Одновременно, в многонациональном российском государстве обострились межнациональные проблемы. В борьбу за власть включились этнические политические элиты. В 1917 году в России произошел резкий подъем национальных движений. Этот процесс затронул почти все нерусские народы страны [1, С. 268]. Процесс суверенизации охватил значительную часть территории бывшей Российской империи и стал фактически неуправляемым. Центробежные движения

поставили страну на грань распада [2]. После Октябрьской революции в ряде регионов с этнической спецификой были провозглашены независимые государства.

Таким образом, проблема легитимации власти в пост-имперской России по своему воспринималась на национальных окраинах. В регионах с этнической спецификой на смену монархической форме легитимации власти пришла националистическая форма ее легитимации [3, С. 32].

Следует отметить, что у украинских политических элит в рассматриваемый период отсутствовал целостный проект построения национального государства. Элитные группы, объединившиеся вокруг Центральной Рады, изначально не выходили за рамки автономистско-федералистской модели. Председатель Центральной Рады, украинский историк и общественный деятель М. С. Грушевский писал весной 1917 года: «Украинцы в политическом деле хотят создать широкую национально-территориальную автономию Украины в составе Федеративной Российской республики» [4, С. 121]. М. С. Грушевский являлся также одним из лидеров Союза автономистов-федералистов (СУАФ).

После Октябрьской революции и прихода к власти большевиков украинский автономизм эволюционировал в сторону самостийничества. В отличие от II Универсала Центральной Рады, который базировался на автономистской модели, III Универсал Центральной Рады 7 (20) ноября 1917 провозгласил создание Украинской Народной Республики (сначала – в составе «федерации свободных народов»).

Государственное размежевание Украины и России изменило внутренний «баланс сил». В частности, между двумя политическими общностями возникли перекрестные геополитические поля. По определению К. В. Плешакова, перекрестное поле – это пространство, на которое претендуют два или более государств [5, С. 30–39]. Появилась проблема «национальных территорий» Украины. Сложность данной проблемы обуславливалась тем обстоятельством, что многие территории, на которые претендовало руководство Украинской Народной Республики, исторически таковыми не являлись, а процесс их политического, социо-культурного и экономического освоения происходил в рамках Русского царства и Российской империи. В частности, спорным геополитическим пространством в российско-украинских отношениях стал Крым, входивший в состав Таврической губернии. Одновременно, политические элиты украинского государства высказывали претензии на Черноморский флот Российской империи.

После Февральской революции Центральная Рада периодически заявляла о своих претензиях на крымские уезды Таврической губернии. Но в ходе создания УНР эти претензии не были оформлены на законодательном уровне. В соответствии с III Универсалом Центральной Рады территория УНР включала «Таврию без Крыма» [6, С. 7].

Тем не менее, Центральная Рада проводила в Крыму активную политическую работу, направленную на распространение своего влияния на Севастополь и Черноморский флот. Предпринимались попытки подчинения ЦР ряда кораблей Черноморского флота, в команде которых преобладали матросы из числа украинцев, водружения на соответствующих кораблях украинских флагов. В Севастополе эту

работу, при поддержке из Киева, координировал Украинский черноморский войсковой комитет. Впоследствии, с целью раскола Севастопольского совета, сторонниками Центральной Рады была создана Севастопольская украинская рада военных и рабочих депутатов [7, С. 50, 66].

Однако на Черноморском флоте у Центральной Рады не было определяющего влияния. Большинство делегатов I Общечерноморского съезда не согласились с подъемом украинских флагов на крейсере «Память Меркурия» и отклонили предложение о внесении украинского флага в свод международных флагов, что означало бы официальное признание самостоятельного государственного статуса Украинской Народной Республики. В подавляющем большинстве резолюций собраний личного состава кораблей и судов ЧФ подчеркивалось, что решение вопроса о возможности украинизации флота может принимать только Всероссийское Учредительное собрание, так как Черноморский флот является собственностью всей Российской Республики. Съезд принял решение о признании Центрального исполнительного Комитета Всероссийского съезда советов единственным источником власти [7, С. 64, 68–70].

Структуру перекрестных геополитических полей вокруг Крыма определяли внутренние и внешние факторы.

Во внутривнутриполитическом плане специфику политических процессов на территории Крыма определял многонациональный состав населения полуострова. Судя по данным переписи 1917 года, в структуре населения полуострова русские и украинцы (по статистике они объединены) составляли 49,2%, а крымские татары – менее 27% [8, С. 6].

В целом, на уровне крымского региона у Центральной Рады не было влиятельных политических институтов и социальной базы. ЦР не имела значительной социальной поддержки со стороны украинцев, проживающих в регионе.

Внутриполитическая ситуация в Крыму в конце 1917 – начале 1918 годов определялась расколом горизонтали политической власти. За власть в регионе боролись три основные политические силы.

Значительное влияние на территории полуострова имели антибольшевистские силы, не признавшие советской власти. Часть из них объединилась вокруг Таврического губернского совета народных представителей (СНП). СНП был создан представителями ряда политических партий, земств, чиновничества бывшей Таврической губернии. Совет народных представителей был создан до времени созыва Учредительного собрания, как временный орган губернской власти [7, С. 60–61]. Таким образом, СНП стоял на общероссийских позициях.

Второй политической силой антибольшевистской направленности в Крыму были политические организации крымско-татарского национального движения. Исполнительным органом крымско-татарского национального движения стал Мусульманский исполнительный комитет, избранный на съезде мусульман Крыма в марте 1917 года. Мусисполкомом руководили Ч. Челебиев и Д. Сейдамет. [7, С. 37]. Впоследствии был институционализирован Курултай (национальный съезд), как основной представительный орган крымско-татарского движения.

Крымско-татарские политические элиты, сплотившиеся вокруг Мусисполкома и Курултая, обозначили этнический вектор в развитии крымского автономизма. В частности, Курултай своими решениями провозгласил создание Крымской Демократической республики, а затем – принял национальную конституцию («Крымско-татарские основные законы») [9, С. 22–26].

Мусисполком являлся политическим союзником Центральной Рады, однако проекты вхождения Крыма в состав Украинской Народной Республики не поддерживал. Мусисполком проводил многовекторную политику, ориентируясь в большей мере на Германию и Турцию, чем на УНР и Украинскую Державу [7, С. 121–122].

Противоположным полюсом расколота горизонтали политической власти в Крыму были большевики. Несмотря на изначально невысокий уровень поддержки в крымском региональном сообществе, они опирались на организационную поддержку по линии «центр – регион», со стороны Москвы, как политического центра Советской России.

Военно-политическая угроза со стороны большевиков заставила антибольшевистские региональные политические элиты Крыма пророссийской направленности и крымско-татарские политические элиты объединить усилия. В декабре 1917 года Курултаем был сформирован исполнительный орган власти Крымской Демократической республики – Директория. В ситуации борьбы за власть между Директорией и большевиками, Совет народных представителей Таврической губернии поддержал Директорию [7, С. 74]. Военной структурой, на которую опирались в военно-политическом плане Директория и Совет народных представителей, стал Крымский штаб.

Имея поддержку Севастопольского совета и Черноморского флота, большевики одержали победу в военном противостоянии с Крымским штабом. В итоге, во второй половине января 1918 года власть советов была установлена на всей территории Крымского полуострова. Курултай был распущен. Высшим органом власти был провозглашен Таврический центральный исполнительный комитет (председатель – Ж. А. Миллер), в котором преобладали большевики [7, С. 81].

В условиях борьбы за власть с внутренними и внешними антисоветскими силами, руководство Советской России начало реализовывать на практике качественно новый интеграционный проект. Он включил в себя политику перехода к федеративной модели государственного устройства и создания советских республик в регионах, за которые шла геополитическая борьба.

Советский автономизм и федерализм в сочетании с декларативным признанием права наций на самоопределение позволили руководству Советской России заявлять о решении национального вопроса в регионах с этнической спецификой. Вместе с тем, советский автономизм периода Гражданской войны в России был связан не только с урегулированием межнациональных проблем, но и с противодействием внешним центрам силы, поддерживавшим центробежные тенденции на территории бывшей Российской империи.

Изучая влияние международных факторов на формирование российско-украинских отношений в условиях государственного размежевания России и

Украины, мы учитываем роль внешних факторов силы в данном процессе. Новая конфигурация баланса сил в отношениях между Москвой и Киевом в значительной мере определялась опорой политических элит Украины на внешний центр силы – кайзеровскую Германию и другие государства Четверного союза. При этом, интересы сторон могли меняться в зависимости от политической ситуации [10, С. 9].

3 марта 1918 года советское руководство пошло на подписание в Брест-Литовске мирного договора с Германией и другими государствами Четверного союза. Одним из условий заключения Брестского мира для РСФСР стало признание Украинской Народной Республики. Ранее, 9 февраля 1918 года, между государствами Четверного союза и Украинской Народной Республикой был подписан отдельный мирный договор, который предполагал, в частности, предоставление УНР военной помощи со стороны Германии и ее союзников в оттеснении советских сил с Украины.

Однако, Брестский мир, который, по сути, узаконивал оккупацию немецкими войсками территории Украины (Украинской Народной Республики), не удовлетворил империалистические интересы Германии. Следует отметить, что при провозглашении РСФСР территория и границы советского государства не были определены и зафиксированы [7, С. 97]. Поэтому, кайзеровская Германия, ссылаясь на право наций на самоопределение, поставила вопрос об отделении от РСФСР ряда спорных территорий, о которых в Брестском мирном договоре ничего сказано не было. В частности, речь шла о Северном Кавказе, Донском регионе и Крыме.

Этот процесс можно рассматривать, как процесс поддержки центробежных политических сил, направленный на ослабление России, как геополитического субъекта. О задаче ослабления России писал Р. фон Кюльман, статс-секретарь по иностранным делам Германии, в мае 1918 года: «Наши интересы требуют предпринять все для того, чтобы как можно дальше задержать воссоединение расчлененной России <...> и все мои устремления направлены будут к тому, чтобы избежать таких ошибок, которые могли бы привести к быстрому укреплению России» [11, С. 226].

Оккупировав территорию Украины, Германия готовилась к наступлению на Крым. Кайзеровский контр-адмирал Г. Лорей впоследствии писал о том, что сразу же после захвата Одессы и Николаева (март 1918 года) перед войсками 52-го корпуса ставилась задача оккупации Тавриды и Крыма [12, С. 38].

Брестский мирный договор был заключен на очевидно не выгодных для Советской России условиях (лидер большевистской партии В. И. Ленин это понимал, называя его «похабным»). Но Брестский мир отражал реальный баланс сил и отсутствие у большевиков возможности вести военные действия с Германией и ее союзниками [13].

Следует отметить, что отказ РСФСР от Украины и других значимых территорий бывшей Российской империи был формальным. Геополитическая борьба за них продолжилась в другой форме. А именно – в форме поддержки создания советских республик в спорных регионах. В частности, Советская Россия поддержала украинских большевиков, которые в марте 1918 года провозгласили создание

Украинской Советской Республики. Вместе с тем, в условиях отсутствия возможности оказания военной помощи УСР со стороны РСФСР, ее приходилось оказывать косвенно, без формального нарушения условий Брестского мира [12, С. 39].

В этих условиях, В. И. Ленин озвучил идею выделения Донбасса, Крыма, Дона и Северного Кавказа из состава РСФСР, провозглашения их республиками и включения в единый фронт обороны на юге страны [там же]. В 1918 году были созданы Советская Социалистическая Республика Тавриды, Донецко-Криворожская Советская республика, Кубано-Черноморская Советская республика, Донская Советская республика, Терская Советская республика и другие.

Процесс создания советских республик в годы Гражданской войны носил управляемый характер. Данные республики создавались в соответствии с выработанной руководством большевистской партии стратегией, которую можно охарактеризовать как стратегию имитации суверенитета. Она заключалась в наделении советских республик де-юре формальными атрибутами суверенитета. Де-факто, советские республики являлись автономиями в рамках формирующейся политической системы Советской России.

Декрет о создании в Крыму республики был принят 19 марта 1918 года в Севастополе, на заседании Таврического ЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Первоначально была провозглашена Таврическая Республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которая 22 марта была переименована в Советскую Социалистическую Республику Тавриды. Был сформирован Совет Народных Комиссаров данной республики (председатель СНК – А. И. Слущкий) [14, С. 328].

Отметим особенности создания и функционирования Советской Социалистической Республики Тавриды, которые оказывали влияние на российско-украинские отношения.

П.И. Гарчев, Л. П. Кононенко, М. М. Максименко [12, С. 39] и многие другие авторы сходятся во мнении о том, что инициатива создания советской республики в Крыму принадлежала высшему партийному руководству РСФСР и лично В. И. Ленину. Определяющую роль в создании советской республики в Крыму сыграли директивы Москвы.

В частности, 21 марта 1918 года состоялось экстренное заседание ЦИК Тавриды. С докладом выступил С. П. Новосельский, который был командирован по делам Тавриды в Москву, где встретился с В. И. Лениным. С. П. Новосельский сообщил, что СНК РСФСР дал следующие указания: провозгласить республику лишь в пределах Крыма; Черноморский флот объявить принадлежащим Советской республике Тавриде; за все происходящее в Крыму ответственность перед СНК РСФСР возлагается на ЦИК Тавриды, все учреждения и организации Крыма подчиняются ему [15, С. 84].

Руководство ССРТ старалось избегать открытого военно-политического конфликта с УНР. В частности, это касалось вопроса о границах создаваемой советской республики. Следуя указаниям Совнаркома РСФСР, ЦИК Тавриды 22 марта ограничил территорию республики Крымским полуостровом (с учетом того,

что РСФСР по условиям Брестского мира признавала УНР, включая материковые уезды бывшей Таврической губернии). В дальнейшем, однако, руководители ССРТ продолжали подчеркивать принадлежность республике не только крымских уездов, но и трех уездов за Перекопом (Мелитопольского, Бердянского и Днепровского) [14, С. 328–329; 16, С. 93].

Территориальные претензии ССРТ на северные уезды Таврической губернии не выходили за рамки политических деклараций. Среди советских руководителей в Крыму существовали опасения, что Крымский полуостров, при поддержке со стороны Германии, может отойти к Украине. Так, в начале апреля руководитель Республики Тавриды А. И. Слуцкий направил телеграмму в СНК РСФСР с просьбой срочно подтвердить, что «Крым к Украине не отходит». В ответ нарком национальностей И. В. Сталин телеграфировал, что слухи об отходе Крыма к Украине ложны, что «по имеющемуся у нас документу германского правительства ни немцы, ни Киев на Крым не претендуют, берут только материковую часть Таврической губернии» [14, С. 352–353]. Данная телеграмма – одно из подтверждений факта недооценки Сталиным реальных военно-стратегических планов Германии.

Сделав ставку на нейтралитет, руководство Республики Тавриды все же оказывало скрытую помощь РСФСР в деле создания «единого фронта обороны» на юге страны. В частности, ССРТ была включена в контекст геополитической борьбы за Украину.

Вооруженные силы Республики Тавриды с учетом особого состава Черноморского флота к началу мая насчитывали около 30 тысяч красногвардейцев, красноармейцев и военных моряков. Руководство Черноморским флотом осуществлял Военно-морской комиссариат, располагавшийся в Севастополе [12, С. 51, 56].

Контроль ССРТ над мощной военной группировкой и кораблями Черноморского флота усиливал заинтересованность руководства кайзеровской Германии в упразднении данного автономного образования и захвате территории Крыма. Немецкие войска готовились к наступлению на Крым, видя основную задачу в захвате Черноморского флота в Севастополе. Чтобы сорвать этот замысел, Высший Военный Совет РСФСР уже 25 марта 1918 года решил начать эвакуацию кораблей в Новороссийск [12, С. 100].

Советская Социалистическая Республика Тавриды просуществовала менее полутора месяцев и была оккупирована Германией. Германское вторжение в Крым началось 18–19 апреля 1918 года. Наступление развивалось очень быстро. По решению ЦИК и СНК Республики Тавриды уже 20 апреля принято решение об оставлении Симферополя и начале эвакуации правительства [12, С. 105].

Отвечая на протест руководства РСФСР, германский дипломатический представитель в Москве граф В. фон Мирбах-Харф оккупацию полуострова обосновывал, в частности, нападениями Черноморского флота из Севастополя «против Херсона и Николаева». В действительности, матросы принимали участие только в сухопутных боях с немцами [14, С. 364].

Угроза немецкой оккупации территории Крыма заставила руководство Советской России отказаться от признания суверенитета ССРТ. 17 апреля 1918 года

СНК РСФСР принял постановление, подтверждавшее, что Крым является составной частью РСФСР [7, С. 85].

Отдельно от германских военных частей в Крым вторглась группа Запорожского корпуса Центральной Рады (названная впоследствии Крымской группой войск) во главе с полковником П. Ф. Болбочаном. Правительство УНР (Рада народных министров) во главе с В. А. Голубовичем, без согласования с Высшим немецким командованием, направило группу Запорожского корпуса в Крым с целью захвата Крымского полуострова и Черноморского флота. Запорожцы, перейдя Сиваш, заняли Джанкой, после чего, продолжая наступление, заняли Симферополь.

Однако, командуя 15-й немецкой ландверской дивизии генерал фон Кош 26 апреля 1918 года в г. Симферополе выдвинул полковнику Болбочану ультиматум. Воинские подразделения П. Ф. Болбочана должны были немедленно сложить оружие, оставить все военное имущество и выехать из Крыма. Поясняя причину своей позиции, генерал фон Кош заявил, что в соответствии с условиями Брестского соглашения Крым не принадлежит Украине.

27 апреля министр военных дел УНР А. Т. Жуковский по телефону отдал приказ о немедленном отходе Запорожского корпуса из Крыма. Приказ был отдан в присутствии генерала фон Коша. В результате, Крымская группа войск УНР, которой угрожало разоружение немцами, была выведена из Крыма [17, С. 247–250].

Впоследствии, в условиях германской оккупации Крыма, был выдвинут проект присоединения Крыма к Украине на правах автономии. Данный проект был инициирован прогерманским политическим режимом на Украине – режимом Украинской Державы. Украинская Держава была создана 29 апреля 1918 года вместо УНР на оккупированной германскими войсками территории Украины. Ее возглавил гетман П. П. Скоропадский, который опирался на поддержку германского военного командования в Киеве.

Свою позицию в отношении Крыма гетман Скоропадский сформулировал впоследствии следующим образом: «Я рассуждал так: планы немцев мне не известны, во всяком случае, при известной комбинации, немцы не прочь там утвердиться. Турция с татарами тоже протягивает к Крыму руки, Украина же не может жить, не владея Крымом, это будет какое-то туловище без ног. Крым должен принадлежать Украине, на каких условиях, это безразлично, будет ли это полное слияние, или широкая автономия» [18, С. 262].

Однако крымский автономизм в основных его проявлениях имел центростремительный (с ориентиром на общероссийский центр) вектор развития. Центростремительный характер имела и вторая, ситуативная форма крымского автономизма, связанная с формированием и деятельностью первого Крымского краевого правительства М. А. Сулькевича после оккупации Крыма Германией в апреле 1918 года. Так, представители первого Крымского краевого правительства вопреки решениям немецкого оккупационного командования отказались поддержать проект включения Крыма в состав Украинской Державы [14, С. 390–391].

Проведенное исследование позволило проанализировать крымский автономизм в ситуации распада Российской империи и государственного размежевания России

и Украины. Распад Российской империи запустил центробежные процессы на постимперском пространстве. Центробежными по своей сути стали попытки украинских политических элит обособить Украинскую Народную республику от Советской России. Проект создания независимого украинского государства реализовывался при опоре на внешний центр силы – государства Четверного союза во главе с Германией. Это обстоятельство позволило гетману П. П. Скоропадскому заявить претензии на Крым и Черноморский флот.

Реакцией региональной политической системы Крыма на разрыв политических связей полуострова с Россией стал феномен крымского автономизма. Крымский автономизм стал политическим фактором на различных этапах формирования российско-украинских отношений в XX веке. В целом, в рассматриваемый период обозначились (несмотря на политический раскол в обществе) два основных вектора развития крымского автономизма – центростремительный (с ориентиром на общероссийский центр) и этноавтономистский (крымско-татарский, с ориентиром на создание крымско-татарской национальной автономии).

Крымский автономизм в его советском варианте можно рассматривать как проекцию на Крым интеграционного проекта руководства РСФСР. Данный проект был связан с управляемой децентрализацией и созданием формально независимых советских республик в регионах бывшей Российской империи, за которые шла геополитическая борьба. Создание Советской Социалистической Республики Тавриды позволило руководству РСФСР интегрировать Крым в состав территориально-политической системы Советской России. Рассмотренные особенности создания и функционирования ССРТ позволяют проследить центростремительный по отношению к Москве характер создания первой советской республики в Крыму.

С другой стороны, верхушка большевистской партии во главе с В. И. Лениным ориентировались на Республику Тавриду и Черноморский флот в контексте геополитической борьбы с Германией за Украину и весь юг бывшей Российской империи. Власти Республики Тавриды тесно сотрудничали с руководством Украинской Советской Республики, оказывая украинским большевикам скрытую помощь в военно-политической борьбе с иностранными интервентами и этническими элитами УНР.

Автономное устройство Крыма мы рассматриваем не только как инструмент политической борьбы, но и как форму самозащиты и самоорганизации крымского социума и региональной политической системы в условиях распада Российской империи.

Список литературы

1. Каппелер А. Россия – многонациональная империя / А. Каппелер. – М.: «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. – 344 с.
2. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.: Славянский диалог, 1998. – 416 с.
3. Актон Лорд. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]; пер. с англ. и нем. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.

4. Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть / М. Грушевський. – К.: Т-во «Знання» України, 1991. – 240 с.
5. Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. – 1994. – № 10. – С.30–39.
6. Копиленко О. Л. Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу / О. Л. Копиленко. – К.: Таксон, 2002. – 342 с.
7. Усов С. А. Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (историко-политологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Усов Сергей Андреевич. – М., 2003. – 445 с.
8. Бененсон М. Е. Экономические очерки Крыма / М. Е. Бененсон. – Симферополь: Южное кооперативное издательство, 1919. – 77 с.
9. Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение / М. Н. Губогло, С. М. Червонная. – М., 1992. – Том 2. Документы, материалы, хроника. – 340 с.
10. Morgenthau H. J. Politics among nations: the struggle for power and peace. Second Edition // New York: Alfred A. Knopf, 1954. – 600 p.
11. Линев К. К., Шарапа В. Ф. Крымское краевое правительство С. Сулькевича // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1996. – Вып. V. – С. 226–234.
12. Гарчев П. І., Кононенко Л. П., Максименко М. М. Республіка Тавріда / П. І. Гарчев, Л.П. Кононенко, М.М. Максименко. – К.: Політвидав України, 1990. – 127 с.
13. Брестский мир: что он дал России, Германии и Украине.
14. URL: <https://www.dw.com/ru/брестский-мир-что-он-дал-россии-германии-и-украине/a-42769917> (Дата обращения: 01.08.2020)
15. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – Симферополь: Антиква, 2008. – 728 с.
16. Брошеван В. М. Форманчук А. А. Крымская Республика: год 1921-й (Краткий исторический очерк) / В. М. Брошеван, А. А. Форманчук. – Симферополь: Таврия, 1992. – 127 с.
17. Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917 – 1922) / О. И. Чистяков. – М.: Издательство Московского университета, 1966. – 327 с.
18. Стопчак М. Кримський похід армії УНР 1918 р. в оцінці української історіографії // Вісник КНЛУ. Серія Історія, економіка, філософія. – 2012. – Випуск 17. – С. 241–252.
19. Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918 / П. Скоропадський. – Київ – Філадельфія, 1995. – 493 с.

Yevtyushkin I. V. Crimean autonomism in the context of development of Russian-Ukrainian relations during dissolution of the Russian empire (on the example of the Republic of Tavrída) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 93–104.

The article analyzes the processes of formation and development of Russian-Ukrainian relations in the context of the collapse of the Russian Empire and the outbreak of the Civil War in Russia in terms of influence of the Crimean autonomism on these processes (using the example of the Soviet Socialist Republic of Tavrída). Preconditions and features of state demarcation of Russia and Ukraine after October revolution of 1917 are considered. Causes of emergence of the Crimean problem in Russian-Ukrainian relations are found out, as well as changes in internal and external balance of power that led to emergence of this problem are analyzed. Main attention within the framework of the article is paid to the analysis of the Crimean soviet autonomism on the example of establishment of the Soviet Socialist Republic of Tavrída. On the one hand, the SSRT became a projection onto the Crimean peninsula of the integration project of leaders of Soviet Russia. This project was associated with the creation of Soviet republics in the regions for which there was a geopolitical struggle. This project is viewed in the context of a managed decentralization model and strategy of imitation of sovereignty. On the other hand, in the course of research author came to the conclusion that the Crimean autonomism is a broader phenomenon. Phenomenon of the Crimean autonomism was determined by reaction of regional political actors to breaking of geopolitical ties between Crimea and Russia. The actions of regional political actors related to autonomization of Crimea were of a centripetal (with a focus on the all-Russian center)

character. At the same time, leaders of the Republic of Tavrida worked closely with leaders of the Ukrainian Soviet Republic, providing hidden assistance to the Ukrainian Bolsheviks in military-political struggle against foreign invaders and ethnic elites of the UPR.

Keywords: Russian-Ukrainian relations, Crimean autonomy, the Soviet Socialist Republic of Tavrida.

References

1. Kappeler A. Rossija – mnogonacional'naja imperija [Russia – multinational empire]. Moscow, Tradicija – Progress-Tradicija, 2000, 344 p.
2. Nacional'nye okrainy Rossijskoj imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravlenija [National outskirts of the Russian Empire: the formation and development of the management system]. Moscow, Slavjanskij dialog, 1998, 416 p.
3. Akton Lord. Princip nacional'nogo samoopredelenija [The principle of national self-determination] // Nacii i nacionalizm [Nations and nationalism]. Moscow, Praksis, 2002, 416 p.
4. Grushevs'kij M. Hto taki ukrainci i chogo voni hochut' [Who are Ukrainians and what do they want] / M. Grushevs'kij. – Kiev: T-vo «Znannja» Ukraïni, 1991. – 240 p.
5. Pleshakov K. Geopolitika v svete global'nyh peremen [Geopolitics in the light of global changes] // Mezhdunarodnaja zhizn' [International life], 1994. , Vol. 10, P.30–39.
6. Kopilenko O. L. Avtonomna Respublika Krim: problemi pravovogo statusu [Autonomous Republic of Crimea: problems of legal status]. Kiev, Takson, 2002, 342 p.
7. Usov S. A. Politiko-pravovye problemy Chernomorskogo flota i Sevastopolja v kontekste raspada Rossijskoj imperii i SSSR (istoriko-nolitologicheskij analiz) [Political and legal problems of the Black Sea Fleet and Sevastopol in the context of the collapse of the Russian Empire and the USSR (historical and political analysis). Doctor of Political Science thesis, Moscow, 2003, 445 p.
8. Benenson M. E. Jekonomicheskie ocherki Kryma [Economic sketches of Crimea]. Simferopol, Juzhnoe kooperativnoe izdatel'tvo, 1919, 77 p.
9. Guboglo M. N., Chervonnaja S. M. Krymskotatarskoe nacional'noe dvizhenie. [Crimean Tatar National Movement]. Moscow, 1992, Vol. 2, Documents, materials, chronicle, 340 p.
10. Morgenthau H. J. Politics among nations: the struggle for power and peace. Second Edition // New York: Alfred A. Knopf, 1954, 600 p.
11. Lin'jov K. K., Sharapa V. F. Krymskoe kraevoe pravitel'stvo S. Sul'kevicha [Crimean regional government of S. Sulkevich] // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria], Simferopol, 1996, Issue V, P. 226–234.
12. Garchev P. I., Kononenko L. P., Maksimenko M. M. Respublika Tavrida [Republic of Tavrida]. Kiev, Politvidav Ukraïni, 1990, 127 p.
13. Brestskij mir: chto on dal Rossii, Germanii i Ukraine [Peace of Brest-Litovsk: what it gave to Russia, Germany and Ukraine]. URL: <https://www.dw.com/ru/brestskij-mir-chto-on-dal-rossii-germanii-i-ukraine/a-42769917> (Accessed: 01.08.2020)
14. Zarubin A. G., Zarubin V. G. Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu [No winners. From the history of the Civil War in Crimea]. Simferopol, Antikva, 2008, 728 p.
15. Broshevan V. M. Formanchuk A. A. Krymskaja Respublika: god 1921-j (Kratkij istoricheskij ocherk) [Crimean Republic: year 1921 (Brief historical sketch)]. Simferopol, Tavrija, 1992, 127 p.
16. Chistjakov O. I. Stanovlenie Rossijskoj Federacii (1917 – 1922) [Formation of the Russian Federation (1917 – 1922)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966, 327 p.
17. Stopchak M. Krims'kij pohod armii UNR 1918 r. v ocinci ukraïns'koï istoriografii [Crimean campaign of the UPR army in 1918 in the assessment of Ukrainian historiography] // Visnik KNLU. Serija Istorija, ekonomika, filosofija [KNLU Bulletin. Series History, Economics, Philosophy]. 2012, Issue 17, P. 241–252.
18. Skoropads'kij P. Spogadi. Kinec' 1917 – grudn' 1918 [Memories. Late 1917 – December 1918]. Kiev, Philadelphia, 1995, 493 p.

УДК 327.8

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Демирель Нури

Международная школа «Пан Азия», г. Бангкок, Таиланд

E-mail: deminuri75@mail.ru

В статье определяются исторически обусловленные и современные концептуальные основы политики, проводимой Турецкой Республикой в Черноморском регионе. Он был важен для Турции на протяжении последних пяти веков. В качестве национальной концепции кемализм сформировался в 1920-е гг. Ее основу составили «шесть стрел», нашедшие свое отражение в Конституции 1937 года. После смерти К. М. Ататюрка завещанные им принципы светского государства постепенно подверглись эрозии. В наибольшей степени обновление проявилось с момента прихода к власти в стране Партии справедливости и развития. Одним из главных основателей внешней политики Турции, определенной Партией справедливости и развития является Ахмет Давутоглу. Его концепции и подходы к вопросу о роли и месте Турции в условиях меняющейся глобальной мировой системы отражены в известной монографии «Стратегическая глубина». В ней автор настаивает на необходимости трансформации внешней политики Турции в XXI веке и дает теоретическое обоснование ключевых направлений этой трансформации. Автор «Стратегической глубины» делает акцент на внушительном потенциале наследия Османской империи и исламской традиции. В концепции А. Давутоглу приводится классификация «бассейнов», являющихся перспективными сферами турецкого геополитического влияния, одним из них выступает соседний морской бассейн, в который входят Черноморский, Адриатический и Восточносредиземноморский регионы, а также регион Красного моря, Персидского залива и Каспийского моря. В целом, можно говорить о том, что отличительной чертой современной турецкой внешней политики является наличие проработанной концептуальной основы. Отражая политические взгляды и идеологию правящей Партии справедливости и развития, она сочетает элементы устоявшихся кемалистских, умеренно-исламистских и современных подходов к проблематике международных отношений, в силу чего пользуется широкой поддержкой в обществе и рассматривает Черноморский регион как свою важную составляющую.

Ключевые слова: Турция, Черноморский регион, внешняя политика, концепция, «Стратегическая глубина».

Актуальность темы обусловлена тем фактом, что на протяжении более пяти веков Черноморский регион имел большое значение для Османской империи, и затем – Турецкой Республики. На современном этапе эта значимость обусловлена геополитическими реалиями, в рамках которых Причерноморье представляет собой стратегически важный регион. А так как основополагающей для концепции внешней политики Турции является работа «Стратегическая глубина» А. Давутоглу, ей в контексте данной работы стоит уделить особенное внимание.

Целью статьи является рассмотрение концептуальных основ политики Турции в Черноморском регионе.

Ее задачи:

1. Рассмотреть исторические предпосылки современной концепции внешней политики Турции, в первую очередь принципы К. Ататюрка.

2. Проанализировать общий и региональный концептуальный контекст работы А. Давутоглу «Стратегическая глубина».

Объект исследования – система геополитики современного мира. Предмет – концептуальные основы политики Турции в Черноморском регионе.

Научная новизна определяется особенностями рассмотрения концептуальных основ политики Турецкой Республики в контексте новейших политических процессов Черноморского региона.

Статья основана на работах авторов изучавших императивы внешней политики Турции и Черноморский регион. Таких как Дружиловский С. Б., Раджеев А., Едемский А. Б., Ульген С. и др.

Методология работы основывается на неореалистском подходе международных отношений. Используются методы анализа нормативных и информационных документов.

Хронологические рамки исследования охватывают начало XX века – современное время.

На протяжении последних десятилетий руководство страны, как во внутренней, так и внешней политике руководствовалось принципами первого президента страны Кемаль Ататюрка, задавшими основные направления ее реализации и определявшими способы взаимоотношений с другими государствами и регионами. В Конституции Турции значится, что главный закон страны составлен «в соответствии с концепцией национализма, а также формами и принципами, провозглашенными основателем Республики Турции, бессмертным лидером и непревзойденным героем Ататюрком» [1].

В качестве национальной концепции кемализм сформировался в 1920-е гг. с приходом к власти М. К. Ататюрка, возглавившем национально-освободительную борьбу против стран Антанты, стремившихся разделить между собой турецкие территории. В итоге он смог заложить основу внутреннего и внешнеполитического курса страны и определить ее политику на много лет вперед. Ее основу составили «шесть стрел», нашедшие свое отражение в Конституции 1937 года. Их можно сформулировать как «республиканизм», «национализм», «народность», «лаицизм», «этатизм» и «революционность».

Республиканизм и народность М. К. Ататюрка подразумевали ликвидацию Османской империи, и на ее основе создание и укрепление принципов демократической парламентской республики, отразившейся в принципе: «Суверенитет безоговорочно принадлежит народу» [2].

Национализм в его понимании был идеалом национального государства, воспитывающего своих граждан в духе преданности титульной нации. В Конституции страны это выразилось в принципе: «каждый гражданин Турции – турок» [1].

Этатизм стал принципом построения смешанной экономики при управляющей роли государства.

Революционность провозглашала верность принципам революции, прежде всего, таким как вестернизация, прогресс и просвещение.

Лаицизм подразумевал светский характер государства и отделение от него ислама [3].

Переход от исламской политической традиции к национализму в Турции осуществлялся путем национально-освободительной войны, приведшей в первой четверти XX в. к ликвидации институтов султаната и халифата. После этого на протяжении тридцати лет принципы кемализма определяли характер внешней политики турецкого государства [4].

Главный из этих принципов формулировался так: «Мир в стране – мир во всем мире». Он означал отказ Турции от имперских амбиций, способствовал налаживанию добрососедских отношений с соседними государствами и предотвратил втягивание Турции во Вторую мировую войну. Даже сейчас в обзоре внешнеполитического курса МИДа Турции определяется, что «со дня своего основания Турецкая Республика неотступно следует миролюбивой, реалистичной и последовательной внешней политике, основанной на принципе “Мир в стране – мир во всем мире”. Турция проводит внешнюю политику, создающую безопасность и стабильность не только в своем, но и других регионах, которая базируется на демократии и светской политической системе, динамичной экономике и традиционном соответствии между современностью и культурной идентичностью» [5].

После смерти К. М. Ататюрка завещанные им принципы светского государства постепенно подверглись эрозии [6]. Перемены начались с распадом однопартийной системы и приходом к власти в 1950 г. Демократической партии. В связи с этим, в принципах и проведении внешнеполитического курса Турции произошли серьезные изменения. Яркими их примерами стало использование вооруженных сил Турции за пределами территории (например, участие в Корейской войне); размещение на своей территории иностранных военных баз и вступление в западные военно-политические блоки; присоединение в качестве ассоциированного члена к ЕЭС и так далее.

В дальнейшем, в результате переворота 1960 года, Демократическая партия была отстранена от власти. Однако начатый ею процесс демократизации продолжился, что привело к становлению многопартийной системы в стране и появлению новых политических сил, которые сформировали свои принципы внешнеполитического курса Турецкой Республики.

В наибольшей степени обновление проявилось с момента прихода к власти в стране Партии справедливости и развития. «Шесть стрел» К. М. Ататюрка и смысл, который изначально в них закладывался, изменились под воздействием внутренних и внешних факторов, повлиявших на Турцию в течение последнего столетия. Во-первых, руководством страны был пересмотрен принцип республиканизма, выразившийся в 2017 году в переходе к президентской республике. Принцип национализма и территориальной целостности страны в рамках унитарного

государства также вызывает протестные настроения части населения страны и способствует возникновению идей федерализации страны. В связи с этим немаловажной стала публикация карты американского плана по трансформации границ региона «Большой Ближний Восток» [7].

В соответствии с принципами Партии справедливости и развития внешнеполитическая концепция Анкары также принципиально изменилась. Текущая внешнеполитическая доктрина также не берет за основу принцип К. М. Ататюрка о необходимости проведения мирного внешнеполитического курса во имя сохранения статус-кво страны. Она основана на идее превращения Турецкой Республики в центр региональной силы на основе создания мощной экономики, решения внутренних вопросов и налаживания отношений с соседями по принципу «нулевых проблем». Современное турецкое руководство поставило цель сформировать образ Турции как самостоятельной державы, способной диктовать свои условия на мировой арене, становясь, таким образом, трансрегиональным лидером [8]. Задача максимум – это превращение Турецкой Республики в мировую державу.

В этом контексте желание интегрироваться с ЕС, провозглашавшееся долгие годы как один из доминирующих внешнеполитических векторов, ушло на второй план. Бывший премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу в одном из своих выступлений заявил, что «Турция не станет умолять ради членства в Евросоюзе» [9]. В связи с этим был взят курс на укрепление авторитета страны среди соседних государств и расширение сотрудничества не только с Западом, а в имеющих отношение к Турции регионах. Это не стоит расценивать как сдвиг отношений к России. Напротив, основа внешнеполитической деятельности турецкой власти – это ее желание укрепить независимое положение страны на международной арене и повысить ее авторитет регионального лидера, а также создать образ государства, которое не является частью ни европейской, ни азиатской цивилизации, а скрепляет их своеобразным «мостом», для чего особенно важен регион Черного моря.

Одним из главных основателей внешней политики Турции, определенной Партией справедливости и развития является упомянутый Ахмет Давутоглу, с 2009 г. возглавлявший министерство иностранных дел Турецкой Республики, и с 2014 года бывший ее премьер-министром.

Его концепции и подходы к вопросу о роли и месте Турции в условиях меняющейся глобальной мировой системы отражены в известной монографии «Стратегическая глубина», написанной еще в 2001 году [10].

В ней автор настаивает на необходимости трансформации внешней политики Турции в XXI веке и дает теоретическое обоснование характера и ключевых направлений этой трансформации.

Автор «Стратегической глубины» делает акцент на внушительном потенциале наследия Османской империи и исламской традиции. Он исходит из того, что значение любой страны в мировой политике определяется ее геостратегическим положением и «исторической глубиной». Этот тезис А. Давутоглу неоднократно повторял в своих многочисленных выступлениях и интервью. Например, в выступлении 2010 года он писал о том, что «турецкая внешняя политика опирается

на уникальный исторический опыт и географию, которые еще более усиливают в нас чувство ответственности» [10]. Также он утверждал, что в период после «холодной войны» силу государства стали все чаще определять не только с позиции военной мощи, но и с точки зрения геополитики, геоэкономики, геостратегии и геокультуры [10].

Анализ теоретического раздела «Стратегической глубины» позволяет заметить, что взгляды и идеи автора близки к политическому реализму. Например, он сравнивает структуру международных отношений с игрой в шахматы, считая, что в этой игре есть игроки – шахматные фигуры. Не все из них являются королями, так как присутствуют такие фигуры как пешка, ладья, конь и слон. У каждой из этих фигур имеется разная степень возможности влиять на результаты игры [10].

Также автор выделяет четыре вида государств, между которыми постоянно ведется борьба. Это государство-супердержава, великая держава, региональная держава и малое государство [10]. Некоторые из них ведут борьбу, чтобы изменить свой статус, некоторые – чтобы выжить в этой борьбе. Эта точка зрения также соответствует одному из фундаментальных тезисов политического реализма, говорящему об анархии международных отношений. Также автор, подобно представителям политического реализма, пишет о том, что сила – это наиболее важный элемент международных отношений и определяет ее через экономические ресурсы, военный и технологический потенциал страны [10].

В связи с такими установками А. Давутоглу определяет параметры силы любого государства и предлагает уравнение для ее расчета. Оно состоит из двух групп параметров силы – стабильных и потенциальных.

Стабильные параметры – это неизменные факторы, такие как история, география, население и культура. Их нельзя изменить по своей воле. Однако «если государство сумеет оценить значимость каждого из них, то в условиях изменений на международной арене за ним будет сохранена прочная база для проведения активной внешней политики» [10].

Потенциальные параметры – это факторы, изменяемые в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Их развитие и применение зависит непосредственно от государства. Это экономические, технологические и военные возможности стран. «Когда государство эффективно стимулирует развитие потенциальных параметров, то занимает достойное место в системе баланса сил международных отношениях» [10].

Помимо этих параметров, автор выделяет еще три фактора входящих в уравнение «силы». Это «стратегическое мышление, стратегическое планирование и политическая воля» [10].

Стратегическое мышление – это «сумма восприятия обществом пространства и времени, в котором оно живет, и собственной идентичности, дающей направление развития внешнеполитических установок страны». Оно связано со стабильными параметрами и определяет позицию общества на события, происходящие на мировой арене [10].

Стратегическое планирование – это реализация стратегического мышления. Оно связано с потенциальными параметрами силы любого государства. «Стратегическое

планирование в долгосрочной перспективе предстает в форме стратегии, а краткосрочной – в форме тактики. Тактика – это шаги, которые предпринимает политическая элита для реализации долгосрочных стратегий, это инструмент реализации стратегии. Правильно выбранная тактика в сочетании с гибкой политикой и альтернативными вариантами решения поставленных целей позволят странам достигнуть стратегии. Хорошо спланированные стратегии требуют эффективного использования потенциальных параметров силы при наличии сильной политической воли» [10].

Политическая воля – это элемент, который ассоциируется с человеческим фактором. Твердая политическая воля – это результат наличия в государстве квалифицированных и компетентных человеческих ресурсов, обладающих стратегическим мышлением. Благодаря политической воле можно трансформировать силовые параметры страны в политические инициативы и увеличить значимость каждого параметра в уравнении силы [10].

Обобщая работу «Стратегическая глубина» можно назвать такие главные методологические принципы турецкой внешней политики, выделяемые А. Давутоглу:

1. Комплексный, а не проблемно-ориентированный подход к международным проблемам, использовавшийся руководством Турции в годы «холодной войны».
2. Принцип взаимосвязанных, последовательных взглядов и представлений во внешней политике Турции. В соответствии с ним, ближневосточная политика и используемые подходы не должны противоречить балканской или среднеазиатской.
3. Новые дискурсы и методы дипломатии, позволяющие Турции распространить свое «мягкое влияние» в регионе, несмотря на наличие сильной армии.

Также можно выделить операционные принципы турецкой внешней политики, определяющиеся в этой работе:

1. Баланс между безопасностью и демократией. Например, борьба Турции с международным терроризмом не должна приводить к сужению гражданских свобод.
2. Принцип «ноль проблем с соседями». Он определяет ориентацию на максимальное политическое и экономическое сотрудничество в отношениях с соседними государствами и регионами.
3. Активная, превентивная дипломатия, нацеленная на предотвращение возникновения и эскалации конфликтов. Этот принцип включает в себя такие аспекты, как «безопасность для всех», политический диалог на высоком уровне, экономическую интеграцию и взаимозависимость, взаимодействие различных культур.
4. Принцип многовекторной внешней политики. Согласно ему Анкара намеревалась установить и поддерживать дипломатические отношения с большим количеством глобальных субъектов, не искать новых союзников и создавать коалиции стран, а выстроить такую систему международных отношений, при которой взаимоотношения между странами дополняют друг друга.

5. Активное участие во всех международных организациях и активная позиция по вопросам глобального и межгосударственного значения с целью укрепления роли Турции в международной системе.

Также важно, что в концепции А. Давутоглу приводится классификация регионов («бассейнов»), являющихся перспективными сферами турецкого геополитического влияния:

1. Соседний сухопутный бассейн, в который входят Балканы, Ближний Восток и Кавказ.

2. Соседний морской бассейн, в который входят Черноморский, Адриатический, Восточно-средиземноморский регионы, а также регион Красного моря, Персидского залива и Каспийского моря.

3. Соседние континентальные бассейны, в который входят Европа, Северная Африка, Южная Азия, Центральная Азия и Дальний Восток.

Таким образом, по мнению автора, Турция должна «обеспечивать безопасность и стабильность не только себе, но и соседним регионам. Гарантией ее собственной безопасности и стабильности должна быть более активная, конструктивная роль в обеспечении порядка, стабильности и безопасности на окружающем пространстве» [11].

Идея А. Давутоглу, заключающаяся в рассмотрении исторических и географических особенностей страны в качестве потенциала по превращению Турции в «центральное государство» Балкан, Ближнего Востока, Черноморского и Средиземноморского регионов. При этом, близкое соседство с конфликтными регионами, такими как Сектор Газа в Израиле или Ирак, рассматривается им и как угроза безопасности Турции, и как ресурс, к которому Турция имеет прямой доступ [12].

В интерпретации сербского востоковеда Д. Танасковича такой подход А. Давутоглу, получивший название «неоосманизма» или «нового османизма», рассматривается как новая внешнеполитическая стратегия Турецкой Республики, отличающаяся крайним прагматизмом в реализации национальных интересов и приводящая к противоречивым шагам во внешней политике страны [цит. по 13]. Д. Танаскович утверждает, что это не просто новая внешнеполитическая идеология Турции, а «философия истории, цивилизационная парадигма и мировоззрение, свойственное турецкой интеллектуальной элите и большинству турок – сторонников современных представлений о турецкой нации. Такое мировоззрение несет в себе историческую ностальгию по большой имперской нации, которая сегодня недовольна своим положением и ролью в мире» [цит. по 13].

Таким образом, идея многовекового господства турок на Черном море со времени Османской империи теперь стала аргументом для турецкого регионального господства. Основные ресурсы, которые выделял А. Давутоглу для его достижения – это торговая и культурная экспансия. По мнению автора, стратегическое расположение Турецкой республики на перекрестке Востока и Запада дает ей возможность выступать в качестве активного международного актора и, уменьшив зависимость от Запада в осуществлении внешнеполитического курса, превратиться «в одного из важных субъектов международной дипломатии» [14, С.11].

Значение Черноморского региона, по мнению А. Давутоглу, в период биполярного советско-капиталистического противостояния не было оценено по достоинству. Показателем служит товарооборот Турции через Черноморский регион, который ранее был самым низким по сравнению с другими регионами и составлял всего 13% в отличие от региона Средиземного моря с показателем в 25%, Эгейского моря – 21% и Мраморного моря – 41% товарооборота. Таким образом, автор призывает начать рассмотрение Черноморского бассейна не только как элемент военной стратегии (с точки зрения Черноморских проливов), но и как одного из вариантов увеличения своего экономического международного влияния [10].

Важно отметить, что в своей монографии А. Давутоглу не определял Черноморский регион как отдельное направление внешней политики Турции. Понимание его стратегической важности в целом, а не отдельных элементов, возникло в современный период и связано с выходом на первый план международных отношений энергетического фактора, актуализировавшегося в результате украинских и крымских событий. Ранее, в том числе в работе «Стратегическая глубина», стратегически рассматривались отдельные части региона, такие как Южный Кавказ, Крым и т.д. Во многом это связано с тем, что концепция «неосманизма» подразумевает связь внешней политики Турции с историческим прошлым турок-османов, соответственно, региональное деление мира рассматривается через историческую ретроспективу, когда Черноморский регион был лишь прибрежной зоной вокруг Черного моря, а не регионом, объединяющим несколько стран.

Однако даже А. Давутоглу пишет о том, что «Черное море приобретает новое стратегическое значение, связывая Балканы и Кавказ» [10] и определяет Черноморский регион через другие важные для Турции территории. Среди них – Балканский полуостров долгое время находившийся под влиянием Османской империи, Румыния получившая полную независимость от Османской империи в конце XIX в., Болгария ставшая относительно самостоятельной в начале XX в. и Молдавия частично находившаяся под влиянием османов в разные годы. Также важен Кавказ, который был объектом влияния Османского государства до конца XIX в. Это территориальное деление внутри Черноморского региона стало характерным как для документов и всей стратегии внешней политики Турции, так и на современном этапе.

В качестве вывода можно заключить, что отличительной чертой современной турецкой внешней политики является наличие проработанной концептуальной основы. Отражая политические взгляды и идеологию правящей Партии справедливости и развития, она сочетает элементы устоявшихся кемалистских, умеренно-исламистских и современных подходов к проблематике международных отношений, в силу чего пользуется широкой поддержкой в обществе и рассматривает Черноморский регион как свою важную составляющую. Причерноморье занимает в концепции не центральное, но значимое место и расценивается с позиций военного и экономического стратегического влияния.

Одним из главных основателей внешней политики Турции, определенной Партией справедливости и развития является Ахмет Давутоглу. Его концепции и подходы к вопросу о роли и месте Турции в условиях меняющейся глобальной мировой системы отражены в известной монографии «Стратегическая глубина». В ней автор настаивает на необходимости трансформации внешней политики Турции в XXI веке и дает теоретическое обоснование ключевых направлений этой трансформации. Автор «Стратегической глубины» делает акцент на внушительном потенциале наследия Османской империи и исламской традиции. В концепции А. Давутоглу приводится классификация «бассейнов», являющихся перспективными сферами турецкого геополитического влияния, одним из них выступает соседний морской бассейн, в который входят Черноморский, Адриатический и Восточно-средиземноморский регионы, а также регион Красного моря, Персидского залива и Каспийского моря.

Таким образом, в своей монографии А. Давутоглу не рассматривал Черноморский регион как отдельное направление внешней политики Турции. Понимание стратегической важности Причерноморья было сформировано уже в современный период в связи с вопросами энергетики, а также украинскими и крымскими событиями.

Список литературы

1. Т.С. Anayasası. URL: http://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2011.pdf (Дата обращения: 20.04.2019)
2. Т.С. Kültürve Turizm Bakanlığı. Atatürk İlkeleri. URL: <http://www.kultur.gov.tr/TR,25231/ataturk-ilkeleri.html> (Дата обращения: 20.04.2019)
3. Т.С. Kültürve Turizm Bakanlığı. Atatürk Diyorki. Din veLaiklik. URL:<http://www.kultur.gov.tr/TR,25406/din-ve-laiklik.html> (Дата обращения: 20.04.2019)
4. Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №1. URL:<http://www.mgimo.ru/publications/?id=177840> (Дата обращения: 21.04.2019)
5. Т. С. DışişleriBakanlığı. GenelGörünüm. URL: <http://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa> (Дата обращения: 21.04.2019)
6. Дружиловский С.Б.Турция:привычка управлять //Россия в глобальной политике. – 2005. – №6. – С.43–57
7. Nazemroaya M.D. Plans for Redrawing the Middle East: The Project for a “New Middle East”// Middle East and North Africa. Centre for Research on Globalization. Nov.18, 2006.URL: <http://www.globalresearch.ca/plans-for-redrawing-the-middle-east-the-project-for-a-new-middle-east/3882> (Дата обращения: 21.04.2019)
8. Rajeev A. Turkey and its Quest for Leadership Role in the West Asian Region // Institute for Defence Studies and Analyses Monograph Series №32.January 2014. URL:<http://www.idsa.in/system/files/monograph32.pdf> (Дата обращения: 22.04.2019)
9. Davutoğlu Ahmet Asla Yalvarmayacağız // Anadolu Ajansi. 19.12.2012. URL:<http://www.aa.com.tr/tr/manset/113308--hicbir-zaman-yalvarmayacagiz>
10. DavutoğluAhmet. StratejikDerinlik. Türkiye'ninUluslararası Konumu. – İstanbul, 2012. - 300 p.(Дата обращения: 22.04.2019)
11. Davutoğlu Ahmet. Turkey's foreign policy vision: An Assessment of 2007 // Insight Turkey. – 2008. – Vol. 10. – №1 – P. 78. URL: <http://arsiv.setav.org/ups/dosya/9595.pdf> (Дата обращения: 22.04.2019)
12. Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK: “Turkey-US relations: A Model Partnership, Global and Regional Dimensions” (Washington DC, 2 June 2009) // URL:

http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa
(Дата обращения: 23.04.2019)

13. Едемский А.Б. Неосманизм как реальность современной геополитики / // URL: http://riss.ru/images/pdf/journal/2012/2/18_.pdf (Дата обращения: 23.04.2019)
14. Ульген С. Место под солнцем или пятнадцать минут славы? Новый внешнеполитический курс Турции. – М., 2011. – 39 с.

Demirel Nuri. Conceptual Foundations of Turkey's Policy in the Black Sea Region // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 105–115

The article defines the historically determined and modern conceptual foundations of the policy pursued by the Republic of Turkey in the Black Sea region. It has been important to Turkey for the past five centuries, which initially adhered to the principles of Kemal Ataturk. As a national concept, Kemalism was formed in the 1920s. It was based on the "six arrows", which were reflected in the Constitution in 1937. After the death of K.M. Ataturk bequeathed to him the principles of a secular state gradually eroded. To the greatest extent, the renewal has manifested itself since the moment the Justice and Development Party took power in the country. One of the main founders of Turkey's foreign policy, defined by the Justice and Development Party, is the mentioned Ahmet Davutoglu. His concepts and approaches to the question of the role and place of Turkey in a changing global world system are reflected in the famous monograph "Strategic Depth". In it, the author insists on the need to transform Turkey's foreign policy in the 21st century and gives a theoretical justification for the key areas of this transformation. The author of "Strategic Depth" focuses on the impressive potential of the Ottoman heritage and Islamic tradition. The concept of A. Davutoglu provides a classification of "basins", which are promising areas of Turkish geopolitical influence, one of which is the neighboring sea basin, which includes the Black Sea, Adriatic, East Mediterranean regions, as well as the Red Sea, Persian Gulf and the Caspian Sea. In general, we can say that a distinctive feature of modern Turkish foreign policy is the presence of a well-developed conceptual framework. Reflecting the political views and ideology of the ruling Justice and Development Party, it combines elements of well-established Kemalist, moderate-Islamist and modern approaches to the problems of international relations, which is why it enjoys widespread support in society and considers the Black Sea region as its important component.

Keywords: Turkey, Black Sea region, foreign policy, concept, "Strategic depth".

References

1. T.C. Anayasası. URL: http://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2011.pdf (Accessed: 20 April 2019)
2. T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Atatürk İlkeleri. URL: <http://www.kultur.gov.tr/TR,25231/aturk-ilkeleri.html> (Accessed: 20 April 2019)
3. T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Atatürk Diyor ki. Din ve Laiklik. URL: <http://www.kultur.gov.tr/TR,25406/din-ve-laiklik.html> (Accessed: 20 April 2019)
4. Druzhilovskii S.B. Vnutrennie faktory formirovaniya vneshnei politiki Irana i Turtsii [Internal Factors of the Foreign Policy of Iran and Turkey] // Vestnik MGIMO-Universiteta, 2010, № 1. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=177840> (Accessed: 21 April 2019)
5. T. C. Dışişleri Bakanlığı. Genel Görünüm URL: <http://www.mfa.gov.tr/dis-po-litika-genel.tr.mfa> (Accessed: 21 April 2019)
6. Druzhilovskii S.B. Turtsiya: privyichka upravlyat' [Turkey: the Habit of Managing] // Rossiya v global'noipolitike, 2005, №6, S.43–57
7. Nazemroaya M.D. Plans for Redrawing the Middle East: The Project for a "New Middle East" // Middle East and North Africa. Centre for Research on Globalization. Nov.18, 2006. URL: <http://www.globalresearch.ca/plans-for-redrawing-the-middle-east-the-project-for-a-new-middle-east/3882> (Accessed: 21 April 2019)

8. Rajeev A. Turkey and its Quest for Leadership Role in the West Asian Region // Institute for Defence Studies and Analyses Monograph Series № 32. January 2014. URL: <http://www.idsa.in/system/files/monograph32.pdf> (Accessed: 22 April 2019)
9. Davutoğlu Ahmet Asla Yalvarmayacağız // Anadolu Ajansı. 19.12.2012. URL: <http://www.aa.com.tr/tr/manset/113308--hicbir-zaman-yalvarmayacagiz>
10. Davutoğlu Ahmet. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. – İstanbul, 2012. (Accessed: 22 April 2019)
11. Davutoğlu Ahmet. Turkey's foreign policy vision: An Assessment of 2007 // Insight Turkey. – 2008. – Vol. 10. – №1 –URL: <http://arsiv.setav.org/ups/dosya/9595.pdf> (Accessed: 22 April 2019)
12. Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK: “Turkey-US relations: A Model Partnership, Global and Regional Dimensions” URL: http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa (Accessed: 23 April 2019)
13. Edemskii A.B. Neoosmanizm kak real'nost' sovremennoi geopolitiki [Neo-Ottomanism as a Reality of Modern Geopolitics]. URL: http://riss.ru/images/pdf/journal/2012/2/18_.pdf (Accessed: 23 April 2019)
14. Ul'gen S. Mesto pod solntsem ili pyatnadtsat' minut slavy? Novyi vneshnepoliticheskii kurs Turtsii [A place in the Sun or Fifteen Minutes of Glory? New Foreign Policy of Turkey]. М., 2011, 39 s.

УДК: 7.01

ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В ЖИВОПИСИ ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Лозовая Л.В.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

E-mail: l.v.lozovaya-02@inbox.ru

Экспрессионизм – художественное течение, проявившееся в разных видах искусства. Статья посвящена экспрессионизму в живописи, который рассматривается как явление немецкой национальной школы, и как распространенная тенденция изобразительного искусства XX века, связанная с эмоциональной насыщенностью произведений. Каждое художественное произведение отражает объективную реальность (объективное) и одновременно раскрывает восприятие и оценку человеком (субъективное) этой реальности. Предметом исследования статьи является соотношение объективного и субъективного в живописи экспрессионизма. Автор прослеживает, как происходил уход от изобразительности к выразительности в живописи экспрессионизма, как в связи с этим менялись живописные приемы и формировались общие черты экспрессионизма в живописи. Большое внимание в статье уделяется абстрактному экспрессионизму (в частности, беспредметной живописи В. Кандинского) и особой роли в нем субъективного начала; проводится анализ трактовки понятий «объективная духовность» и «субъективная художественная форма», а также анализируется изменение понимания роли художественного содержания и художественной формы в истории развития искусства, данные в теоретических работах В. Кандинского. В статье прослеживается, как субъективизм абстрактного экспрессионизма привел к отказу от осмысленного художественного творчества в «живописи действия», в «живописи цветового поля» и в «живописи жесткого контура».

Ключевые слова: экспрессионизм, живопись XX века, объективное, субъективное, В. Кандинский.

Искусство ориентировано на духовное познание мира и имеет двойную направленность. Искусство есть средство познания действительности (объект познания) и одновременно искусство раскрывает отношение художника (субъекта познания) к окружающему миру, поэтому содержание искусства всегда включает как знание о реальном мире, так и знание о духовном мире человека. В силу этого в каждом произведении искусства обнаруживается диалектическая связь объективного (изобразительного) и субъективного (выражаемого). В первом случае объективная реальность отражается духовным миром человека, а во втором – духовный мир человека отражает и оценивает объективную реальность [1].

Экспрессионизм – сложное явление, связанное, с одной стороны, с немецкой национальной школой, в недрах которой он зародился и сформировался. С другой

стороны, экспрессионизм – распространенная тенденция искусства XX века, проявившаяся в разных видах искусства и в творчестве многих художников эмоциональной насыщенностью произведений. В данной статье рассматривается как классический вариант экспрессионизма, так и экспрессионистические тенденции в живописи XX века, в связи с чем автор будет употреблять термин «экспрессионистическая живопись».

Начиная с конца прошлого века, активизировался интерес исследователей к экспрессионизму. В результате был опубликован ряд работ, среди которых своей фундаментальностью выделяются монография И. С. Куликовой «Экспрессионизм в искусстве» [2] и статья А. Тихомирова «Экспрессионизм» в сборнике «Модернизм» [3]. В этих работах прослеживается эволюция экспрессионизма, определяются его эстетические основы, выявляется связь экспрессионизма с философскими течениями. Более поздние публикации в основном посвящены истории экспрессионизма, творчеству его основных представителей, а также сравнению экспрессионизма с другими художественными направлениями изобразительного искусства [4; 5; 6]. Актуальность данной статьи обусловлена отсутствием отдельного исследования, посвященного сопряженности объективного и субъективного в экспрессионизме. Цель работы: выявить диалектическую связь объективного и субъективного и проследить изменение роли этих аспектов в экспрессионистической живописи XX века.

Экспрессионизм уходит от изображения реальности в сторону выражения отношения к ней, объявив процессы в сознании (душевные переживания и чувственный опыт, т.е. субъективное) значительнее объективной реальности. Эта объективная реальность (или натура) является лишь первоисточником чувств, толчком эмоциональных процессов, но не становится основным предметом творчества художника. Объективная реальность часто оценивается как «враждебная действительность», как несовершенный мир, лишенный гармонии, поэтому внимание экспрессионизма фокусируется на апокалиптическом мироощущении, особенно усилившемся с началом Первой мировой войны. Отсюда стремление подчеркнуть безобразное, преувеличить формы, исказить пропорции. Изображение действительности деформируется ради большей выразительности в передаче духовного мира художника. При этом экспрессионизм не отказывается от предметности, от отражения, хотя в нем и существует стремление уйти в сторону беспредметности: «Экспрессионизм легко соскальзывает на самую грань беспредметности; но в большинстве случаев он отнюдь не порывает с изобразительностью. Однако излюбленным приемом экспрессионистов является создание какой-то зыбкой предметности, изобразительности, если можно так выразиться, все время балансирующей на грани реального и ирреального» [7, С. 9]. В экспрессионистической живописи образы внешнего мира становятся способом выражения внутреннего мира художника, его индивидуалистических переживаний: «Художник ослеп для внешнего мира и повернул свой зрачок вовнутрь, в сторону внутренних субъективных пейзажей» [8, С. 54].

Субъективное начало есть сам человек. Экспрессионизм не исключает человека из круга своих интересов как многие модернистские направления XX века,

ивоспринимает человека как охваченную эмоциями личность, источник переживаний для которой становятся не беспочвенные фантазии, а сама действительность. Одиночество и растерянность человека в мире рождает в нем напряженные чувства: страх, тревогу, ярость, тоску, настороженность, отчаяние, безысходность. Эти негативные чувства часто искажают облик человека, что диктует гротесковую передачу лиц, поз и жестов изображаемых человеческих фигур, при этом исключается многоплановое понимание человека, присущее классическому искусству. Человек, находящийся в духовном поиске, переживающий жизненные коллизии или участвующий в истории, не интересен художникам-экспрессионистам, они отказывают человеку в сложности и многогранности характера, в способности размышлять, действовать, созидать, и позволяют лишь переживать сильные, но простые, без оттенков и нюансов эмоции. Человеческая личность не становится объектом портретного искусства в экспрессионизме. Как известно, в лучших портретных образах присутствует не только внешнее сходство с моделью, но и выражение ее сущности, что связано с установкой художника увидеть во внешних чертах портретируемого проблески внутреннего содержания, через внешность передать его биографию, уникальное сочетание характера и темперамента. Для экспрессионистов человек, как и все в мире, лишь повод для самовыражения, лишь толчок для создания таких художественных форм, которые бы не передавали самобытную сущность определенного человека через индивидуальные черты его внешнего облика, а выражали лишь чувственные ощущения.

Искусство экспрессионизма, обусловленное напряженными переживаниями художника, требует особого художественного языка. И хотя у каждого художника индивидуальное и неповторимое видение мира, а также свои художественные приемы, можно выделить ряд общих черт экспрессионизма в живописи. Во-первых, острое восприятие цвета, которому принадлежит основная выразительная функция. Художники-экспрессионисты искали такие цветовые сочетания, которые бы раскрывали их нервное напряжение и будоражили чувствозрителей. В экспрессионистической живописи колорит становится основным носителем эмоциональности и часто строится либо на красочных контрастах (как у Э. Нольде и Э. Кирхнера), либо на несгармонизованном сочетании чистых и ярких тонов (как у В. Кандинского и К. Шмидта-Ротлуффа), либо на основе единого цвета (например, голубого или розового в ранних работах П. Пикассо), либо на использовании противоположных цветов (синие лошади Ф. Марка, красные люди А. Макке). Анти натуралистическое сочетание цветов указывает на торжество воображения над наблюдением, на господство внутренних переживаний и эмоций художника над натурой. «Нам совершенно безразлично, “понимают” нас или нет, мы внимаем лишь себе, не времени», – писал Ф. Марк [9, С. 122]. Во-вторых, ещё одной чертой экспрессионизма является отрицание традиций классической европейской живописи: уничтожение глубинно-пространственных отношений, отказ от светотеневой моделировки и игнорирование строгого академического рисунка. Экспрессионистические картины больше напоминают эскизы, которые помогают художнику в поиске цветовых отношений и композиционных построений. В-

третьих, к специфике экспрессионизма относится геометрическое упрощение и общая примитивизация изображения. Примитив становится одним из увлечений искусства начала XX века и, благодаря своей цельности и выразительности, рассматривается как средство обновления живописи. Примитивизация позволяет отбросить старые представления и обновить восприятие человеком мира, обратившись к «неученому» искусству – народному, примитивному, детскому. Художников группы «Мост» интересует скульптура островов южных морей, передающая суть первобытной жизни, участников объединения «Голубая роза», работающих в экспрессионистической манере, – древнерусские фрески, иконы и лубочные картинки, немецких экспрессионистов – средневековая деревянная гравюра и крестьянское искусство, П. Клее и В. Кандинского – детские рисунки.

Гипертрофированное желание зафиксировать свои переживания, свой эмоциональный опыт неизбежно уводит художника из мира объективной реальности в мир духовной субъективности и усиливает роль и значимость художника: «Мы должны забыть все законы. Только наша душа есть подлинное отражение Вселенной», – писал Оскар Кокошка [9, С. 233]. Художники-экспрессионисты полагали, что, разрушая традиции классической живописи в цвете, в рисунке, в построении пространства картины, они «освобождают» художника от обязательных канонов и тем самым восстанавливают творческое могущество человека. Не объективная реальность, а субъективный мир художника становится целью творчества, поэтому наблюдательность оттесняется воображением, внелогическое начинает господствовать над логическим, а духовное – над материальным. Художник, стремясь к самовыражению, ищет формы для воплощения своего духовного мира, а создаваемое им произведение уже не нацелено на внешнюю реальность, оно предполагает субъективный мир художника. «Тайна не в моменте творчества, она в видении, в представлении, в фантазии, в том, что у человека есть силы сделать видимым внутренний образ, который дает ему переживание», – утверждал Л. Кирхнер [9, С. 93]. «Художник, который является творцом, уже не усматривает своей цели в подражании (хотя и художественном) природным явлениям и должен найти выражение своему внутреннему миру», – писал В. Кандинский [10, С. 166]. Таким образом, в картинах экспрессионистов происходит перевод объективного (внешнего объекта), на язык субъективного, в них есть поиск художественных форм, которые демонстрируют не рефлексию художника над жизнью, а рефлексию над художественными образами. Чтобы прямо выразить свое духовное состояние, не прибегая к изображению реальных объектов, возникает необходимость в использовании абстрактных форм, поэтому вполне закономерно рождение абстрактного экспрессионизма в форме беспредметной живописи Василия Кандинского. Теперь художник может создавать не изображение реальности, а саму реальность – реальность картины как реальность внутреннего мира художника, стирая грань между действительностью и сознанием, между объектом и субъектом. «Живопись есть грохочущее столкновение различных миров, призванных путем борьбы миров между собою создать новый мир, который зовется произведением. Каждое произведение возникает и технически так, как возник космос, – оно проходит путем катастроф, подобных хаотическому реву оркестра,

выливающимся в конце концов в симфонию, имя которой – музыка сфер. Создание произведения есть мироздание» [10, С. 75].

Художник окончательно выходит за рамки зрительной зависимости от внешней природы изображаемого объекта, перестает изображать объекты материальной действительности и устанавливает духовный предмет познания. Но беспредметная живопись не может полностью отказаться от изображения объективного мира, поэтому Кандинский выделяет несколько типов абстрактных картин. Во-первых, «импрессионизм», которые рождаются в результате прямого впечатления от внешней природы и являются своего рода «беспредметным импрессионизмом». Во-вторых, «импровизации», которые предполагают активное участие фантазии при переосмыслении внешних впечатлений. И, наконец, «композиции», в которых творческим гением художника создается новая реальность, не подверженная внешнему воздействию. «Равновесие и пропорции находятся не вне художника, а внутри его. Внешняя связь линий необходима в ряду природы, в живописи же линии могут не иметь никакой внешней связи, их самоподчинение принадлежит внутренней, а не внешней природе» [10, С. 117]. «Композиции», не испытывавшие влияния внешних впечатлений, должны быть сознательными и строго выверенными конструкциями. Свои идеи Кандинский выражает линией и цветом, отвергая декоративность абстрактных картин, его беспредметный мир многоцветен и построен на кривых. Кандинский подводит к идее, что художник не должен повиноваться законам объективной природы, отражать ее формы и краски, стремиться постичь смысл ее явлений, задача художника – творить только из своего воображения. Такое отрицание объективного мира, отказ от его зрительного восприятия, стремление выразить посредством красок и линий субъективное представление о нем приводит к отказу художника от мировоззрения, от критического мышления и, в конце концов, замыкает в рамках субъективизма. Абстрактная живопись, по мнению Кандинского, позволяет прорваться к духовной сущности мира, а это означает, что художник в абстрактных картинах отражает не только свои духовные переживания, но становится проводником всеобщей Духовности (Духа). «Дух, ведущий в царство завтрашнего дня, может быть познан только чувством. Путь туда пролагает талант художника» [10, С. 98]. Дух, по Кандинскому, абстрактен, объективен, вечен и может быть выражен только через творящего художника. Для этого объективный Дух возбуждает в душе художника внутренний порыв, который приводит к рождению в ней новой ценности, для воплощения которой художник начинает поиск адекватной материальной формы. Эта новая ценность рождается в душе художника бессознательно и составляет художественное содержание созданного им произведения. Открывшееся духовное содержание индивидуально для каждого художника, поэтому каждый художник ищет свои формы для его выражения, но все они равноценны, ни у одной из форм нет преимущества. Выбор же художественной формы диктуется желанием объективного Духа самовыразиться. «У художника должно быть что-нибудь, что ему надо сказать, так как не овладение формой есть его задача, но приурочивание этой формы к содержанию» [10, С. 84]. Таким образом, художник ищет субъективную (но при этом, внешнюю) форму для воплощения объективного (но

при этом, смыслового) содержания, и к этому творческому акту его побуждают три причины: 1) выразить себя в искусстве; 2) выразить свою эпоху; 3) выразить чистое и вечное художественное содержание. Влияние первых двух причин определяет преходящие ценности произведения искусства, третья же – вечные. По теории Кандинского, объективный Дух может выразить себя только через субъективное начало, а история развития искусства есть прогрессивное выражение объективного в субъективном. Здесь объективным является содержание произведения искусства, а субъективным – его форма, которая несет на себе как печать личности художника, так и печать эпохи.

Однако гипертрофированный субъективизм замыкает художника исключительно в контексте его внутреннего мира и неизбежно приводит к шаблонному самовыражению. И если в экспрессионистических картинах первой трети XX века воплощаются, прежде всего, цветом «умные» эмоции, то абстрактный экспрессионизм 50-60-х годов уже перестает не только изображать действительность, но и выражать человеческие переживания, тем самым отрицая сознательный характер художественной деятельности. Аршил Горки начал создавать полотна, выливая из ведра краску на холст, разостланный на полу, такая стихийная манера нанесения красок получила название «живопись действия» (англ. *action painting*). Ученик Горки, Джексон Поллок, «писал» картины капле разбрасыванием, поливая холст струйками эмалевых автомобильных красок, вытекающих из пробитых в банках дырок, другие художники разбрызгивали краски из пульверизатора или выдавливали их из тюбиков на холст. Художники-ташисты, провозгласившие принцип спонтанного выражения подсознания, быстрыми движениями, автоматически наносили на холст краски без заранее обдуманного плана, передавая, таким образом, свою бессознательную активность. Подобное, не подчиненное контролю разума творчество, было не способно воссоздать в художественных образах ни внешнюю, ни внутреннюю реальность, оно могло лишь зафиксировать в хаотичных формах бессмысленные движения человеческой руки. В «живописи действия», как и в ташизме, художник, спонтанно обращаясь с краской и придавая ей импульс движущегося тела, дает возможность краске «творить» самостоятельно и бесконтрольно, перенося акцент с результата деятельности на процесс. Картина, возникающая в результате такого стихийного обращения с красками, выразительная фактурой и насыщенная цветом, оказывается вне сферы субъектно-объектных отношений. При этом абстрактные экспрессионисты, покрывая холсты кляксами и брызгами краски, претендуют на то, что созданные случайным потоком красок полотна изображают водоворот космических явлений, а художнику для живописания космических процессов достаточно погрузиться в свой внутренний мир, чтобы «обнаружить Вселенную». Живопись перестает зависеть от сознательной деятельности художника, от его эмоций, интеллекта, вкуса, воли, воображения, опыта жизни, мастерства, и уже не отражает ни мир материальный, ни мир духовный. Живописная поверхность становится всего лишь результатом спонтанных движений человеческого тела и хаотичного прилипания краски к холсту, результатом автоматического и бездумного «творчества». Очевидно, что участие художника в создании такой картины вовсе не обязательно, его вполне могут

заменить механизмы или животные. Не случайно в 1962 году в лондонском Институте современного искусства устроили выставку живописи двух обезьян, Бетси и Конго, а некоторые критики сравнивали их «произведения» с работами абстракционистов, потому что эти работы были похожи на обезьяньи. В США в это время журналы рекламировали шимпанзе Пабло, печатая такое объявление: «Шимпанзе-художник напишет для вас!»

Результатом формальной игры являются и картины «живописи цветового поля» («colorfieldpainting»), написанные по принципу интуитивной гармонизации цвета и тонких вариаций цветовых оттенков. На полотнах Марка Ротко господствуют большие прямоугольники чистого цвета (оранжевые, желтые, красные, зеленые, темно-синие, черные, серые), неоднородные по колориту и с размытыми границами. При этом художник отдает свою живопись не только во власть цвета, но и света, так как, нанося на холст краски множественными слоями различных оттенков, он достигает эффекта люминесцирующего и подвижного цвета. В «живописи цветового поля» цветовые пятна непрерывно переливаются из одного в другое без изображения того, что именно обладает цветом, без тех предметов и вещей, которые являются носителями этих цветов. В живописи жесткого контура («hardedge»), наоборот, плоскостные пятна цвета тщательно вписываются в строго очерченные геометрические формы, при этом безликая точность таких картин по-прежнему далека от объективной действительности и является лишь отражением субъективных представлений художника о цветной абстрактной форме. В картинах, относящихся к «живописи жесткого контура», и к «живописи цветового поля», абсолютизируется роль цвета и его эстетическая значимость, в них цвет полностью освобождается от формы, а колористические проблемы исследуются исключительно на внешнем уровне, на уровне гармонизации цветовых сочетаний. При этом цвет, передавая чистую эмоцию, не нагружается внутренним смыслом, происходит утверждение самостоятельной выразительной ценности цвета.

С самого своего возникновения живопись никогда не была пассивной деятельностью, художник всегда стремился постичь смысл жизненных явлений, переработать впечатления от них (что-то выделить, а что-то «затенить»), истолковать понимание этих явлений и выразить к ним свое отношение, а результатом творческого процесса становился целостный художественный образ. Художник-абстракционист, нанося автоматически краски на холст, отказывается от жизненных впечатлений: его интересует исключительно декоративное экспериментаторство. И «живопись действия», и «живопись цветового поля», и «живопись жесткого контура» отрицают искусство как сложную духовную деятельность и подменяют ее механическими действиями художника, заменяя ими художественный образ абстрактными знаками.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- для экспрессионизма объектом искусства является не объективно существующий мир, а чувства художника, перенесенные на предметы действительности, при этом экспрессионизм не отказывается от предметности, от отражения действительности;

- растущая роль субъективного начала приводит экспрессионизм к абстрактной живописи, предметом выражения которой становится исключительно сознание человека;

- однако замкнутость сферы субъективного в абстрактном искусстве не позволяет художнику черпать вдохновение для творчества, что приводит к выходу за пределы осмысленного и содержательного художественного созидания и толкает художника к механической деятельности, не нуждающейся в сознании.

Список литературы

1. Каган М. С. Эстетика как философская наука / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1977. – 544 с.
2. Куликова И. С. Экспрессионизм в искусстве / И. С. Куликова. – М.: Наука, 1978. – 183 с.
3. Тихомиров А. Экспрессионизм / А.Тихомиров// Модернизм: Анализ и Критика основных направлений: сб.статей / под ред. В. В. Ванслова, М. Н. Соколова. – М.:Искусство,1987. – С. 28-51.
4. Янсон Х. В., Янсон Энтони Ф. Основы истории искусств / Х. В. Янсон, Энтони Ф. Янсон; пер. с англ. – СПб. : Икар, 1996. – 512 с.
5. Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка / Л. Ришар; пер. с фр. – М. : Республика, 2003. – 430 с.
6. Герман М. Модернизм. Искусство первой половины XX века / М. Герман. – СПб. : Азбука, 2005. – 480 с.
7. Недошивин Г. Проблема экспрессионизма / Г. Недошивин // Экспрессионизм: Драматургия. Живопись. Графика. Музыка. Киноискусство: сб.статей. – М. : Наука, 1966. – С. 8-13.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. – М. : АСТ, 2003. – 269 с.
9. Мастера искусства об искусстве: в семи томах. – М. : Искусство, 1969. - Т. 5.Кн. 2. ИскусствооконцаXIX-началаXXвека. – М. : Искусство, 1962. - 542 с.
10. Кандинский В. В. О духовном в искусстве / В. В. Кандинский. – М. :АСТ, 2018. – 236 с.

Lozovaya L.V. Dialectics of Objective and Subjective in Expressionism Painting // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 116–124

Expressionism is an artistic trend manifested in various art forms. The article is devoted to expressionism in painting, which is considered both as a phenomenon of the German national school, and as a prevailing trend in the fine art of the 20th century, associated with the deeply moving works. Each work of art reflects an objective reality (objective) and at the same time reveals a human (subjective) perception and evaluation of this reality. The subject of this article is the relationship between the objective and subjective in the expressionistic painting. The author traces departure from pictorial forms to expressiveness in the expressionistic painting, how in this connection the painting techniques changed and how the general features of expressionism were formed in painting. The article pays much attention to abstract expressionism, in particular, the abstract painting of V. Kandinsky and the special role of the subjective principle in it. The author analyzes interpretation of the concepts of 'objective spirituality' and 'subjective art form', as well as an understanding of the role of art content and art form in the art history, set forth in V. Kandinsky's theoretical works. The article traces how the subjectivity of the abstract expressionism led to rejection of meaningful artistic creativity in the 'action painting', in the 'colour field painting' and in the 'edgy painting'.

Keywords: expressionism, painting of the 20th century, objective, subjective, V. Kandinsky.

References

1. Kagan M. S. Estetika kak filosofskaya nauka [Aesthetics as a Philosophical Science]. St. Petersburg, Petropolis, 1997, 544 p.
2. Kulikova I. S. Ekspressionizm v iskusstve [Expressionism in Art]. Moscow, NaukaPubl., 1978, 183 p.
3. Tikhomirov A. Ekspressionizm [Expressionism]. Modernizm: Analizi kritika osnovnykh napravlenii: sb. statei [Modernism: Study and Critics of Principal Aspects: Collected Articles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, pp. 30-57.
4. Yanson Kh. V., Yanson Entoni F. Osnovy istorii iskusstv [Fundamentals of the History of Art]. St. Petersburg, Ikar Publ., 1996, 512 p.
5. Rishar L. Entsiklopediya ekspressionizma: Zhivopis' i grafika. Skul'ptura. Arkhitektura. Literatura. Dramaturgi. Teatr. Kino. Muzyka [Expressionism Encyclopedia: Painting and Graphics. Sculpture. Architecture. Literature. Playwrights. Theater. Movie. Music]. Moscow, Respublika Publ., 2003, 430 p.
6. German M. Modernizm. Iskusstvo pervoi poloviny XX veka [Modernism. The Art of the First Half of the XX Century]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2005, 480 p.
7. Nedoshivin G. Problema ekspressionizma [Problem of Expressionism]. Ekspressionizm: Dramaturgiya. Zhivopis'. Grafika. Muzyka. Kinoiskusstvo: sb. statei [Expressionism: Drama. Painting. Graphics. Music. Cinematography: Collected Articles], NaukaPubl., 1966, pp. 8-13.
8. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass [The Rise of the Masses]. Moscow, AST, 2003, 269 p.
9. Mastera iskusstva ob iskusstve: v 7 t. [Masters of the Art about Art: in 7 tons]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969, Vol. 5, Book 2. Art in the Late XIX Century and Early XX Century, 542 p.
10. Kandinskii V. V. O dukhovnom v iskusstve [About Spirituality in Art]. Moscow, AST, 2018, 236 p.

Сведения об авторах

Власов А. А. – аспирант кафедры современных проблем философии, г. Москва, Российский Государственный Гуманитарный Университет. E-mail: mioxin@gmail.com.

Гарипова Н. М. – кандидат педагогических наук, доцент. Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Гуманитарно-педагогическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (филиал в г. Ялте). E-mail: natamigo@rambler.ru

Говорухина К. А. – кандидат политических наук, доцент, г. Краснодар, Кубанский государственный университет, доцент кафедры политологии и политического управления. E-mail: kereana@mail.ru.

Демирель Нури – директор международной школы «Пан Азия», г. Бангкок, Таиланд, выпускник аспирантуры кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: deminuri75@mail.ru.

Донцова М. В. – кандидат социологических наук, доцент, г. Краснодар, Кубанский государственный университет, доцент кафедры политологии и политического управления. E-mail: dontsova_79@list.ru.

Евтюшкин И. В. – старший преподаватель, г. Симферополь, Медицинская академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: evtyush@mail.ru.

Зарапин О. В. – кандидат философских наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, доцент кафедры Философии социально-гуманитарного профиля философского факультета Таврической академии; научный сотрудник, Москва, Институт философии РАН. Email: Zaraoleg@yandex.ru.

Лозовая Л. В. – кандидат философских наук, ДНР, г. Донецк, Донецкий национальный университет, доцент кафедры дизайна и art-менеджмента. E-mail: l.v.lozovaya-02@inbox.ru.

Пчелкина С. Ю. – кандидат философских наук, доцент, доцент департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального ун-та. Российская федерация, 690920, Владивосток, п-в Аякс, кампус ДВФУ. E-mail: greet.svet@mail.ru.

Сафонова Н. В. – кандидат философских наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, доцент кафедры философии естественнонаучного профиля философского факультета Таврической академии. Email: Safonov7070@mail.ru.

Свергузов А. Т. – кандидат философских наук, доцент, г. Казань, Казанский национальный исследовательский технологический университет, доцент кафедры философии и истории науки. E-mail: atsverguzov@mail.ru.

Телятник Т. Е. – кандидат политических наук, г. Краснодар, Кубанский государственный университет, доцент кафедры политологии и политического управления. E-mail: neptuneus@yandex.ru.

Яхновская Ю. С. – студентка, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, студентка кафедры Философии социально-гуманитарного профиля философского факультета Таврической академии. Email: juliayakhnovskaya@gmail.com.

Ячин С. Е. – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета. Российская федерация, 690920, Владивосток, п-в Аякс, кампус ДВФУ. E-mail: yachin.se@gmail.com.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Гарипова Н. М. О темпоральности смысла	3
Зарапин О. В. Философия как действие: к метафизике диалога	17
Сафонова Н. В. Непостижимая эффективность математики в естественных науках в контексте идей платонизма	32
Свергузов А. Т. О возможности недialeктической концепции абсолютного небытия.....	42
Яхновская Ю. С. Коммуникативные практики в образовании: от лекции к сторителлингу.....	50
Ячин С. Е. Пчелкина С. Е. Антиномизм культуры и социальный радикализм	60

ПОЛИТОЛОГИЯ

Власов А. А. Национализм – космополитизм – анархизм: в поисках социальной революции	70
Донцова М. В. Говорухина К. А. Телятник Т. Е. Влияние современных СМИ на восприятие студенческой молодежью событий на ближнем востоке (по материалам социологического опроса)	81
Евтюшкин И. В. Крымский автономизм в контексте развития российско-украинских отношений в период распада российской империи (на примере республики Тавриды)	93
Демирель Нури Концептуальные основы политики Турции в черноморском регионе	105

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Лозовая Л. В. Диалектика объективного и субъективного в живописи экспрессионизма	116
Сведения об авторах.....	125
Содержание.....	127

About the Authors

Demirel Nuri – Head of Pan Asia International School, Bangkok, Thailand, graduate of the graduate school of the Department of Political Science and International Relations of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: deminuri75@mail.ru.

Dontsova M. V. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Political science and political governance, Krasnodar, Kuban State University. E-mail: dontsova_79@list.ru.

Garipova N. M. – Ph.D, docent (assistant professor) of department of Musical Pedagogy and Performing. Humanitarian-Pedagogical Academy. V.I. Vernadsky Crimean Federal University (branch in Yalta). E-mail: natamigo@rambler.ru.

Govorukhina K. A. – Candidate of Political Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Political science and political governance, Krasnodar, Kuban State University, E-mail: kereana@mail.ru.

Lozovaya L. V. – Candidate of Philosophical Sciences, DPR, Donetsk, Donetsk National University, Associate Professor at the Department of Design and Art Management. E-mail: l.v.lozovaya-02@inbox.ru.

Pchelkina S. Y. – Far Eastern Federal University, 690920, Russian Federation, Vladivostok, Ajax Peninsula, FEFU campus. E-mail: greet.svet@mail.ru.

Safonova N. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Natural Science Profile of the Faculty of Philosophy of the Tauride Academy. Email: Safonov7070@mail.ru.

Sverguzov A. T. – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Kazan, Kazan National Research Technological University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Science. E-mail: atsverguzov@mail.ru.

Telyatnik T. E. – Candidate of Political Sciences, Krasnodar, Kuban State University, Associate Professor at the Department of Political science and political governance. E-mail: neptuneus@yandex.ru.

Vlassov A. A. – Postgraduate of the Department of Contemporary Problems of Philosophy, Moscow, Russian State University for Humanities. E-mail: mioxin@gmail.com.

Yachin S. E. – Far Eastern Federal University. Russian Federation, 690920, Vladivostok, Ajax Peninsula, FEFU campus. E-mail: yachin.se@gmail.com.

Yakhnovskaya Y. S. – student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, student of the Department of Philosophy of the Social and Humanitarian Profile of the Faculty of Philosophy of the Tauride Academy. Email: juliayakhnovskaya@gmail.com.

Yevtyushkin I. V. – Senior lecturer, Simferopol, Medical Academy of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. E-mail: evtyush@mail.ru.

Zarapin O. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal University. V. I. Vernadsky, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Social and Humanitarian Profile of the Philosophical Faculty of the Taurida Academy. Researcher, Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Email: Zaraoleg@yandex.ru.

CONTENT

PHILOSOPHY

Garipova N. M. On the Temporality of Meaning	3
Zarapin O. V. Philosophy as Action: Towards the Metaphysics of Dialogue	17
Safonova N. V. The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences in the Context of the Ideas of Platonism	32
Sverguzov A. T. About the Possibility of Nondialectic Concept of Absolute Non-Being	42
Yakhnovskaya Y. S. Philosophy as an Educational Practice: the Phenomenon of a Medieval University	50
Yachin S. E., Pchelkina S. Y. The Antinomianism of Culture and Social Radicalism	60

POLITICAL SCIENCE

Vlasov A. A. Nationalism – Cosmopolitanism – Anarchism: the Search for a Social Revolution	70
Dontsova M. V., Govorukhina K. A., Telyatnik T. E. The Influence of Modern Media on the Perception of Student Youth Events in the Middle East (on the Materials of Sociological Poll)	81
Yevtyushkin I. V. Crimean Autonomism in the Context of Development of Russian-Ukrainian Relations During Dissolution of the Russian Empire (on the Example of the Republic of Tavrida)	93
Demirel Nuri Conceptual Foundations of Turkey's Policy in the Black Sea Region	105

CULTUROLOGY

Lozovaya L. V. Dialectics of Objective and Subjective in Expressionism Painting	116
About the authors.....	129
Content.....	131